T 113/75

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ПО ОПИСАНІЮ ИНОСТРАНЦЕВЪ

XV—XVII ВѢКА.

МУЗЕЙ * ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

4695-X

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

113
75

СКАЗАНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ

О МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Василія Ключевскаго.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко.).
на Страстномъ бульварѣ.
1866.

МУЗЕЙ * ПУБЛИЧ. БИБЛІО-ТЕКА РУМЯНЦОВ.

22502-0

Дозволено цензурою. Москва. Мая 21-го дня. 1866 года.

Въ отношеніяхъ западно-европейскаго міра къ древней Россіи есть двѣ черты, повидимому, исключающія одна другую и однакожь существовавшія рядомъ, благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находилась древняя Россія. Съ одной стороны, вслѣдствіе отчужденія между западною Европой и Россіей, продолжавшагося до самаго XVIII вѣка, западно-европейское общество оставалось почти въ совершенномъ невѣдѣніи о положеніи и судьбахъ Россіи; вслѣдствіе этого невѣдѣнія въ немъ распространились и укоренились странныя представленія объ этой странѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія русскій резидентъ при одномъ изъ западно-европейскихъ дворовъ, подыскивая дѣловыхъ людей для Петра, жаловался на то, что эти люди боятся ѣхать въ Россію, думая, что ѣхать туда—значитъ ѣхать „въ край свѣта“, что эта страна „съ Индіями граничитъ“. *) Между тѣмъ, въ то самое время, какъ въ западной Европѣ господствовали такія представленія о Россіи, ни одна европейская страна не была столько разъ и такъ подробно описана путешественниками изъ западной Европы, какъ отдаленная лѣсная Московія. Нетрудно найдти нѣкоторую связь между этими противорѣчащими явленіями: чѣмъ первобытнѣе и малоизвѣстнѣе для путешественника страна, въ которую онъ попалъ, чѣмъ болѣе представляетъ она новыхъ для него особенностей, тѣмъ сильнѣе затрогиваетъ она его любопытство и тѣмъ легче

*) Поэтому Мейнерсъ имѣлъ полное право сказать, что образованная Европа въ началѣ XVI вѣка знала о Россіи гораздо меньше, нежели о новой Голландіи въ концѣ XVIII вѣка. Vergleich. des ältern und neuern Russlandes, Ч. I, стр. 2.

дается наблюдающему глазу. Но не одинъ простой интересъ дикой, невѣдомой страны, съ которымъ описываютъ новую Голландію или центральную Африку, привлекалъ вниманіе западно-европейскихъ путешественниковъ къ Московскому государству: въ ихъ описаніяхъ сказывается иногда другой, высшій интересъ, руководившій ихъ наблюденіями; у немногихъ изъ нихъ, но за то наиболѣе безпристрастныхъ и основательныхъ, изрѣдка встрѣчаются намеки на то, что они чувствовали въ древне-русскомъ обществѣ подъ его азіятской формой присутствіе началъ родственныхъ съ тѣми, которыми жила западная Европа, и среди множества явленій, непріятно поражавшихъ европейца, умѣли подмѣтить и такія, къ которымъ послѣ строгой оцѣнки не могли не отнестись съ сочувствіемъ.

Разсмотримъ качество того матеріала, который представляютъ записки этихъ путешественниковъ о Московскомъ государствѣ. Какой интересъ могутъ представить для изученія отечественной исторіи замѣтки иностранца о чужой для него странѣ, о чужомъ народѣ? Чѣмъ шире развивается народная жизнь, тѣмъ доступнѣе становится она для изученія, оставляя болѣе слѣдовъ послѣ себя; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ такой же мѣрѣ развивается народное самосознаніе, выражаясь въ извѣстныхъ органахъ. Такъ съ двухъ сторонъ являются обильные и притомъ *свои* источники для историческаго изученія. Тогда замѣтки заѣзжаго иностранца, болѣе или менѣе бѣглыя и поверхностныя, могутъ быть любопытны, но и только. Совсѣмъ другое значеніе получаютъ онѣ, когда относятся къ болѣе раннимъ эпохамъ исторіи народа, когда застаютъ его на той ступени развитія, на какой стояло напримѣръ Московское государство въ XV — XVII вѣкѣ. Извѣстно, какъ трудно развивается и въ человѣкѣ, и въ народѣ способность оглядки на себя, на пройденное и сдѣланное, какъ вообще трудно отрѣшиться на-время отъ окружающаго, стать въ сторонѣ отъ него, чтобы окинуть его спокойнымъ взглядомъ посторонняго наблюдателя. Много говорятъ о русской привычкѣ думать и дѣйствовать толпой, міромъ: правда ли это и,

если правда, составляетъ ли это постоянную, или временную особенность національнаго характера,—все равно: и въ томъ и въ другомъ случаѣ это условіе очень неблагопріятствуетъ появленію въ обществѣ людей, которые „приходятъ на житейскій рынокъ не для купли и продажи, а для того, чтобы посмотрѣть какъ другіе продаютъ и покупаютъ“. Мы знаемъ также, какъ много помогаетъ обсужденію себя и своего положенія возможность сравненія, возможность видѣть, какъ живутъ и дѣйствуютъ другіе. Наконецъ для того, чтобы возникла въ обществѣ потребность обсудить свое прошедшее и настоящее, разобраться въ грудѣ всего, что̀ сдѣлано въ продолженіе вѣковъ, надобно чтобы эта груда достигла значительныхъ размѣровъ и само общество имѣло на столько спокойствія и устоя, чтобъ можно было приняться за такую разборку. Ни того, ни другаго, ни третьяго не имѣли наши предки XV — XVII вѣка: въ своихъ лѣсахъ, окруженные враждебными сосѣдями, разобщенные съ другими народами, они были слишкомъ заняты, чтобъ имѣть возможность и охоту приняться за подобную разборку *). Такія эпохи не благопріятствуютъ появленію литературныхъ памятниковъ, которые изображали бы съ нѣкоторой полнотой обычное теченіе народной жизни, и тутъ особенно дорого можетъ быть слово иностранца, наблюденію котораго доступно преимущественно это обычное теченіе жизни; а въ древней Россіи именно эта сторона должна была рѣзко броситься въ глаза западному Европейцу, представляя во всемъ любопытныя для него, оригинальныя черты. Въ этомъ отношеніи ино

*) Только отъ второй половины XVII вѣка имѣемъ мы довольно живую, хотя далеко неполную картину состоянія Московскаго государства, начертанную русскимъ человѣкомъ; но и этотъ человѣкъ, прежде чѣмъ принялся за такой трудъ, бѣжалъ изъ отечества, порвалъ всякія, даже религіозныя связи съ нимъ и имѣлъ случай узнать обычаи и порядки другихъ странъ, не похожіе на то, что̀ онъ видѣлъ у себя дома: сравненіе родило въ немъ первую мысль описать состояніе своего отечества. См. Котошихинъ, изд. 2-е, предислов., стр. XI.

странныя извѣстія могутъ быть очень важнымъ матеріяломъ для изученія прошедшей жизни народа. Будничная обстановка жизни, повседневныя явленія, мимо которыхъ безъ вниманія проходили современники, привыкшіе къ нимъ, прежде всего останавливали на себѣ вниманіе чужаго наблюдателя; незнакомый или малознакомый съ исторіей народа, чуждый ему по понятіямъ и привычкамъ, иностранецъ не могъ дать вѣрнаго объясненія многихъ явленій русской жизни, часто не могъ даже безпристрастно оцѣнить ихъ; но описать ихъ, выставить наиболѣе замѣтныя черты, наконецъ высказать непосредственное впечатлѣніе, производимое ими на непривыкшаго къ нимъ человѣка, онъ могъ лучше и полнѣе, нежели люди, которые приглядѣлись къ подобнымъ явленіямъ и смотрѣли на нихъ съ своей домашней, условной точки зрѣнія. Съ этой стороны записки иностранца могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ отечественнымъ историческимъ памятникамъ.

Всѣмъ сказаннымъ выше о характерѣ и значеніи иностранныхъ извѣстій, опредѣляется и то, что̀ въ нихъ представляетъ большій и что̀ меньшій интересъ для изученія. Внѣшнія явленія, наружный порядокъ общественной жизни, ея матеріальная сторона вотъ что̀ съ наибольшею полнотой и вѣрностью могъ описать посторонній наблюдатель. Напротивъ, извѣстія о домашней жизни, о нравственномъ состояніи общества не могли быть въ такой же степени вѣрны и полны: эта сторона жизни менѣе открыта для посторонняго глаза, и притомъ къ ней менѣе, нежели къ другимъ сторонамъ народной жизни, приложима чужая мѣрка. Бѣглыя наблюденія, сдѣланныя въ короткое время, не могутъ уловить наиболѣе характеристическихъ чертъ нравственной жизни народа; для оцѣнки ея путешественникъ могъ имѣть передъ собой только отдѣльныя, случайно попавшіяся ему на глаза явленія, а нравственная жизнь народа всего менѣе можетъ быть опредѣлена по отдѣльнымъ, случайнымъ фактамъ и явленіямъ. Наконецъ, въ большей части случаевъ западно-европейскій путешественникъ не могъ даже вѣрно описать и отрывочныя явленія

этой жизни: нравственный бытъ и характеръ русскихъ людей описываемаго времени долженъ былъ казаться ему слишкомъ страннымъ, слишкомъ несходнымъ съ основными его понятіями и привычками, чтобы онъ могъ отнестись къ нему съ полнымъ спокойствіемъ, взглянуть на него не съ своей личной точки зрѣнія, а со стороны тѣхъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагался этотъ бытъ и характеръ. Оттого иностранныя извѣстія о нравственномъ состояніи русскаго общества очень отрывочны и бѣдны положительными указаніями, такъ что по нимъ невозможно составить сколько-нибудь цѣльный очеркъ ни одной изъ сторонъ нравственной жизни описываемаго ими общества; за то въ этихъ извѣстіяхъ дано слишкомъ много мѣста личнымъ, произвольнымъ мнѣніямъ и взглядамъ самихъ писателей, часто бросающимъ ложный свѣтъ на описываемыя явленія. Вотъ какъ, напримѣръ, одинъ изъ иностранцевъ XVII вѣка, принадлежащій къ числу наиболѣе спокойныхъ и основательныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, изображаетъ празднованіе Пасхи въ Москвѣ: „Въ продолженіе пасхальной недѣли, всѣ, и богатые и бѣдные, и мужчины женщины предаются такой веселости, что, подумаешь, они теряютъ на это время здравый разсудокъ. Работы прекращаются, лавки запираются, одни кабаки и другія увеселительныя мѣста остаются открытыми; судъ умолкаетъ, но за то воздухъ оглашается безпорядочными криками. Знакомые, при первой встрѣчѣ, привѣтствуютъ другъ друга словами „Христосъ воскресе“, „воистину воскресе“, цѣлуются и дарятъ другъ друга куриными или деревянными раскрашенными яйцами. Духовные, въ сопровожденіи мальчиковъ, несущихъ образъ или распятіе, въ самомъ дорогомъ облаченіи бѣгаютъ по улицамъ и перекресткамъ, посѣщая своихъ родственниковъ и друзей, съ которыми пьютъ до опьяненія. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь столько пьяныхъ мужчинъ и женщинъ, что всей строгостью своего поста они навѣрное не могли заслужить отъ Бога столько милости, сколько навлекаютъ гнѣва своимъ необузданнымъ разгуломъ и нарушеніемъ законовъ трез-

вости *)". Въ этомъ описаніи мало неточностей; но мы составили бы себѣ слишкомъ узкое, одностороннее понятіе о древне-русскомъ праздникѣ, еслибы стали представлять его въ подобныхъ поверхностныхъ чертахъ: а таковы почти всѣ изображаемыя иностранцами картины древнорусскаго быта. Поэтому, въ настоящемъ обзорѣ мы ограничимся иностранными извѣстіями только о тѣхъ сторонахъ древней Россіи, изображеніе которыхъ наименѣе могло потерпѣть отъ произвола личныхъ сужденій писателей: таковы ихъ географическія свѣдѣнія объ области Московскаго государства, описанія нѣкоторыхъ сторонъ и явленій государственной жизни, извѣстія о матеріальныхъ средствахъ страны и т п. И въ этой области остается еще много неточныхъ, сбивчивыхъ показаній: по крайней мѣрѣ здѣсь эти показанія отличаются большею полнотой и мы имѣемъ больше возможности повѣрить ихъ извѣстіями изъ другихъ источниковъ.

Московское государство долго не обращало на себя вниманія западной Европы, не имѣвшей съ нимъ никакихъ общихъ интересовъ. Только со второй половины XV вѣка, т.-е. съ того времени, когда окончилось образованіе государства, начинаетъ оно завязывать слабыя, часто порывавшіяся сношенія съ нѣкоторыми западно-европейскими государствами. Потому отъ XV вѣка мы имѣемъ немногія краткія замѣтки о немъ отъ иностранцевъ, случайно попавшихъ въ Россію и оставшихся въ ней очень недолго. Но скоро разныя историческія обстоятельства подали поводъ къ болѣе близкимъ и частымъ сношеніямъ между Москвой и нѣкоторыми западно-европейскими дворами,—и, начиная со времени княженія Василія Іоанновича, идетъ длинный рядъ болѣе или менѣе подробныхъ описаній Московскаго государства, составленныхъ или по непосредственнымъ наблюданіямъ, людьми, пріѣзжавшими въ Московское государство съ разными цѣлями, преимущественно въ качествѣ пословъ,—или по разсказамъ другихъ путешествен-

*) Mayerberg, Voyage en Moscovie, въ Biblioth. russe et polonaise, t. I, p. 75 и 76.

никовъ. Описанія, которыми мы пользовались, относятся къ тремъ столѣтіямъ: XV-му, XVI-му и XVII-му; вотъ ихъ перечень въ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ приводитъ ихъ Аделунгъ *).

Вѣкъ XV.

1412 и 1421. Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy. Mons, 1840.

1436. Іоасафа Барбаро, дворянина венеціанскаго, путешествіе къ Дону (въ Азовъ) **).

1476. Путешествіе Амвросія Контарини, посла Венеціанской республики, къ Уссунъ-Гассану царю персидскому, въ 1473 ***).

Вѣкъ XVI.

1517. Mathiae a Michovia: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis ****).

---

*) Цифры, поставленныя предъ каждымъ писателемъ въ спискѣ Аделунга и приводимыя здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями, означаютъ время пребыванія писателя въ Россіи; если же писатель не былъ самъ въ Россіи, то поставленная предъ нимъ цифра означаетъ годъ изданія его сочиненія. Въ списокъ Аделунга не вошли изъ приводимыхъ нами писателей только Ланноа и Михалонъ.

**) Барбаро въ 1436 году предпринялъ путешествіе къ Дону, гдѣ прожилъ 16 лѣтъ; потомъ ѣздилъ въ Персію. Неизвѣстно, когда именно былъ онъ въ Москвѣ; извѣстно только, что сочиненіе свое писалъ онъ послѣ изданія сочиненія Контарини, о которомъ не разъ упоминаетъ.

***) Сочиненія Барбаро и Контарини помѣщены въ русскомъ переводѣ, съ приложеніемъ итальянскихъ подлинниковъ, въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», В. Семенова, 1836.

****) Отрывки изъ сочиненія Мѣховскаго, касающіяся собственно Московскаго государства, помѣщены въ латинскомъ подлинникѣ на стр. 206—209 сборника Rerum Moscoviticar. auctores varii (Francofurti MDC) и въ русскомъ переводѣ, въ третьей статьѣ «Библіографическихъ отрывковъ» (Отеч. Зап. 1854 г. № 12, отдѣл. II, стр. 142—153). Мейнерсъ отказывается опредѣлить, когда явилось въ свѣтъ сочиненіе Мѣховскаго (см. Vergleichung etc. I, 4.); Аделунгъ ошибочно относитъ первое изданіе его книги къ 1521 г.: это было уже третье изданіе.

1517 и 1526. Rerum Moscoviticarum commentarii, Sigismundo Libero Barone in Herberstein, Neuperg et Guetenhag auctore. 1549 *).

1523. Письмо Альберто Кампензе о дѣлахъ Московскихъ къ папѣ Клименту VII **).

1825. Павла Іовія Новокомскаго сочиненіе о посольствѣ Василія, Великаго князя Московскаго, къ папѣ Клименту VII ***).

1525. Moscovitarum juxta Mare Glaciale religio, a D. Ioanne Fabri edita ****).

1553. The booke of the great und mighty Emperor of Russia and Duke of Muscovia, and of the dominions, orders and commodities thereunto belonging, drawen by Richard chancelour *a*). Извѣстія изложенныя Ченслеромъ въ этой запискѣ, повторены съ нѣкоторыми добавленіями Климентомъ Адамомъ въ латинской статьѣ „Anglorum navigatio ad Moscovitas“ *b*).

1557. The first voyage made by Master Antony Jenkinson from the City of London toward the land of Russia *c*).

1560. Alexandri Guagnini Veronensis: Omnium regionum

---

*) Помѣщено въ Rer. Moscov. auctores varii (стр. 1—117), съ присоединеніемъ статьи о генеалогіи великихъ князей Московскихъ; къ сочиненію приложены двѣ географическія карты Московскаго государства, планъ города Москвы и нѣсколько рисунковъ.

**) Помѣщено въ Библіотекѣ В. Семенова въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ.

***) Тамъ же.

****) Помѣщено въ Rerum Moscovit. auctores varii (стр. 130—141).

a) Помѣщено въ Hakluyt's Collection of the early vogages etc. a new edition, vol. I. London, 1809 (стр. 263—270)

b) Подлинникъ ея помѣщенъ въ Rer. Mosc. auct. var., p. 142—183; но въ сборникѣ Гаклюйта, вслѣдъ за сочиненіемъ Ченслера, помѣщенъ англійскій переводъ записки Климента (стр. 270—284).

c) Hakl. I, 346 — 368. См. также описанія другихъ путешествій Дженкинсона въ Россію, помѣщенныя у Гаклюйта на стр. 362—375 и 452—463.

Moscoviae Monarchae subjectarum Tartarorumque campestrium etc. sufficiens et vera descriptio *).

1568. The ambassage of the right worshipfull Master Thomas Randolfe to the Emperour of Russia, briefly written by himselfe **).

1575. Nobilissimi Equitis Dani Iacobi Ulfeldii etc.: Legatio Moscovitica sive Hodopoericon Ruthenicum. Francofurti, 1627.

1576. Письмо о Московіи, Кобенцеля ***).

1576—1578. Moscoviae Ortus et Progressus. Autore Daniele Printz a Buchau, August. Imper. Maximiliani et Rudolphi consiliario, nec non bis ad Iohannem Basilidem, Magnum Ducem Moscoviae legato extraordinario. Gubenae, anno 1679.

1581 и 1582. Antonii Possevini Societatis Jesu Moscovia. Antverpiae, 1587.

1583. A briefe discourse of the voyage of Sir Jerome Bowes knight, her Majesties ambassadour to Ivan Vasilivich the Emperour of Muskovia *a*).

1484—1590. Сокращенный разсказъ или меморіялъ путешествій Сэра Джерома Горсея *b*).

1588 и 1589. Дж. Флетчеръ: О государствѣ русскомъ, или образъ правленія русскаго царя. Лондонъ, 1591.

1590. Iohann David Wunderer's Reisen nach Dennemark. Russland und Schweden 1589 und 1590 *c*).

Вѣкъ XVII.

1601 — 1611. Состояніе россійской державы и великаго княжества Московскаго. Сочиненіе капитана Маржерета *d*).

---

*) Rerum Moscov. auct. var., p. 154—206.

**) Hakl. I, 422—432.

***) Русскій переводъ, сдѣланный проф. Домбровскимъ, помѣщенъ въ журн. Мин. Народн. Просв., 1842 г., № 9.

a) Hakl. I, 517—523.

b) Переводъ начатъ, но не конченъ въ «Библіот. для Чт.» 1865 г., №№ 4 и 6.

c) Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte, herausgegeb. von Fichard. Frankf. a. M. 1811. 2-te B., s. 169—255.

d) Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, ч. III.

1606—1608. Описаніе путешествія Ганса Георга Паерле, уроженца аугсбургскаго, изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ *).

1609 — 1612. Дневникъ Самуила Маскѣвича съ 1594 по 1621 годъ **).

1608—1611. Petri Petreji:—Historien und Bericht vond. Grossfürst Muschkow etc. ***).

1634 и 1636. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse etc. Traduit de l'Allemand par A. de Wicquefort. Tome premier, seconde édition. Paris, MDCLXXIX.

1661. Relation d'un voyage en Moscovie, écrite par Augustin Baron de Mayerberg. 2 vol. Paris, 1858 *a*).

1663. La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle etc. vers Alexey Michailowitz, czar et grand duc de Moscovie, Charles, roi de Suède, et Frederic III, roi de Danemark et de Norvège. Amsterdam, MDCLXIX.

1659—1667. Нынѣшнее состояніи Россіи, описанное однимъ Англичаниномъ (Самуиломъ Коллинсомъ), который 9 лѣтъ прожилъ при дворѣ Великаго царя русскаго *b*).

1668 1670. Les voyages de jean Struys en Moscovie, en Tartarie etc. Amsterdam, MDCLXXXI.

1671—1673. Якова Рейтенфельса: О состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ *c*).

1675. Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majestat. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Annib. Francisc. de Bottoni et Joann Carol. Terlingerenum de Guzmann gesta sunt, strictim recensita per Ad. Lyseck, dictae legationis secretarium. Salisburgi, 1676.

1678. Legatio Polono - Lithuanica in Moscoviam potentiss.

---

*) Тамъ же, ч. II.

**) Тамъ же, ч. V.

***) Rerum Rossic. scriptores exteri, a Collegio Archeographico editi, t, I.

a) Bibliothèque russe et polonaise, vol. I et II.

b) «Русск. Вѣстн.» 1841 г., №№ 7 и 9; «Чтен. Моск. Истор. Общ.» 1846 г. № 1.

c) «Журн. Мин. Нар. Посвѣщ.» 1839. № 7.

Poloniae Regis ac Reipublicae mandato et consensu, anno 1678 feliciter suscepta, nunc breviter sed accurate quoad singula notabilia descripta a teste oculato B. L. Tannero Böemo Pragense, Dn. Legati principis camerario germanico. Norimbergae, anno 1689.

1686. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, par Ph. Avril (Societatis Jesu). Paris, 1601.

1689. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, par Neuville. A la Haye, 1696.

1698 и 1699. Diarium itineris in Moscoviam etc., descriptum a I. G. Korb, secretario ablegationis Caesareae. Viennae Austriae, 1700 *).

Перечисленныя выше сочиненія писаны съ разными цѣлями, по разнымъ случаямъ, и представляютъ матеріялъ, довольно разнообразный по формѣ и по содержанію. Путешественники XV вѣка., Ланноа, Барбаро и Контарини, попавшіе въ Московію случайно и пробывшіе въ ней недолго, сообщаютъ немногія бѣглыя замѣтки о томъ, что они видѣли и слышали проѣздомъ; такія же бѣглыя замѣтки путешественниковъ, бывшихъ въ Московскомъ государствѣ проѣздомъ, имѣемъ мы и отъ позднѣйшаго времени: таковы путевыя замѣтки Вундерера, Штрауса и Авриля. Эти

*) Біографическія и библіографическія подробности объ указанныхъ писателяхъ см. у Мейнерса I, 1—32, у Аделунга и въ «Библіографическихъ отрывкахъ». Кромѣ приведенныхъ сочиненій, мы пользовались извѣстіями Михалона Литвина (см. Извлеченія изъ соч. Мих. Литвина о нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ, въ переводѣ С. Шестакова, Арх. ист.-юрид. свѣдѣній, Н. Калачева, книги 2-ой половина 2-ая), также нѣкоторыми статьями въ Hist. Russiae Monum. и особенно письмами и записками Московской компаніи англійскихъ купцовъ, напечатанными въ 1-мъ томѣ «Сборника» Гаклюйта; указываемъ здѣсь страницы, на которыхъ помѣщены они въ изданіи 1809 года: записка Гасса 293 и слд.; путешествіе Ст. Бёрроу къ Оби, 306 и слд.; замѣтки Джонсона, 316 и слд.; письма компаніи, 331 и 511; письма ея агентовъ, 293, 337—341; записка Лена, 345; путешествіе Саутама и Спарка, 409 и слѣд.; начало записки о путешествіяхъ въ Персію, 471 и нѣк. друг.

замѣтки любопытны для географіи страны по непосредственнымъ, иногда мѣткимъ наблюденіямъ надъ мѣстностью, по которой проѣзжалъ путешественникъ.

Религіозное движеніе XVI вѣка заставило римскихъ первосвященниковъ обратить заботливые взоры на восточную Европу, съ цѣлью вознаградить себя тамъ новыми религіозными завоеваніями за огромныя потери, причиненныя римской церкви протестантизмомъ; этому обязаны мы нѣсколькими записками о Московіи, составленными съ цѣлью уяснить, какими путями можно было провести въ Московское государство католическую пропаганду и какихъ выгодъ могла ждать римская церковь отъ успѣха въ этомъ дѣлѣ. Согласно съ такой цѣлью, составители упомянутыхъ записокъ преимущественно говорятъ о нравственномъ и религіозномъ состояніи жителей Московскаго государства, о церковной іерархіи и т. п. Таковы записки Кампензе, Іовія, Фабри и знаменитаго іезуита Антонія Поссевина. Достовѣрнаго они сообщаютъ мало, ибо писали по чужимъ разсказамъ, за исключеніемъ Поссевина, который самъ два раза былъ въ Москвѣ и посвятилъ весь свой первый комментарій описанію религіознаго состоянія Московскаго государства и изложенію плановъ и средствъ касательно распространенія въ немъ католичества. Отличительная черта этихъ записокъ состоитъ въ томъ, что составители ихъ, не исключая даже и мрачнаго Поссевина, особенно выгодно отзываются о религіозномъ чувствѣ и набожности Русскихъ, только жалѣютъ, что такая теплая вѣра и истинно-христіанское благочестіе пропадаютъ безъ пользы, за границею римской церкви, среди ереси и невѣжественнаго суевѣрія *).

Въ половинѣ XVI вѣка въ Англіи обнаружилось сильное

---

*) Сказавъ о видѣнныхъ имъ святыняхъ Новгорода Великаго и о благоговѣніи, съ которымъ чтутъ ихъ жители, Поссевинъ продолжаетъ: Abeuntes miseram gentis conditionem commiserati eo amplius sumus, quod tanta erga ejusmodi res pietate ferretur, ut si catholici essent, nihil ad summam riligionem eo in genere videri possit desiderandum. Suppl. ad hist. Russ. Monum., № CLXII.

движеніе къ открытію новыхъ странъ и торговыхъ путей: соперничая съ Испанцами и Португальцами, англійскіе купцы пытались открыть новый сѣверовосточный проходъ въ Тихій Океанъ. Прохода не открыли, но открыли на сѣверовосточномъ краю Европы неизвѣстную страну, которая потомъ оказалась Московіей; вслѣдствіе этого, несмотря на неблагопріятное начало, завязались дѣятельныя торговыя сношенія Англіи съ Московскимъ государствомъ: въ Лондонѣ составилась Московская компанія англійскихъ купцовъ (the Moscovie company of the marchants aduenturers), которой мы обязаны множествомъ записокъ, сообщающихъ извѣстія о Московскомъ государствѣ XVI вѣка и напечатанныхъ въ первомъ томѣ „Сборника“ Гаклюйта. Сюда вошли описанія путешествій англійскихъ пословъ, ѣздившихъ въ Москву по дѣламъ компаніи, письма и другія дѣловыя бумаги ея агентовъ. Содержаніе и характеръ этихъ описаній и бумагъ опредѣляется тѣми практическими цѣлями, которыми руководились ихъ составители: здѣсь заключается довольно-богатый матеріялъ для географіи Московскаго государства, преимущественно сѣвернаго его края, для исторіи торговли, промышленности и вообще матеріяльнаго состоянія страны. Дѣловому содержанію этихъ записокъ соотвѣтствуетъ и ихъ изложеніе, рѣзко отличающееся отъ прочихъ иностранныхъ сочиненій о Московіи: не вдаваясь много въ разсужденія объ особенностяхъ страны и ея жителей, послы и агенты сообщаютъ въ на-скоро писанныхъ, большею частью краткихъ запискахъ, письмахъ и отчетахъ почти одни голые, сухіе факты и наблюденія. За то по достовѣрности и обилію подробностей эти записки можно отнести къ лучшимъ иностраннымъ сочиненіямъ о Московскомъ государствѣ *).

*) О возникновеніи компаніи и первомъ прибытіи Англичанъ въ Бѣлое море см. «Anglorum navig. ad Moscovitas» въ Rer. Moscovit. auctor. varii Объ открытіяхъ Англичанъ на сѣверовостокѣ и объ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Московскимъ государствомъ съ 1553 г см. письмо Лена у Гаклюйта I, 523 и сл и Исторію Московіи Мильтона, гл. 5 (въ переводѣ Е. Карновича въ «Отеч. Зап.» т. CXXXI).

Смутному времени мы обязаны нѣсколькими любопытными записками иностранцевъ о шумныхъ событіяхъ этой эпохи. Нѣкоторые изъ этихъ писателей, именно Маржеретъ, Паерле, Маскѣвичъ и Петрей прiложили къ запискамъ о событіяхъ того времени болѣе или менѣе подробныя описанія внутренняго состоянія Московскаго государства, не лишенныя нѣкоторыхъ любопытныхъ извѣстій; изъ нихъ особенно можно указать на сочиненіе Маржерета, который довольно долго жилъ въ Россіи, служа капитаномъ отряда иноземныхъ тѣлохранителей при Борисѣ Годуновѣ и первомъ самозванцѣ, и въ сочиненіи своемъ сообщаетъ любопытныя подробности о московскомъ войскѣ.

Самый значительный по числу и объему сочиненій отдѣлъ изъ выписанныхъ выше матеріяловъ составляютъ описанія посольствъ, пріѣзжавшихъ въ Москву изъ разныхъ государствъ западной Европы, преимущественно изъ Австріи. Къ этому отдѣлу принадлежитъ бо́льшая часть и наиболѣе объемистыхъ иностранныхъ сочиненій о Московскомъ государствѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ видъ путевыхъ записокъ, въ которыхъ замѣтки набросаны безъ строгаго порядка: таковы сочиненія Ульфельда и Мейерберга; другія, какъ наприм. сочиненіе Флетчера, представляютъ систематическое описаніе разныхъ сторонъ государственнаго устройства, общественной и частной жизни; третьи, наконецъ, къ описанію путешествія и пребыванія въ Москвѣ присоединяютъ болѣе или менѣе подробные очерки исторіи государства и его современнаго состоянія: таковы сочиненія Герберштейна, Олеарія, Корба и др. У Герберштейна, Олеарія и Мейерберга, кромѣ замѣтокъ о мѣстностяхъ, по которымъ они проѣзжали, находимъ довольно подробныя и любопытныя географическія описанія всего Московскаго государства. Но главный интересъ посольскихъ описаній заключается въ извѣстіяхъ о тѣхъ сторонахъ жизни Московскаго государства, съ которыми послы приходили въ непосредственное соприкосновеніе: таковы особенно ихъ извѣстія о городѣ Москвѣ, о Московскомъ дворѣ и его дипломатическихъ обычаяхъ.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго черпали иностран-

ные путешественники описываемаго времени свои свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ, служило, разумѣется, ихъ непосредственное наблюденіе: мы видѣли, въ какой области оно наиболѣе любопытно и надежно. Немногіе изъ иностранцевъ знали русскій языкъ и пользовались для изученія исторіи и современнаго имъ состоянія Московіи туземными литературными памятниками: таковъ былъ Герберштейнъ, хорошо знавшій русскій языкъ; въ своемъ сочиненіи о Московіи онъ помѣстилъ въ переводѣ значительные отрывки изъ русскихъ лѣтописей, изъ правилъ митрополита Іоанна, изъ „вопрошанія“ Кирика, изъ Судебника Іоанна III и другихъ русскихъ сочиненій, какія ему удалось достать въ Москвѣ. Кажется, знали по-русски, хотя немного, Флетчеръ, Маржеретъ и Мейербергъ; первый часто ссылается на русскія хроники и даже приходо-расходныя книги приказовъ. Затѣмъ для иностранцевъ оставался еще одинъ обильный, но довольно мутный источникъ, изъ котораго они могли почерпать свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ: это—изустные разсказы самихъ Русскихъ. Извѣстно, съ какой подозрительностію смотрѣли люди Московскаго государства на заѣзжаго иностранца; въ его стараніи узнать положеніе ихъ страны они всегда подозрѣвали какіе-нибудь коварные замыслы, а не простую любознательность. Многіе иностранные писатели сильно жалуются на это и сознаются, что отъ самихъ русскихъ немного можно добиться вѣрныхъ свѣдѣній объ ихъ отечествѣ. Русскіе сановники, замѣчаетъ Рейтенфельсъ, посѣщая иноземныхъ пословъ, охотно бесѣдуютъ съ ними о разныхъ предметахъ, но если разговоръ коснется ихъ отечества, они съ такимъ умѣньемъ преувеличиваютъ все въ хорошую сторону, что возвратившіеся иностранцы по совѣсти не могутъ похвалиться знаніемъ настоящаго положенія дѣлъ въ Московіи *). Для большей части иностранцевъ, писавшихъ о Россіи въ XVII и даже во второй половинѣ XVI вѣка, самымъ обильнымъ источникомъ служили сочиненія прежнихъ путешественниковъ, ѣздившихъ въ

*) Рейтенфельсъ, 31.

Московію. Особенно много встрѣчается заимствованій изъ Герберштейна и Олеарія: компиляторы выписывали изъ ихъ сочиненій извѣстія цѣлыми страницами безъ всякаго разбора, не обращая вниманіе на время, къ которому относились заимствуемыя извѣстія; у Гваньини даже все описаніе Московіи есть не болѣе, какъ почти дословное повтореніе извѣстій Герберштейна, только расположенныхъ въ другомъ порядкѣ; изрѣдка попадаются скудныя добавленія самого составителя. При этомъ нельзя не указать на Олеарія, который совершенно иначе воспользовался своимъ близкимъ знакомствомъ съ сочиненіями о Московіи прежнихъ путешественниковъ: говоря о той или другой сторонѣ жизни Московскаго государства, онъ не забываетъ упомянуть, какъ описывали ту же сторону прежніе писатели, поправляетъ ихъ, гдѣ находитъ у нихъ неточности или ошибки, указываетъ, въ чемъ измѣнилось состояніе Московіи въ его время сравнительно съ прежнимъ: эти указанія даютъ Олеарію преимущество предъ большею частью другихъ иностранныхъ писателей о Московскомъ государствѣ, у которыхъ не только не находимъ ничего подобнаго, но часто встрѣчаемъ повтореніе и даже развитіе ошибочныхъ показаній, сдѣланныхъ предшественниками. Герберштейнъ первый пустилъ въ ходъ извѣстіе, что русскія женщины упрекаютъ въ холодности мужей, если тѣ не бьютъ ихъ; это извѣстіе онъ подтверждаетъ короткимъ разсказомъ о Нѣмцѣ, женатомъ на русской, которую онъ забилъ до смерти, чтобы дать ей требуемое доказательство своей любви. У Петрея изъ этого разсказа вышла цѣлая исторія, украшенная курьезными подробностями.

Понятно, какъ разборчиво и осторожно надобно пользоваться извѣстіями иностранцевъ о Московскомъ государствѣ: за немногими исключеніями, они писали наугадъ, по слухамъ, дѣлали общіе выводы по исключительнымъ, случайнымъ явленіямъ, а публика, которая читала ихъ сочиненія, не могла ни возражать имъ, ни повѣрять ихъ показаній: недаромъ одинъ изъ иностранныхъ же писателей еще въ началѣ XVIII вѣка принужденъ былъ сказать, что русскій народъ въ продолженіе многихъ вѣковъ имѣлъ то не-

счастіе, что каждый свободно могъ распускать о немъ по свѣту всевозможныя нелѣпости, не опасаясь встрѣтить возраженія *).

I.

Предѣлы русскаго племени и Московской государственной области.

Какъ только западный путешественникъ XV или XVI вѣка, направляясь изъ Германіи къ востоку, заѣзжалъ за Одеръ и вступалъ въ Польскія владѣнія, онъ уже начиналъ чувствовать переходъ въ другой міръ, отличный отъ того, который онъ оставлялъ позади себя. Вмѣсто красивыхъ селеній, каменныхъ городовъ и замковъ съ удобными гостинницами, онъ чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже встрѣчалъ маленькіе деревянные города и села съ плохими постоялыми дворами **). Этотъ переходъ чувствовался все рѣзче, по мѣрѣ приближенія къ восточнымъ предѣламъ Польскихъ владѣній. Количество водъ и лѣсовъ увеличивалось; жилыя мѣста встрѣчались рѣже, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалась глушь и неизвѣстность страны. Если, перешедши Вислу въ среднемъ ея теченіи, путешественникъ еще имѣлъ передъ собой, по направленію къ юговостоку и по юговосточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, страны, нѣсколько извѣстныя по связямъ ихъ съ Польшей и Ливонскимъ орденомъ, то далѣе къ востоку слабѣли и историческія и географическія связи. Съ какого бы пункта, въ которомъ сѣверо-восточная Европа соприкасалась съ западною, ни двинулся путешественникъ, чтобы пробраться въ эти страны, онъ встрѣчалъ обширныя лѣсныя или степныя пустынныя пространства, гдѣ ему часто приходилось ночевать подъ открытымъ

---

*) «Библіогр. отрывки» въ «Отеч. Записк.» т. XCV, отд. II, стр. 155.

**) Барбаро, въ Библіот. иностр. писателей о Россіи, стр. 63; Контарини, тамъ же стр. 17.

небомъ. Литва, по выраженію де-Ланноа, большею частію пустынная страна, наполненная озерами и лѣсами *). Пробираясь чрезъ владѣнія Ливонскихъ рыцарей въ Новгородъ Великій, онъ долженъ былъ проѣхать значительное пустынное пространство „безъ всякихъ слѣдовъ человѣческаго жилья“; такія же пустыни встрѣтили его на верховьяхъ Днѣстра и не оставляли потомъ до самой Кафы **).

При такихъ условіяхъ сѣверо-восточная Европа не могла имѣть живыхъ сношеній съ западною; потому и на западѣ не могло быть точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о ней. Писатель первой четверти XVI вѣка, приступая къ описанію Московіи, долженъ былъ сознаться, что западные космографы и географы его времени безъ стыда и совѣсти разказываютъ о сѣверо-восточной Европѣ всякія небылицы, показывающія, что ихъ свѣдѣнія о ней не далеко ушли отъ сказаній древнихъ греческихъ и римскихъ географовъ ***). Но и самому Кампензе не много вѣрныхъ свѣдѣній могли сообщить его соотечественники купцы, долго жившіе въ этихъ странахъ: тѣмъ менѣе можно ожидать такихъ свѣдѣній отъ путешественниковъ XV вѣка. Сводя иностранныя извѣстія за XV и первую четверть XVI вѣка, мы находимъ въ нихъ слѣдующія географическія представленія о сѣверо-восточной Европѣ.

За Польшей на востокъ и сѣверо-востокъ лежитъ обширная страна, ровная, обильная лѣсами, озерами и рѣками, во многихъ мѣстахъ пустынная и вообще менѣе населенная, нежели Польша ****). Болѣе извѣстную часть этой страны, ближайшую къ Польшѣ и Литвѣ и подвластную имъ, составляютъ Красная и Нижняя Россія *****); далѣе на сѣверо-востокъ, до самыхъ границъ Азіи, простирается также Россія, называемая Бѣлой Россіей, или Московіей, но независимая, вовсе неизвѣстная западнымъ

*) Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy, p. 24.
**) Ibid., p. 17, 35.
***) Кампензе, въ Библіот. иностр. писат. о Россіи, стр. 29.
****) Барбаро 62.
*****) G. de Lannoy, p. 36.

космографамъ и историографамъ *) и составляющая какъ бы другую часть свѣта. Въ первой четверти XVI вѣка можно было еще сказать, что имя этой страны недавно стало извѣстно западной Европѣ **). На западѣ Московія соприкасается съ Литвой и Ливоніей, отъ которой отдѣляется рѣкой Нарвой и Чудскимъ озеромъ. На югъ отъ Московіи, тотчасъ за Рязанью, тянутся обширныя степи, по которымъ кочуютъ Татары. Къ востоку, выходя своими владѣніями за предѣлы Европы, Московія соприкасается съ Скиѳіей, или Азіатской Сарматіей, которая за Дономъ или Танаисомъ, древней границей Европы и Азіи, тянется длинною и широкою полосой по Волгѣ на сѣверъ до самаго Океана и населена также Татарами. На сѣверѣ не указывается опредѣленной границы; говорится только, что съ этой стороны Московія простирается до Ледовитаго Океана подъ самый сѣверъ; на этихъ пространствахъ живутъ безчисленныя племена въ безграничныхъ лѣсахъ, которые не прерываясь, тянутся на сѣверо-востокъ до Гиперборейской Скиѳіи и никому неизвѣстнаго Скиѳскаго Океана, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути, по показанію русскихъ, отъ которыхъ заимствовалъ свѣдѣнія о Московіи П. Іовій. Въ Московіи живутъ Москвитяне и многія другія племена, недавно покоренныя ими. На окраинахъ сѣверо-восточной Европы нашихъ географовъ оставляютъ всякія достовѣрныя свѣдѣнія; по ихъ представленіямъ, эти страны покрыты не только мракомъ, въ которомъ живутъ дикіе Лапландцы и щебечущіе по птичьему Пигмеи, неизвѣстные даже самимъ Москвитянамъ. Западные космографы знаютъ, что Москвитяне говорятъ тѣмъ же языкомъ и исповѣдуютъ ту же вѣру, какъ и Русскіе, подвластные Польшѣ; но историческая связь тѣхъ и другихъ представляется имъ уже смутно. Кампензе остается даже въ какомъ-то недоумѣніи, говоря, что весьма многіе и доселѣ считаютъ Русскихъ или Рутеновъ, подвластныхъ Польскому королю, за одно съ Москвитянами, основываясь на одинаковости ихъ языка

*) Кампензе, 12.

**) Іовій въ Б. И. П. о Россіи, 22.

и вѣроисповѣданія *). Имя Москвитянъ сближается съ разными именами у Плинія, Птоломея и другихъ древнихъ географовъ, а Татары и другія племена, окружающія Московію съ сѣвера и сѣверо-востока, отожествляются съ Скиѳами.—Любопытно это постоянное заимствованіе географическихъ и этнографическихъ названій у древнихъ писателей. Во многихъ случаяхъ къ этому заставляла прибѣгать необходимость: не знали современныхъ мѣстныхъ названій. Но даже тамъ, гдѣ извѣстны были современныя туземныя названія, видимъ стараніе поставить рядомъ съ ними классическія, или изъ послѣднихъ вывести и объяснить первыя. Видно, что историческія воспоминанія о сѣверо-восточной Европѣ, основанныя на сказаніяхъ древнихъ, прерывались для западнаго географа XV или начала XVI в. тамъ, гдѣ оставляли его эти руководители, и, описывая современную Россію, онъ ни чѣмъ лучше не надѣялся уяснить своимъ читателямъ собственныя извѣстія, какъ сближая ихъ съ классическими сказаніями. Дѣйствительно, у извѣстныхъ намъ иностранныхъ писателей о Россіи до второй четверти XVI вѣка мы находимъ самыя скудныя и смутныя историческія свѣдѣнія объ этой странѣ. Они помнятъ, что между Борисѳеномъ, Танаисомъ и Меотійскими болотами было когда-то царство Россовъ, столицей котораго былъ Кіевъ: это царство съ своей столицей было завоевано татарскимъ героемъ Батыемъ **); они помнятъ и другаго татарскаго героя-завоевателя Тамерлана, котораго называютъ сыномъ Батыя. Этимъ почти и ограничиваются ихъ свѣдѣнія по исторіи Россіи до XV вѣка.

Герберштейнъ первый дѣлаетъ довольно точное опредѣленіе главнаго народа, живущаго въ сѣверо-восточной Европѣ за Польшей, и довольно подробно обозначаетъ предѣлы занимаемой имъ области. Русскими, говоритъ онъ, называются вообще всѣ народы, говорящіе по-славянски и исповѣдующіе христіанскую вѣру по обряду греческому; они такъ размножились, что вытѣснили всѣ жившія между

*) Кампензе, 20.

**) Кампензе 17, 19.

ними чуждыя племена, или распространили между ними свои обычаи. Область этихъ Русскихъ простирается отъ Сарматскихъ горъ *), не далеко отъ Кракова, по Днѣстру до Днѣпра и Понта Эвксинскаго; только съ недавняго времени, на низовьяхъ Днѣстра и Днѣпра, утвердились Турки и Татары, и, благодаря ихъ нападеніямъ на Днѣпровскую область, христіанско-русское населеніе не идетъ внизъ по Днѣпру далѣе города Черкасъ. Отъ городка Черкасъ граница Русскаго племени идетъ вверхъ по Днѣпру до Кіева, потомъ за Днѣпръ по Сѣверской области и оттуда прямо на востокъ къ верховьямъ Дона, потомъ къ впаденію Оки въ Волгу, гдѣ можно положить границу распространенія христіанства съ этой стороны, ибо за этимъ пунктомъ на востокъ и югъ живутъ дикія племена магометанской вѣры, между которыми еще много язычниковъ. Опредѣляя точнѣе границу государства въ этомъ пунктѣ, Герберштейнъ полагаетъ ее на р. Сурѣ, отдѣляющей владѣнія Московскія отъ Казанскихъ; но при этомъ надо разумѣть только нижнее теченіе Суры, при впаденіи которой въ Волгу великій князь Василій Ивановичъ построилъ Васильсурскъ (Basilgorod). Отъ Нижняго вверхъ по Волгѣ граница идетъ прямой чертой до сѣвернаго Океана, оттуда чрезъ сѣверныя племена, подвластныя Королю Шведскому и Государю Московскому, по предѣламъ Финляндіи, чрезъ Финскій заливъ (Sinus Livonicus), по восточнымъ краямъ Ливоніи, Самогитіи, Мазовіи и наконецъ Польши, гдѣ пограничная черта возвращается къ Сарматскимъ горамъ (по р. Сану). Въ Самогитіи и Литвѣ Русскіе пере-

*) Іоаннъ Ласскій такъ опредѣляетъ Европейскую Сарматію: Terra Sarmatica procedit a Polonia minori ex parte Occidentis versus Orientem per fluvium Borysthenem magnum ac per totam Sarmatiam Europaeam inclusive usque ad Tanaim et ad insulam Tauricam. Страна по ту сторону Дона извѣстна была подъ названіемъ Азіатской Сарматіи, которую Ласскій называетъ еще Скиѳіей: Tanais Scythiam et Sarmatiam dividit. Histor. Russ, Monum. I, № CXXIII. Такъ же опредѣляетъ границы Сарматіи и М. Мѣховскій «Библіогр. отрывки», статья 3-я, От. Зап. т. XCVII, отд. II, стр. 141.

мѣшаны съ чуждыми иноязычными и иновѣрными племенами; однакожь первые и здѣсь преобладаютъ. Политически эта область Русскаго племени принадлежитъ двумъ государствамъ: большая часть ея составляетъ Московское государство, меньшая принадлежитъ Литвѣ съ Польшей. Пограничная черта Литвы и Московіи шла въ первой половинѣ XVI вѣка по Днѣпру: правый берегъ принадлежалъ Литвѣ, лѣвый Москвѣ, кромѣ городовъ Дубровны и Мстиславля, входившихъ также въ составъ Польско-Литовскихъ владѣній. Опредѣляя точнѣе эту границу, Гербештейнъ говоритъ, что она начиналась въ 12 миляхъ отъ Смоленска со стороны Дубровны, отъ которой считалось до нея 8 миль. На сѣверо-западѣ граница московскаго государства шла по пустыннымъ болотистымъ пространствамъ, лежавшимъ по теченію рѣки Великой; потому Гербештейнъ, проѣзжая этой стороной въ Москву, не могъ съ точностію разсмотрѣть и опредѣлить здѣсь пограничную черту; онъ говоритъ только, что эта черта проходитъ западнѣе Корсулы, не доѣзжая Опочки. Далѣе на сѣверъ пограничная черта съ Швеціей шла по р. Польнѣ, въ Корельской странѣ. О Корелахъ Герберштейнъ говоритъ, что они, находясь между Шведскимъ и Московскимъ государствомъ, платятъ дань и тому и другому. Въ концѣ вѣка тоже говоритъ Флетчеръ о Лопаряхъ, жившихъ сѣвернѣе Корелы: они подвластны русскому царю и королямъ датскому и шведскому, которые всѣ берутъ съ нихъ подать; но русскій царь имѣетъ здѣсь самое значительное вліяніе и получаетъ гораздо болѣе доходовъ нежели прочіе. На сѣверо-востокѣ граница не могла быть точно опредѣлена вслѣдствіе постояннаго движенія завоеваній и колонизаціи въ этой странѣ. Въ русскомъ описаніи пути къ Оби Герберштейнъ прочиталъ, что князья тюменскіе и югорскіе, племена по Оби и даже далѣе въ глубь Сибири подчинены московскому государю и платятъ ему дань; но и самъ Герберштейнъ усомнился въ вѣроятности этого, соображая, что эти данники не такъ еще давно нанесли много вреда московскому государству своими набѣгами на его восточныя обла-

сти *). Въ первой половинѣ XVI в. это показаніе дѣйствительно было не вѣрно, но за то вѣрно выражало постоянное стремленіе государства, которое историческія условія принуждали двигать свое населеніе все дѣлѣе и далѣе на сѣверо-востокъ, занимая и колонизуя пустынныя пространства сѣверо-восточнаго угла Европы и сѣверной Азіи. Такой же неопредѣленностью должна была отличаться граница государства и на юговостокѣ, потому что эти страны носили отчасти тотъ же характеръ и представляли государству туже задачу, какъ и страны на сѣверо-востокъ отъ него, и если къ концу XVI в. сѣверо-восточное движеніе терялось въ безпредѣльныхъ пустыняхъ Сибири, то на юговостокѣ оно нѣсколько раньше достигло наконецъ, по-крайней-мѣрѣ въ одномъ пунктѣ, своего естественнаго предѣла.

Позднѣйшіе писатели сообщаютъ намъ объ окраинахъ московскаго государства болѣе подробныя, хотя далеко не полныя извѣстія, которыя позволяютъ въ общихъ чертахъ слѣдить за постепеннымъ его распространеніемъ на югъ, юго-востокъ и востокъ. Во время Герберштейна, Тула была самымъ крайнимъ городомъ московскаго государства со стороны южныхъ степей, представлявшихъ привольное и просторное поприще для подвиговъ крымскихъ Татаръ. Этотъ степной край обозначается у писателей XVI и XVII в. общимъ именемъ малой Татаріи или Европейской Сарматіи. Въ началѣ XVII столѣтія предѣлы государства съ этой стороны простирались уже до Борисова, Бѣлгорода и Царева города **). Впрочемъ по прямому направленію къ югу государство вмѣстѣ съ земледѣльческимъ населеніемъ двигалось медленнѣе, нежели по направленію къ юговостоку, гдѣ помогалъ этому прямой и открытый водный путь, шедшій изъ средины государства до моря. Въ пер-

*) Herberst. Rerum Mosc. auctor. var., p. 1, 2, 60, 77, 76, 86, 90, 103. Флетчеръ «О Госуд. Русск.,» гл. 20-я.

**) Царевъ-городъ находился въ 8 верстахъ отъ нынѣшняго Изюма. Сказан. Совр. о Дим. Самозв., часть 3-я. примѣчан. 15.

вой половинѣ XVII в. граница государства по правому берегу Волги настолько уже отодвинулась отъ устья Суры къ югу и настолько была безопасна, что въ Василь-сурскѣ, имѣвшемъ первоначальнымъ своимъ назначеніемъ отраженіе татарскихъ набѣговъ, можно было не держать гарнизона *). Въ концѣ XVI в. правый берегъ Волги отъ того пункта, гдѣ съ другой стороны впадаетъ въ нее Кама, до Астрахани, назывался „крымскимъ берегомъ„ (the Crim Side of Volga), который составлялъ восточный предѣлъ области Крымскимъ Татаръ, простиравшейся на западъ до Днѣпра и далѣе, между южными предѣлами московскаго государства и берегами Чернаго и Азовскаго моря. Въ XVII в. мы уже не встрѣчаемъ этого названія, а встрѣчаемъ по Волгѣ рядъ Московскихъ городовъ, возникшихъ въ концѣ XVI в. **). Въ XVII в. граница государства значительно углублялась въ юговосточный уголъ, въ горную область между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ. Герберштейнъ знаетъ Черкасъ (Circassi seu Ciki), обитавшихъ въ горахъ за Кубанью (Сира), смѣлыхъ пиратовъ, которые по рѣкамъ, текущимъ съ этихъ горъ, выѣзжали въ Черное море и грабили купеческіе корабли, плывшіе изъ Кафы въ Константинополь и обратно. Эти Черкасы не подчинялись ни Туркамъ ни Татарамъ; въ Россіи сказывали Герберштейну, что эти горцы христіане, въ религіозныхъ обрядахъ сходны съ Греками и отправляютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, который есть вмѣстѣ и разговорный ихъ языкъ ***). Въ XVII в. обитатели этихъ горъ, сохранивъ прежнее имя, были уже магометанами. Подъ именемъ Черкасъ извѣстны были также полумагометанскіе и полуязыческіе обитатели страны, простиравшейся къ сѣверу отъ закубанскихъ горцевъ, между берегами Каспійскаго моря и Кавказскимъ хребтомъ. Здѣсь съ конца XVI в. стало утверждаться чрезъ Астрахань вліяніе Московскаго госу-

*) Olear. 282.

**) Hakluyt's Collect. I, 472.

***) Herberstein 74.

дарства, сосредоточивавшееся въ Терскомъ городѣ *), который Олеарій называетъ крайнимъ пунктомъ московскихъ владѣній. Съ того же времени вліянію Московскаго государства открывался путь и далѣе, на Закавказьѣ, но это вліяніе не могло утвердиться тамъ прочно по отдаленности этихъ странъ, хотя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ еще съ конца XVI в. вошли въ титулъ Московскаго государя.

Прочнѣе и быстрѣе распространялись предѣлы государства на востокѣ. Страна на востокъ Волги обозначается у иностранцевъ общимъ, неопредѣленнымъ именемъ Татаріи или Азіатской Сарматіи. Часть ея къ югу отъ бывшаго Казанскаго царства, отъ Камы до Каспійскаго моря, между Волгой и Яикомъ, составляла степную страну Ногаевъ или Мангатъ **). Главнымъ пунктомъ этой страны была Астрахань. Любопытно, что нѣкоторые иностранцы XVII вѣкѣ, при описаніи этого края, удерживаютъ одно географическое названіе, хотя предмета, имъ обозначившагося, давно уже несуществовало: на лѣвой сторонѣ Волги они указываютъ мѣсто древняго Болгарскаго царства и довольно обстоятельно опредѣляютъ границы его области: по ихъ словамъ, это царство находилось между царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ, простираясь, между р. Камой и Самарой, отъ Волги до Яика. Столицей его былъ большой городъ Болгары, на лѣвомъ берегу Волги, въ XVII вѣкѣ онъ былъ уже селомъ и имѣлъ смѣшанное населеніе, состоявшее изъ Калмыковъ, Мордвы и Русскихъ ***). Въ сѣверной полосѣ Ногайской страны обитали Черемисы; южная, большая половина ея была мѣстомъ ко-

*) Terki, подъ 43° 23′ с. ш. по опредѣленію Олеарія, на маленькой рѣчкѣ Теменкѣ, рукавѣ большой рѣки Büstro. стр. 338.

**) Olear. 315. Hakl. I, 363 А. Дженкинсонъ, нѣсколько разъ ѣздившій по Волгѣ въ Персію и Бухарію, говоритъ, что предѣлы Ногайской области простирались къ юговостоку до Туркменіи.

***) Olear. 292. Mayerb. II, 79—80. Strauss. 150. На картѣ, приложеной къ книгѣ Авриля, Болгары помѣщены между Казанью и Самарой. На этой картѣ стоитъ надпись: tirée de l'original de la chancellerie de Moscou.

чеванья Ногайскихъ ордъ. Сюда же, въ прикаспійскія степи на востокъ отъ Астрахани, по временамъ приходили изъ-за Яика Калмыки, тревожа своими разбоями Черемисъ и Ногаевъ *). Нельзя, разумѣется, ожидать отъ иностранца точности и опредѣленности въ показаніяхъ о разселеніи этихъ бродячихъ племенъ, чему мѣшалъ самый образъ жизни послѣднихъ. Герберштейнъ неопредѣленно говоритъ, что за Волгой живутъ Татары, называемые Калмыками; но въ его время Калмыки еще не успѣли перебраться изъ-за Яика всей массой и появлялись здѣсь отдѣльными толпами; преобладающимъ кочевымъ племенемъ на этихъ пространствахъ и въ XVII вѣкѣ долго оставались Ногаи, которые потомъ уступили приволжскія степи Калмыкамъ, удалившись на западъ, къ низовьямъ Днѣпра. Изъ словъ Штрауса можно заключить, что Калмыки во второй половинѣ XVII вѣка не появлялись сѣвернѣе Саратова и постоянно враждовали съ Ногаями **). Еще болѣе смутны показанія о племенахъ, обитавшихъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Ногайской страны. Герберштейну сказывали въ Москвѣ, что за Вяткой и Казанью, въ сосѣдствѣ съ Пермью, живутъ Татары тюменскіе, шибанскіе и казацкіе; изъ нихъ тюменьскіе обитаютъ въ лѣсной странѣ, простирающейся прямо къ востоку отъ Перми ***).

---

*) Avril 99. Strauss. 164.

**) Strauss. 162: C'est en ce lieu (около Саратова) qu'on commence á voir de ces derniers (Calmuques).

***) Herberst, 74: Ultra Wiatkam et Kazan, ad Permiae viciniam Tartari habitant, qui Tumenskii, Jchibanskii et Casatzkii vocantur. Мейнерсъ (Vergleich. ält. und neurn Russl. I, 74) разумѣетъ подъ Шибанскими Татарами Татаръ Хивинскихъ; но сосѣдство съ Пермью, въ которое ставитъ Герберштейнъ Шибанскихъ и Казацкихъ Татаръ, показываетъ, что нѣтъ нужды искать первыхъ такъ далеко. Тѣми же самыми предѣлами ограничиваетъ онъ область, которую называетъ Сибирью, помѣщая ее и на картѣ и въ описаніи страны въ области верхняго Яика, по обѣ стороны Южныхъ Уральскихъ горъ, т. е въ нынѣшней Оренбургской губерніи, въ томъ краѣ, который еще въ первой половинѣ XVII в. извѣстенъ былъ въ Москвѣ подъ именемъ Башкиріи. Въ такомъ случаѣ не будетъ затрудненія признать въ

Кромѣ тюменьскихъ Татаръ въ Москвѣ извѣстны были по ту сторону средняго Урала имена Обдорской и Кондійской земли, которыя скоро включены были въ титулъ государя. Въ Русскомъ описаніи пути къ Оби Герберштейнъ читалъ, что въ области Иртыша кромѣ Тюмени есть городъ Iегот. По рѣкѣ Сосвѣ (Iossa) и къ сѣверу отъ нея по Оби живутъ Вогуличи и Угричи; въ области первыхъ есть городъ Lepiп. Въ томъ же описаніи сообщаются смутныя, перемѣшанныя съ сказочными подробностями извѣстія о другихъ Сибирскихъ племенахъ, жившихъ далѣе къ востоку, въ области верхней Оби и Енисея. На разстояніи двухъ мѣсяцевъ пути отъ устья Иртыша находится городъ Грустина; здѣсь живетъ народъ Грустинцы; отъ ихъ города до озера Китайскаго, по рѣкѣ Оби, вытекающей изъ этого озера, болѣе трехъ мѣсяцевъ пути. Въ Лукоморіи, горной и лѣсной странѣ, лежащей за Обью подлѣ Ледовитаго Океана, есть городъ Серпоновъ, гдѣ живетъ другой народъ Серпоновцы; съ Густинцами и Серпоновцами ведутъ нѣмой торгъ черные люди, лишенные дара слова человѣческаго, которые приходятъ отъ озера Китайскаго съ разными товарами, преимущественно жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ Лукоморіи живутъ другіе дикіе люди, съ однимъ очень страннымъ и баснословнымъ свойствомъ: разсказываютъ, что каждый годъ въ ноябрѣ они умираютъ или засыпаютъ, а на слѣдующую весну, въ апрѣлѣ, оживаютъ, подобно лягушкамъ или ласточкамъ. Грустинцы и Серпоновцы торгуютъ и съ ними, но особеннымъ образомъ. Когда настаетъ урочное время зимняго засыпанія, Лукоморцы кладутъ въ извѣстномъ мѣстѣ свои товары и скрываются; Грустинцы и Серпоновцы приходятъ и берутъ эти товары, оставляя взамѣнъ ихъ свои, въ соразмѣрномъ количествѣ. Если же Лукоморцы, проснувшись, найдутъ, что ихъ обманули, что оставленное ими не стоитъ взятаго, они требуютъ назадъ свои товары; отъ этого происходятъ у нихъ частыя ссоры и войны съ Грустинцами и Серпонов-

---

Татарахъ казацкихъ Киргизъ-кайсацкія орды, жившія въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Башкирами.

цами *). Съ горъ Лукоморіи течетъ большая рѣка Cossin, при устьѣ которой стоитъ городъ того же имени. Оттуда же вытекаетъ другая рѣка Cassima, которая впадаетъ въ большую рѣку Tachnin; за этой послѣдней, какъ разсказываютъ, живутъ также необыкновенные люди, изъ которыхъ одни покрыты шерстью, какъ звѣри, у другихъ собачьи головы, у нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ ни головы ни носа, лицо помѣщается на груди; ногъ также нѣтъ, а есть длинныя руки **).

Такія представленія существовали въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка о странѣ, куда скоро должна была направиться русская колонизація. Подобные же представленія о сѣверной Азіи издавна распространены были и въ остальной Европѣ. Если Герберштейнъ, относясь къ нимъ съ недовѣріемъ, не находитъ однакожь возможности совершенно отвергнуть ихъ, то писатели XVII вѣка пытаются уже по возможности объяснить эти баснословные разсказы. Въ Посольскомъ приказѣ, въ Москвѣ, Олеарій говорилъ съ двумя Самоѣдами, понимавшими по-русски, которыхъ соплеменники ихъ послали къ царю Московскому съ подарками; эти Самоѣды передали Олеарію подробности объ образѣ жизни своего племени, и ими онъ объясняетъ нѣкоторые баснословные разсказы о сѣверныхъ странахъ. Разсказы о людяхъ съ собачьими головами, покрытыхъ шерстью и т. п., по его мнѣнію, произошли отъ того, что жители береговъ Ледовитаго Океана носятъ особеннаго рода верхнюю одежду изъ звѣриныхъ шкуръ, обращенныхъ шерстью наружу; она закрываетъ тѣло съ головы до ногъ и имѣетъ одинъ разрѣзъ около шеи; рукавицы пришиваются къ рукавамъ, такъ что когда въ зимнее время дикарь надѣнетъ эту одежду, у него видно только лицо изъ отверстія около

*) Подобную нѣмую торговлю еще недавно вела одна отрасль Тунгусовъ, обитающая въ сѣверныхъ частяхъ Енисейской губерніи и Якутской области. О значеніи Грустинцевъ и Серпоновцевъ см. «Географ. извѣст. о древн. Россіи» въ От. Зап. 1853 г., № 6.

**) Herberst. 60—61.

шеи *). Подобнымъ образомъ объясняетъ Олеарій и басню о сѣверныхъ жителяхъ, умирающихъ на зиму, примѣняя объясненіе къ образу жизни ближайшаго и болѣе извѣстнаго ему племени Самоѣдовъ. Они живутъ въ шалашахъ, построенныхъ наполовину въ землѣ, съ отверстіемъ вверху, которое служитъ имъ трубой, а впродолженіе зимы и дверью, ибо снѣгъ совсѣмъ засыпаетъ обыкновенный выходъ. Тогда Самоѣды скрываются въ своихъ шалашахъ, рѣдко вылѣзая на открытый воздухъ, и сообщаются между собой подземными ходами, которые они прокапываютъ отъ одного шалаша до другаго. Такую подземную жизнь они переносятъ тѣмъ легче, что въ ихъ странѣ зимой нѣсколько мѣсяцевъ продолжается непрерывная ночь. Эта особенность, заключаетъ Олеарій, и послужила основаніемъ басни о народахъ умирающихъ на зиму и оживающихъ весной **). Во второй половинѣ XVII вѣка подобные разсказы считались уже сказками старухъ, по выраженію Мейерберга. Между тѣмъ тотъ же Мейербергъ называетъ Самоѣдовъ людьми, которые ѣдятъ другъ друга, хотя Олеарій, на котораго онъ при этомъ ссылается, говоритъ объ этомъ, какъ о прошедшемъ, не рѣшаясь признать, чтобы такъ было и въ его время ***).

Жилища Самоѣдовъ простирались отъ р. Печоры до Каменнаго или Земнаго пояса (Сѣвернаго Урала), Вайгачскаго пролива и Татарскаго моря****), далѣе за Уралъ, по обѣимъ сторонамъ р. Оби, т. е. занимали двѣ области, Югорію,— между Печорой и устьемъ Кары, и Обдорію, по Оби *****). Въ Печорской области, кромѣ Самоѣдовъ, живутъ Папины,

---

*) Olear. 127.

**) Ibid. 125—126.

***) Mayerb. II, 99. Olear. 125: ils (Русскіе) vouloient marquer par là (названіемъ Самоѣдовъ) que ces peuples estoient Anthropophages; parcequ'en effet ils mangeoient de la chair humaine, et mesmes celle de leurs amis trespassez, qu'ils méloient et mangeoient avec la venaison.

****) Такъ называетъ Олеарій, вѣроятно, Карское мрое.

*****) Herberst. 60. Olear. loc. cit. Hakl I, 317.

около Папинова города. Весь приморскій край отъ Урала до границъ Норвегіи, съ находящимися къ сѣверу островами Ледовитаго океана, сдѣлался достояніемъ географіи только со второй половины XVI вѣка, благодаря экспедиціямъ, предпринятымъ компаніей англійскихъ купцовъ для открытія новыхъ странъ и рынковъ *). Къ западу отъ Бѣлаго моря, по Мурманскому берегу, лежитъ Лапландія, крайніе пункты которой суть Нордкапъ, Святой Носъ (Cape Grace) и Кандалакса. Обитающіе на этомъ пространствѣ Лопари охотно давали дань чиновникамъ, посылавшимся сюда изъ сосѣднихъ государствъ Датскаго, Шведскаго и Московскаго; этимъ средствомъ Лопари надѣялись пріобрѣсть себѣ право оставаться въ покоѣ отъ нападеній этихъ государствъ: такъ простъ и миролюбивъ этотъ народъ, замѣчаетъ одинъ изъ агентовъ англійской компаніи, описывая Лопарей **). Въ области Мурманскихъ Лапландцевъ главнымъ пунктомъ служилъ Вардгузъ, далѣе котораго къ западу запрещено было ходить русскимъ. Въ Лапоніи, принадлежавшей Московскому государю, важными въ торговомъ отношеніи пунктами были Кола и Кегоръ ***). Къ югу отъ Лапландіи, до предѣловъ Новгородской области простирается Корелія, нѣсколько разъ дѣлившаяся и переходившая изъ рукъ въ руки между двумя сосѣдними государствами****). Съ этой стороны граница между Швеціей и Московіей около половины XVII вѣка проходила въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Нотебурга*****). Граница съ Ливоніей шла по р. Наровѣ, Чудскому озеру и Пейпусу, далѣе

*) Новая земля и Вайгачъ впервые были открыты и описаны англичанами въ 1556 году. Смотр. Hakl. I, 306.

**) Hakl. I, 467. Флетчеръ говоритъ, что Русскіе дѣлили Лопарей на Мурманскихъ или Норвежскихъ, и дикихъ. Ср. слова Р. Джонсона, Hakl. I, 316: in which lande (Lappia) be two maner of people, that is to say, the Lappians und the Scrickfinnes, which Scrickfinnes are a wilde people which neither know God nor yet good order.

***) Къ сѣверу отъ Колы. Hackl. 329.

****) Hakl. I, 316.

*****) Olear. II, сравн. Herberst. 56.

къ югу пролегала по полямъ не далеко отъ Печорскаго монастыря (въ Псковск. губерн.) *). Граница съ Польшей въ XVII вѣкѣ мѣнялась неоднократно. Послѣ смутнаго времени она опять отодвинулась отъ средняго Днѣпра ближе къ Москвѣ, оставивъ за собой Смоленскъ и Сѣверскую область, и только во второй половинѣ XVII вѣка возвратилась на Днѣпръ, захвативъ сверхъ Смоленска съ Сѣверской областью и восточную половину Малороссіи съ Кіевомъ. Со стороны Смоленска она шла даже западнѣе Днѣпра, именно по небольшой рѣчкѣ за Шкловомъ **).

Во второй половинѣ XVII вѣка такъ обозначали предѣлы Московскаго государства. Къ востоку оно граничитъ съ рѣками Обью и Днѣпромъ; къ югу съ Малой Татаріей, или степями Крымскихъ Татаръ, отъ которыхъ отдѣляется рѣками Донцомъ, Десною и Псёломъ; къ западу съ Литвою, Польшей, Ливоніей и Швеціей по Днѣпру и Наровѣ; къ сѣверу граница заходитъ за Полярный кругъ и идетъ по Ледовитому Океану ***). Заключающееся въ этихъ предѣлахъ пространство извѣстно было въ западной Европѣ подъ именемъ Московской, или Великой Россіи, чаще же называлось Московіей ****). Московское государство въ XVII вѣкѣ было самымъ обширнымъ изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ: оно простиралось на 30 градусовъ, или 450 нѣмецкихъ миль въ длину и на 16 градусовъ или 240 миль въ ширину *****).

---

*) Mayerb. I, 63. Во второй половинѣ XVII в. граница съ этой стороны заходила на нѣкоторое время далѣе Чудскаго озера къ западу, захватывая Дерптъ и нѣкоторые другіе города Ливоніи.

**) Tanner 26. Avril 284. Korb 29. Пограничнымъ Литовскимъ городомъ съ этой стороны былъ Kadzin на рѣкѣ Brzeza.

***) Lyseck 2: Terminos habet ab Ortu communes Europae fines, h. e. Obium et Tanaim fluvios. Авторъ описанія посольствъ Карлиля съ большей точностью передвигаетъ древнюю границу Европы по Дону, далѣе къ востоку, на нижнее теченіе Волги, où il sépare l'Europe d'avec l'Asie. P. 25.

****) La grande Russie ou la Russie Moscovite, ordinairement nommée la Moscovie. Mayerb. II, 37.

*****) Olear. 111. Lyseck 2. Полагаютъ, что въ началѣ XVII вѣка Мо-

II.

Пріемъ иностранныхъ пословъ въ Москвѣ.

Иностранныя извѣстія XV и XVI в. застаютъ Московское государство въ тотъ многознаменательный періодъ его развитія, когда оно, прочно утвердившись въ своей первоначальной, основной области и собравъ средства и силы, обнаруживаетъ въ бо́льшихъ размѣрахъ стремленіе къ распространенію этой первоначальной области и быстро присоединяетъ къ ней окрестныя независимыя княжества, а съ другой стороны, въ то же время образовавъ сильную верховную власть, даетъ ей окончательную побѣду надъ враждебными ей родовыми и дружинными притязаніями, завѣщанными прежней исторіей. Такимъ образомъ два главныя явленія, тѣсно связанныя между собою, характеризуютъ внутреннее государственное движеніе означеннаго времени: объединеніе сѣверовосточной Руси подъ властію Московскаго Государя и торжество самодержавія этой власти. Но прежде нежели войдемъ въ подробности, которыя сообщаютъ иностранцы о Московскомъ государствѣ, познакомимся съ порядкомъ пріема иностранныхъ посольствъ, приходившихъ къ Московскому государю и потомъ распространявшихъ у себя дома свѣдѣнія о видѣнномъ и слышанномъ въ Московіи. Это познакомитъ насъ съ первыми впечатлѣніями, которыя испытывали западные Европейцы въ Московіи, и вмѣстѣ укажетъ намъ, какъ Московскіе люди, особенно Московское правительство относились къ заѣзжимъ иностранцамъ, какъ старались держаться передъ ними и въ какомъ видѣ представляли имъ положеніе своей страны.

Иностранный посолъ изъ болѣе отдаленныхъ западноевропейскихъ государствъ былъ въ XV в. рѣдкимъ, не-

---

сковское государство заключало въ себѣ до 154.894 квадр. миль, тогда какъ въ половинѣ XV вѣка оно заключало небольше 15.000 квадр. миль. Сказ. Соврем. о Димитр. Самозв.. ч. 3-я, примѣч. 5.

обыкновеннымъ явленіемъ въ Москвѣ; съ XVI в. эти послы стали появляться здѣсь чаще и чаще, но и тогда появленіе ихъ задавало важную работу разнымъ служилымъ людямъ государства и занимало не одно засѣданіе государевой думы. Пріѣздъ иноземнаго посла кромѣ того имѣлъ часто и важное торговое значеніе: часто вмѣстѣ съ посольствомъ пріѣзжалъ цѣлый караванъ купцовъ съ иностранными товарами.

Иностранныя описанія этихъ посольскихъ поѣздокъ съ Запада въ Москву наполнены разсказами о лишеніяхъ и опасностяхъ, которыя посолъ встрѣчалъ на своемъ пути. Въ концѣ XVI в., когда дорога въ Москву была нѣсколько уже проторена для западнаго посла, Поссевинъ, зная по опыту ея трудности, старается однакожъ ослабить господствующее о нихъ представленіе и говоритъ, что на этомъ пути не приходится переѣзжать ни чрезъ моря, ни чрезъ высокія горы, такъ что посолъ можетъ доѣхать до самой столицы Московіи на томъ же экипажѣ, на которомъ онъ выѣхалъ изъ Рима *); но западно-европейскому путешественнику, ѣхавшему въ Москву, едвали было легче отъ того, что ему на этомъ пути не приходилось переѣзжать черезъ моря, а отсутствіе высокихъ горъ съ избыткомъ вознаграждалось обширными лѣсами и пустынями безъ слѣдовъ дороги, гдѣ ему не разъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ.

Послы изъ западной континентальной Европы ѣхали въ Москву обыкновенно чрезъ Польшу и Литву; въ Краковѣ, если дѣло было зимой, ставили экипажи на сани и продолжали путь до Вильны. Отсюда открывались двѣ большія дороги къ Москвѣ: одна болѣе длинная, но менѣе трудная, шла чрезъ Ливонію на Новгородъ, другая кратчайшая, но сопряженная съ большими трудностями, шла чрезъ Минскъ, Борисовъ, Оршу, Дубровну на Смоленскъ и оттуда чрезъ Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ. Герберштейнъ въ 1516 году избралъ третій, средній путь — изъ Вильны на Полоцкъ и оттуда чрезъ Опочку и Новгородъ; но, кажется, онъ

*) A. Possevini Moskovia, p. 84.

сильно раскаялся въ этомъ, потому что ему пришлось ѣхать глухимъ, лѣснымъ краемъ, пограничнымъ между Литвой и Московіей, и потому страшно раззореннымъ набѣгами съ обѣихъ сторонъ, небезопаснымъ отъ разбойниковъ и наполненнымъ такимъ множествомъ озеръ, болотъ и рѣкъ, что и сами туземцы, по его выраженію, не знаютъ имъ ни числа, ни названій. Этотъ путь отъ Вильны до Новгорода онъ проѣхалъ въ мартѣ въ 22 дня; оттуда въ апрѣлѣ въ недѣлю доѣхалъ до Москвы. — Въ началѣ второй половины XVI в. англичане впервые проѣхали въ Москву съ сѣвера, Сѣвернымъ Океаномъ и Бѣлымъ моремъ; но Русскіе послы, уже въ концѣ XV в., ѣздили этимъ путемъ въ Данію.

Подъѣзжая къ Московскимъ предѣламъ съ Запада, посолъ посылалъ въ ближайшій московскій городъ извѣстить о себѣ намѣстника, при чемъ объявлялось какого онъ званія, какъ велика его свита, и какимъ облеченъ онъ достоинствомъ, или характеромъ. Въ Москвѣ строго различали три степени посольскаго достоинства: высшее достоинство принадлежало большому или великому послу, ниже было званіе посланника, послѣднею была степень гонца. Съ различіемъ этихъ степеней сообразовался самый пріемъ посла. Когда пристава узнали, что Мейербергъ, объявившій себя на границѣ Цесарскимъ посланникомъ, въ грамотѣ Императора прописанъ большимъ посломъ, они не знали, какъ принимать его и просили вывести ихъ изъ затрудненія, точнѣе объяснивъ имъ свой характеръ. Намѣстникъ тотчасъ посылалъ съ извѣстіемъ о посольствѣ къ государю, а на встрѣчу послу отправлялъ болѣе или менѣе значительнаго человѣка съ свитой, смотря по характеру посла и по важности того государя, отъ котораго шелъ онъ. Посланный, въ свою очередь, посылалъ съ дороги кого-нибудь изъ своей свиты объявить послу, что на встрѣчу ему идетъ большой человѣкъ, который дождется посла въ такомъ-то мѣстѣ. Большой человѣкъ встрѣчалъ посла, стоя со свитой среди дороги, и ни на шагъ не сторонился, чтобы дать проѣхать иностранцамъ, которые должны были при проѣздѣ сворачивать съ дороги.

Зимой, когда такой объѣздъ былъ не очень удобенъ, подлѣ дороги разчищали снѣгъ, чтобы дать послу возможность проѣхать мимо, не завязнувъ въ снѣгу. Сошедшись, обѣ стороны, прежде чѣмъ начать объясненіе, должны были сойти съ лошадей или экипажей, о чемъ послу дѣлалось внушеніе заранѣе; отговориться отъ этого нельзя было ни усталостью, ни болѣзнью, потому что — объясняли встрѣчавшіе — ни говорить, ни слушать, что́ говорятъ отъ имени государя, нельзя иначе, какъ стоя. При этомъ, оберегая честь своего государя, Московскій большой человѣкъ тщательно наблюдалъ, чтобы не сойти съ лошади первымъ, отъ чего часто происходили важныя недоразумѣнія и споры съ иностраннымъ посломъ. Когда всѣ спѣшивались, большой человѣкъ подходилъ къ послу съ открытой головой и въ довольно длинной рѣчи извѣщалъ его, что онъ посланъ намѣстникомъ великаго государя проводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли онъ ѣхалъ. При этомъ, гдѣ случалось упоминать имя государя, сказывался его титулъ съ перечисленіемъ главнѣйшихъ княжествъ. Затѣмъ посланный протягивалъ послу руку и, дождавшись, пока тотъ обнажитъ также голову, уже неоффиціально спрашивалъ его, благополучно ли онъ ѣхалъ. Наконецъ, сѣвъ на лошадей или въ экипажи, посолъ съ свитой отправлялся объѣздомъ мимо большаго человѣка, который при этомъ справлялся объ имени и родѣ посла и каждаго изъ его свиты, также объ именахъ ихъ родителей, о мѣсторожденіи, какой кто знаетъ языкъ, изъ какого званія, не родственникъ ли послу и т. д., о чемъ тотчасъ въ подробности писали въ Москву. За посломъ и его свитой двигались, на значительномъ отъ нихъ разстояніи, посланный и его спутники, наблюдая, чтобы никто изъ иностранцевъ не отставалъ отъ своихъ. Ѣхали обыкновенно очень медленно, въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, что́ иногда выводило пословъ изъ терпѣнія. Герберштейнъ на разстояніи 12 нѣм. миль отъ границы до Смоленска ночевалъ три раза, дважды подъ открытымъ небомъ на снѣгу. Проводники готовили ночлегъ и доставляли все нужное. Въ большихъ городахъ, наприм. Смоленскѣ, Новгоро-

дѣ, намѣстники угощали пословъ разными родами винъ и медовъ и, если посолъ былъ отъ важнаго государя, дружбой съ которымъ дорожили, его допускали въ крѣпость города, дѣлая ему честь пушечной пальбой. Въ Смоленскѣ или Новгородѣ посла встрѣчали обыкновенно пристава изъ Москвы и провожали до столицы. Если отвѣтъ изъ Москвы не приходилъ долго, то пристава подъ разными предлогами старались какъ можно долѣе проволочить время, не двигаясь впередъ. Съѣстные припасы доставлялись иногда вмѣстѣ съ приставами изъ Москвы и слѣдовали за посольскимъ поѣздомъ, потому что въ пустынной странѣ, по которой лежала иногда дорога, ихъ трудно было доставать въ мѣстахъ стоянокъ. Случалось, что благодаря дорожнымъ приключеніямъ, или корыстнымъ разсчетамъ приставовъ, послы оставались на цѣлый день безъ пищи; между тѣмъ пристава строго смотрѣли, чтобы посолъ ничего не покупалъ дорогой. Однажды это такъ раздражило Герберштейна, что онъ пригрозилъ разбить приставу голову, если онъ не будетъ лучше заботиться о пищѣ или не позволитъ покупать ее у мѣстныхъ жителей.

По обычаямъ Московскаго двора, иноземное посольство, съ самаго вступленія на почву Московскаго государства, освобождалось отъ всякихъ путевыхъ издержекъ. Не только продовольствіе посольства, но и перевозка его до столицы производились на счетъ Московскаго государя. Для послѣдней цѣли по главнымъ дорогамъ устроены были ямы, или станціи, которыя ставили для посольства извѣстное количество верховыхъ лошадей и подводъ для перевозки посольства и его багажа. Подводы состояли изъ телѣгъ, запряженныхъ каждая въ одну лошадь. Съ этими подводами приставамъ и посольству было не мало хлопотъ. Подводчики, стараясь избавиться отъ повинности, иногда тайкомъ убѣгали отъ посольства, уводя съ собой лошадей, или даже бросая ихъ на волю посольскихъ служителей. Корбъ совѣтуетъ строго смотрѣть за ямщиками при смѣнахъ, чтобъ они чего не стащили у посольства, потому что, замѣчаетъ онъ, эти извощики страшные воры. Другое затрудненіе происходило отъ дурнаго состоянія дорогъ: мосты чинили

иногда во время самаго проѣзда пословъ, при чемъ происходили шумныя сцены у приставовъ съ мѣстными поселянами *). Въ полумили отъ Москвы послу объявляли гонцы, что въ такомъ-то мѣстѣ ждутъ его большіе люди отъ государя, предъ которыми надо сойти съ лошадей или экипажей на землю. Придворные, выѣзжавшіе на встрѣчу послу, старались болѣе всего повести дѣло такъ, чтобы посолъ первый обнажилъ голову, первый вышелъ изъ экипажа, или слѣзъ съ лошади: это значило оберегать честь государя. Если посолъ не зналъ хорошо обычаевъ Московскихъ дипломатовъ, онъ не обращалъ на это вниманія и много проигрывалъ во мнѣніи послѣднихъ. Но послы, знавшіе, какое значеніе придавали въ Москвѣ этимъ формальностямъ, особенно польскіе, принимали подобныя же мѣры съ своей стороны и оттого при встрѣчахъ происходили безконечныя, часто шумныя ссоры. Въ ожиданіи посла, высланные встрѣчать его стояли на дорогѣ длиннымъ рядомъ и когда обѣ стороны спѣшивались и сходились вмѣстѣ, одинъ изъ большихъ людей отъ имени государя (при чемъ сказывался уже полный титулъ) справлялся о здоровьѣ государя, отъ котораго ѣхалъ посолъ; другой такимъ же образомъ извѣщалъ, что они назначены проводить посла до квартиры и заботиться о доставленіи ему всего нужнаго. Если пословъ было двое или болѣе, то съ такими рѣчами обращались къ каждому отдѣльно. Затѣмъ первый прежнимъ офиціальнымъ образомъ справлялся отъ имени своего государя, благополучно ли посолъ ѣхалъ; другой представлялъ ему осѣдланныхъ лошадей въ подарокъ отъ государя. Пока говорили эти рѣчи и отвѣчали на нихъ, обѣ стороны стояли съ открытыми головами, потомъ подавали другъ другу руки и неофиціально повторяли взаимныя привѣтствія. Затѣмъ обѣ стороны садились на лошадей или въ экипажи, при чемъ вся ловкость Московскихъ приставовъ устремлялась на то, чтобъ прежде посла надѣть шапку, первымъ вскочить на лошадь или въ экипажъ. Чтобъ вѣрнѣе успѣть въ этомъ, прибѣгали ко

*) Кобъ 36.

всевозможнымъ уловкамъ: Олеарій разсказываетъ, что при встрѣчѣ Турецкаго посла въ 1634 г. послѣднему нарочно подали горячую лошадь, на которую нельзя было сѣсть скоро. По переѣздѣ чрезъ Москву-рѣку поѣздъ встрѣчали многочисленныя толпы народа, сбѣгавшагося изъ города и окрестностей. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ значительныхъ городахъ при проѣздѣ иностранныхъ пословъ, по приказу государя, обыкновенно собирали народъ въ городъ изъ окрестныхъ селеній, въ праздничномъ нарядѣ, чтобы этимъ внушить посламъ выгодное понятіе о населенности страны и зажиточности ея обитателей. Въ самыхъ городахъ при этомъ случаѣ запирали лавки, торговцевъ и покупателей гнали съ рынка, ремесленники прекращали свои занятія и наполняли улицы, по которымъ проѣзжало посольство.

Въ XVII в. еще чаще, нежели въ XVI-омъ стали являться въ Москву блестящія посольства изъ Западной Европы, и въ Москвѣ старались принимать ихъ съ соотвѣтствующимъ великолѣпіемъ и торжественностью: это былъ лучшій случай блеснуть предъ чужими людьми и внушить гостямъ самое выгодное понятіе о хозяевахъ. Вслѣдствіе этого, обрядность пріема усложнялась еще болѣе. Посольство до въѣзда въ столицу останавливалось въ какомъ-нибудь изъ подмосковныхъ селъ, чтобъ приготовиться къ торжественному въѣзду. Посольство выступало въ сопровожденіи многочисленнаго Московскаго конвоя; при въѣздѣ англійскаго посольства въ 1664 г. ѣхали 200 саней, кромѣ посольскихъ служителей, шедшихъ пѣшкомъ. Пословъ съ обѣихъ сторонъ окружали пристава. — По мѣрѣ приближенія поѣзда посольскаго къ Москвѣ, его встрѣчали одинъ за другимъ отряды всадниковъ, въ одеждѣ разныхъ цвѣтовъ; они выстраивались по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой двигалось посольство. Послѣдній отрядъ, встрѣчавшій его подъ самымъ городомъ, былъ самый великолѣпный: это были „жильцы“, на бѣлыхъ лошадяхъ, одѣтые всѣ въ красное платье, съ особеннымъ украшеніемъ назади, похожимъ на крылья, которое нѣкоторые

иностранцы находили очень красивымъ *). Назначалось мѣсто, гдѣ посольство должны были встрѣтить придворные сановники, и чтобы обѣ стороны могли прибыть сюда въ одно время, передъ посольствомъ взадъ и впередъ скакали гонцы изъ города съ приказами ускорить или замедлить, а иногда вовсе остановить на нѣсколько времени движеніе поѣзда. Оттого поѣздъ двигался очень медленно: англійское посольство, вступая въ Москву 6 февраля 1664 г., съ 2-хъ часовъ до ночи не могло проѣхать 3-хъ верстъ. Встрѣтившись съ упомянутыми сановниками и исполнивъ обычныя формальности, послы вмѣстѣ съ новыми своими приставами перемѣщались въ экипажъ, обыкновенно высылавшійся для этого изъ дворца. Иностранцы подробно описываютъ взятыя съ казеннаго двора великолѣпныя одежды, въ которыхъ являлись пристава и вся ихъ свита; но особенно удивлялись множеству и богатству украшеній, которыми покрыты были лошади Московскихъ сановниковъ и всадниковъ. При въѣздѣ въ городъ посольская и московская музыка, не прерывавшаяся съ самаго начала поѣзда, начинала играть громче. По обѣ стороны улицъ, по которымъ проѣзжало посольство, стояло рядами нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ. Такое событіе, какъ въѣздъ великолѣпнаго иностраннаго посольства, не могло не возбуждать любопытства въ жителяхъ Москвы. Они высыпали изъ домовъ, и во множествѣ покрывали улицы, лавки, окна и кровли домовъ. При въѣздѣ польскаго посольства 1678 г., отличавшагося особенной пышностью, между зрителями видно было даже много дѣвицъ, набѣленныхъ и нарумяненныхъ. Можно было подумать, замѣчаетъ Мейербергъ при описаніи своего въѣзда въ Москву, что въ это время ни одной души не оставалось въ домахъ.

Западная Европа болѣе и болѣе привлекала къ себѣ любопытство Московскихъ людей, а чтобы удовлетворить

---

*) Это были особеннаго покроя терлики, которые надѣвали конные «жильцы» при торжественныхъ придворныхъ случаяхъ. См. Опис. одежд. и вооруж. Росс. войскъ, ч. I, примѣч. 166.

этому любопытству, посмотрѣть на ея представителей, понемногу начинали жертвовать вѣковыми предубѣжденіями, и со второй половины XVII вѣка встрѣчаемъ извѣстія, ярко рисующія это стремленіе. Областные правители, при проѣздѣ иностраннаго посольства, начали чаще нарушать принятый обычай не видѣться лично съ послами; воеводы открывали имъ доступъ въ крѣпости, приглашали къ себѣ на пиръ, отваживались даже показывать иностранцамъ своихъ женъ, исполнявшихъ при этомъ всѣ обычаи, которыми сопровождалось явленіе хозяйки предъ почетными гостями. Разсказываютъ объ одномъ Смоленскомъ воеводѣ, который, при въѣздѣ посольства въ городъ, переодѣтый вмѣшался въ толпу крестьянъ, помогавшихъ поднять опрокинувшійся экипажъ посольства. Тоже любопытство проникало и въ такую сферу, гдѣ самое общественное положеніе заставляло съ особенной строгостью держаться въ предѣлахъ принятыхъ обычаевъ. При въѣздѣ Карлиля въ Москву въ 1664 году, царь съ царицей и дѣтьми рѣшились тайкомъ посмотрѣть на блестящій поѣздъ и для этого помѣстился гдѣ-то у воротъ кирпичной стѣны, чрезъ которыя должно было проѣхать посольство. Такъ какъ въѣздъ происходилъ ночью, то около этого мѣста улица была ярко освѣщена. Передъ самыми воротами пристава выдумали какой-то предлогъ къ остановкѣ поѣзда, продолжавшейся около четверти часа, чтобы дать царю и его семейству время насмотрѣться на иностранцевъ. Царица Наталья Кирилловна упросила царя въ 1675 г. назначить аудіенцію цесарскому послу де-Боттони въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ ей удобнѣе было смотрѣть на посольство, и, приближаясь къ селу, пристава нарочно вели поѣздъ не прямой дорогой и замедляли его движеніе, чтобъ царица дольше могла любоваться зрѣлищемъ изъ дворцоваго сада. Впродолженіе аудіенціи, она, помѣстившись на постели въ сосѣдней комнатѣ, смотрѣла чрезъ отверстіе двери на представленіе посольства; но маленькій Петръ выдалъ мать, неосторожно растворивъ дверь прежде, чѣмъ посолъ успѣлъ выйти изъ пріемной залы. Наконецъ въ 1698 г. съ

той же цѣлью рѣшились провести посольство чрезъ Кремль, что изумило и иностранцевъ и Москвичей *).

Въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ отводили посольству квартиру въ пустомъ зданіи безъ мебели, даже безъ постелей. Когда Герберштейнъ напомнилъ объ этотъ приставамъ, они отвѣчали, что у нихъ не въ обычаѣ давать посламъ постели. Пристава каждый день приходили къ послу, спрашивая, не терпитъ ли онъ въ чемъ недостатка. Съѣстные припасы приносилъ дьякъ, особо для того назначенный. Въ обращеніи съ послами пристава наблюдали строгое различіе, смотря потому, откуда и съ какимъ характеромъ пріѣзжалъ посолъ: съ большимъ посломъ обращались не такъ, какъ съ посланникомъ или гонцомъ; съ посломъ нѣмецкимъ не такъ, какъ съ польскимъ, литовскимъ, и проч. Также строго до мелочей опредѣлено было количество всѣхъ припасовъ, выдававшихся послу ежедневно, хлѣба, соли, мяса, перцу, овса сѣна, и даже дровъ для кухни. Если посолъ хотѣлъ купить что-нибудь на рынкѣ, пристава очень сердились и всѣми мѣрами старались не допустить до этого, говоря, что это значитъ наносить безчестье государю. Спустя дня два по пріѣздѣ, пристава вывѣдывали чрезъ переводчиковъ, что̀ намѣренъ посолъ дать имъ въ подарокъ, прибавляя, что они должны донести объ этомъ государю. Поссевинъ сильно жалуется на ихъ назойливость въ этомъ случаѣ и совѣтуетъ или прямо отказывать имъ, или обѣщать съ условіемъ, если будутъ хорошо вести себя **).

Квартира посламъ обыкновенно отводилась внѣ Кремля; останавливаться въ Кремлѣ не дозволялось. Контарини, по ходатайству русскаго посла, съ которымъ онъ возвращался изъ Персіи, пріѣхавъ въ Москву, поселился-было въ домѣ пріятеля своего Аристотеля, недалеко отъ двор-

---

*) Olearius 24 и слѣд.—Mayerberg I, 97.—Carlisle 120.—Lyseck 34 48 и слѣд.—Tanner 43—49.—Korb 40.

**) Herberstein ibid.—Possev.

ца, но чрезъ нѣсколько дней получилъ приказъ перебраться изъ Кремля на посадъ *).

Извѣстія XVII вѣка подробнѣе описываютъ и помѣщеніе и содержаніе пословъ въ Москвѣ. Посольству, съ которымъ въ 1634 г. пріѣхалъ въ Москву Олеарій, отведено было помѣщеніе въ двухъ обывательскихъ домахъ въ Бѣломъ городѣ, потому что случившійся передъ этимъ пожаръ истребилъ домъ, въ которомъ обыкновенно останавливались иностранныя посольства. Во время пребыванія Олеарія въ Москвѣ этотъ домъ былъ возобновленъ. Усиленіе дипломатическихъ сношеній съ иноземными дворами заставило подумать объ устройствѣ для иностранныхъ посольствъ помѣщенія болѣе просторнаго, болѣе соотвѣтствовавшаго достоинству государя и блеску его двора. Вслѣдствіе этого при Алексѣѣ Михайловичѣ построено было великолѣпное каменное зданіе, которое подробно описываетъ Таннеръ. Этотъ новый посольскій дворъ находился въ Китаѣ-городѣ, недалеко отъ Кремля **). Это было обширное зданіе въ 3 этажа, съ 4 башенками по угламъ. Надъ подъѣздомъ возвышалась пятая, большая башня, вокругъ которой устроены были въ 3 ряда, одинъ надъ другимъ, балконы („гульбища“), откуда открывался красивый видъ на Москву. Въ этомъ зданіи въ 1678 г. безъ труда помѣстилось съ экипажами и лошадьми польское посольство, состоявшее болѣе чѣмъ изъ 1500 человѣкъ. Среди зданія находился квадратный дворъ, съ колодеземъ посрединѣ. Въ комнатахъ вокругъ стѣнъ шли лавки; въ одной палатѣ посрединѣ стояли длинные столы съ такими же длинными скамьями, покрытыми, какъ и лавки, краснымъ сукномъ. Такимъ же сукномъ обита была нижняя часть стѣнъ надъ лавками, сколько могла захватить спина сидящаго человѣка. Въ одной изъ внутреннихъ комнатъ стѣны обиты были златотканными обоями, на кото-

*) Контарини 103.

**) Майербергъ замѣчаетъ, что онъ находился недалеко отъ церкви Иліи Пророка, куда бывалъ торжественный царскій выходъ 20 іюля. I, 156.

рыхъ изображалась исторія Самсона. Двое обширныхъ сѣней служили мѣстомъ прогулки и пріемными залами. Окна въ зданіи были узки и малы, пропускали скудный свѣтъ; въ нихъ было больше желѣза и камня, нежели стекла, снаружи къ нимъ придѣланы были желѣзныя ставни. При домѣ были три обширныя кухни съ кладовыми, погребами и прочими хозяйственными принадлежностями *).

Во все время пребыванія пословъ въ Москвѣ, ихъ окружали самымъ бдительнымъ надзоромъ. При дверяхъ занимаемаго ими дома ставились „караульщики“; особые приставники сопровождали иностранцевъ, когда они по какимъ-нибудь дѣламъ выходили съ двора, что впрочемъ не дозволялось безъ уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опаснаго подозрѣнія, приходить къ послу и говорить съ нимъ по частнымъ дѣламъ; даже когда кто-нибудь изъ посольства заболѣвалъ, къ нему не допускались или рѣдко допускались придворные лѣкаря изъ иностранцевъ, — единственные тогда лѣкаря въ Москвѣ **).

Всѣ иностранцы XVI вѣка, ѣздившіе послами въ Москву и описавшіе свои поѣздки, съ большей или меньшей горечью жалуются на дурное обращеніе съ ними московскихъ приставовъ, на стѣсненія, которымъ посолъ подвергался въ Москвѣ,—говорятъ, что съ нимъ обращались презрительно, держали его скорѣе какъ плѣнника, нежели какъ министра иностраннаго государя, едва позволяли ему выходить изъ квартиры съ провожатыми, которые зорко слѣдили за каждымъ его шагомъ. Олеарій, всегда такъ акуратно отмѣчающій перемѣны и улучшенія, замѣченныя имъ въ жизни современнаго ему Московскаго государства сравнительно съ прежнимъ временемъ, знаетъ всѣ неудобства, которымъ въ былое время подвергались въ Москвѣ иностранные послы; но онъ оговаривается при этомъ, замѣчая, что въ его время положеніе посла въ Москвѣ много измѣнилось къ лучшему, что пословъ принимали тогда съ большей вѣж-

*) Olear. 25, 40.—Tanner, 50 и слѣд.

**) Possev. 36, 37, 98.

ливостью, и послѣ первой аудіенціи посолъ и его свита безъ труда могли выходить изъ квартиры и осматривать городъ, даже безъ провожатыхъ. Оттого европейскіе государи,—добавляетъ Олеарій,—не боятся теперь посылать въ Москву пословъ, а нѣкоторые даже имѣютъ тамъ постоянныхъ резидентовъ. При Олеаріи въ Москвѣ жили шведскій и англійскій резиденты; во второй половинѣ XVII вѣка упоминаются, кромѣ нихъ, резиденты датскій, польскій и персидскій. Но до первой аудіенціи пословъ держали попрежнему въ самомъ строгомъ заключеніи. Тотъ же Олеарій говоритъ, что едва голштинское посольство размѣстилось на своей квартирѣ, пристава принесли ему суточное содержаніе и, удаляясь, заперли ворота и приставили къ нимъ 12 стрѣльцовъ, съ приказаніемъ никого не пускать ни со двора ни на дворъ; одни только пристава приходили къ посламъ каждый день, чтобъ развлекать ихъ и справляться, не имѣютъ ли они въ чемъ нужды. Послѣ перваго представленія государю посольство получало болѣе свободы. Посольству, съ которымъ Корбъ пріѣзжалъ въ Москву, позволено было даже до первой аудіенціи ѣздить къ резидентамъ, жившимъ въ Москвѣ, и принимать ихъ у себя; но это было уже въ послѣдніе годы XVII вѣка, когда многое пошло не по-старому. Устранены были нѣкоторыя жесткія формальности въ обращеніи съ послами; подозрительность къ иностранцамъ не обнаруживалась такъ рѣзко, какъ это бывало прежде, но она не исчезла и во второй половинѣ XVII вѣка. Съ прежней зоркостью слѣдили за тѣмъ, чтобы посольство не входило въ слишкомъ короткія сношенія съ жителями Москвы, особенно съ иностранцами. Посламъ говорили, что ихъ могутъ посѣщать всѣ, кому будетъ угодно, но на самомъ дѣлѣ устраивали такъ, что немногимъ удавалось проникнуть въ посольскій домъ. Стража подвергала строгому допросу желавшихъ видѣть посла и своей безцеремонностью у многихъ отбивала охоту къ подобнымъ посѣщеніямъ. Если иностранецъ, служившій въ русскомъ войскѣ, просилъ у своего начальника позволенія повидаться съ посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этомъ оставить свое намѣреніе, чтобъ не

возбудить подозрѣнія при дворѣ. Женщинамъ вовсе запрещено было входить въ посольскій домъ. Карлиль никакъ не могъ добиться позволенія англійскимъ купчихамъ изъ Нѣмецкой слободы видѣться съ его женою. Изъ отряда стрѣльцовъ, сторожившихъ посольскій домъ и ежедневно смѣнявшихся, нѣсколько человѣкъ размѣщались по потаеннымъ угламъ двора, съ цѣлью предупредить секретныя посѣщенія посольской квартиры; подъ каждымъ окномъ также стояло по нѣскольку сторожей. Такъ же заботливо старались помѣшать сношеніямъ посольствъ съ своими дворами. Мейербергъ напрасно просилъ у Московскаго двора и устно и письменно позволенія сообщить въ Вѣну нѣкоторыя извѣстія о себѣ. Письма, посылавшіяся изъ-за границы посламъ въ Москву, вскрывались, прочитывались и потомъ уничтожались *).

Въ описаніяхъ иностранныхъ посольствъ находимъ нѣсколько указаній на количество припасовъ, ежедневно отпускавшихся на содержаніе посольства во время его пребыванія въ Москвѣ, равно какъ и на пути къ ней. Англійскому послу Рандольфу со свитой, состоявшей изъ 40 человѣкъ, въ 1568 г. на пути къ Москвѣ пристава ежедневно выдавали припасовъ на два рубля. Голштинскому посольству 1634 года, свита котораго состояла изъ 34 человѣкъ, ежедневно выдавалось на содержаніе по 2 руб. 5 коп., и благодаря дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, которую послы встрѣчали на пути, этой суммы было совершенно достаточно для продовольствія ихъ со свитой. По прибытіи въ Москву, тоже посольство ежедневно получало на содержаніе по 62 коровая хлѣба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 куръ, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 50 яицъ, по 10 коп. на свѣчи и по 5 на мелочные расходы по кухнѣ, по четверти ведра испанскаго вина, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и нѣсколько меньше водки **); кромѣ того посольскимъ слугамъ отпу-

*) Olear. 26, 184.—Mayerb. I, 132—135; II, 138.—Carl. 141.—Lyssek 89.—Corb 49.

**) Olear. 96: huit pots d'hydromel, trois pots de bière et trois petits

скалось по бочкѣ пива, по боченку меда и по боченку же водки. Сверхъ всего этого выдавали на недѣлю пудъ масла и столько же соли, три ведра уксусу, да по воскресеньямъ прибавляли мяса по 2 барана и одному гусю. Въ день прибытія посольства въ Москву, также въ дни большихъ праздниковъ и придворныхъ торжествъ, содержаніе посольства удвоялось *). Иногда пристава приносили посольству уже готовыя кушанья, что ставило иностранцевъ въ большое затрудненіе, потому что московскія блюда рѣдко были имъ по вкусу, и гораздо удобнѣе было для нихъ получать сырые припасы, которые они могли приготовлять по-своему. Съ XVII в. начинаемъ встрѣчать извѣстія о томъ, что пристава на пути къ Москвѣ предоставляли посламъ на выборъ—получать ли содержаніе припасами, или брать прямо деньги, назначенныя для этого изъ казны; послы, разумѣется, охотнѣе согласились на послѣднее, тѣмъ болѣе, что при покупкѣ припасовъ самимъ посольствомъ, пристава назначали таксу, чтобъ продавцы не могли запрашивать слишкомъ много за свои товары **).

Въ первые дни, по прибытіи посольства въ Москву, пока въ думѣ наводились справки и шли разсужденія о немъ, посламъ предоставлялось отдыхать отъ дороги; но иногда это отдохновеніе продолжалось такъ долго, что наскучивало имъ. Здѣсь также дѣло не обходилось безъ проволочекъ, подобныхъ тѣмъ, какія испытывалъ посолъ на пути къ Москвѣ: назначаютъ день для представленія государю, потомъ отложатъ и т. д. Наконецъ объявляли рѣшительный срокъ; наканунѣ его пристава нѣсколько разъ приходили къ послу, внушая ему приготовиться къ явленію предъ свѣтлыя очи государя. Утромъ, на другой день, тѣ же пристава являлись къ послу въ богатыхъ парчевыхъ одеж-

---

pots d'eau de vie. Такъ какъ въ спискѣ припасовъ, выдававшихся на содержаніе Боуса, галлонъ, содержащій 8 пинтъ, приравнивается къ тогдашнему московскому ведру, а пинта=$\frac{1}{2}$ pot, то мы полагаемъ въ тогдашнемъ ведрѣ 4 pots. См. Hakluyt's Collection, I. 519.

*) Olear. 15, 96.

**) Ibid.—Ког. 34.

дахъ, которыя они надѣвали въ сѣняхъ посольскаго дома, и объявляли о приближеніи бояръ, которые имѣли представить посла во дворецъ, добавляя, чтобы посолъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Бояре, съ многочисленной свитой подъѣхавъ къ посольской квартирѣ, сходили съ коней, но не входили въ домъ, а ждали выхода посла, стараясь сдѣлать такъ, чтобы посолъ дальше вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Сѣвъ на коней или въ экипажи, которые присылались изъ дворца, отправлялись въ Кремль, обыкновенно чрезъ Спасскія ворота. Поѣздъ, какъ и при въѣздѣ въ столицу, двигался между рядами нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ, съ прежними замедленіями и остановками, чтобъ вривести пословъ во дворецъ именно въ ту минуту, когда царь садился на престолъ. Массы народа по-прежнему наполняли ближайшія улицы и покрывали окна и кровли домовъ. Въ Кремлѣ поѣздъ встрѣчали разные служилые люди въ богатомъ платьѣ, которые вели посла къ дворцу. Въ 1582 г., когда происходили бесѣды Поссевина съ царемъ о вѣрѣ, при проходѣ іезуита во дворецъ, огромныя толпы придворныхъ служителей и народа наполняли кремлевскую площадь, ступени крыльца, сѣни, окна и переходы дворца. Идя на третій диспутъ, Поссевинъ видѣлъ на площади Кремля по крайней мѣрѣ тысячъ пять простаго народа. Далеко не доѣзжая до крыльца, всѣ сходили съ коней и шли далѣе пѣшкомъ. Подлѣ крыльца у пословъ и ихъ свиты отбирали оружіе, съ которымъ никто не могъ являться предъ государемъ. Съ Красной площади во дворецъ вели три лѣстницы, изъ которыхъ каждая имѣла, какъ объясняли Лизеку, особенное назначеніе въ обрядѣ пріема посольствъ: среднею вводили во дворецъ пословъ турецкихъ, персидскихъ и прочихъ бусурманскихъ, правою — пословъ христіанскихъ, лѣвой—тѣхъ изъ послѣднихъ, которымъ хотѣли оказать особенную почесть *). На половинѣ лѣстницы посла встрѣчали государевы совѣтники, которые вели его до вершины лѣстницы, гдѣ, передавъ его высшимъ совѣт-

*) О положеніи этихъ трехъ лѣстницъ см. «Домашн. бытъ русск. цар.» г. Забѣлина, стр. 68.

никамъ, сами слѣдовали позади. При входѣ въ палаты посла встрѣчали первостепенные бояре, которые вели его къ государю. Передній палаты, которыя проходилъ при этомъ посолъ, были наполнены князьями, боярами и другими важнѣйшими придворными людьми, между которыми особенное вниманіе иностранцевъ обращали на себя старики съ длинными сѣдыми бородами, сидѣвшіе и стоявшіе вдоль стѣнъ переднихъ палатъ: это были гости, или важнѣйшіе купцы государевы, присутствовавшіе здѣсь для того, чтобъ своей почтенной наружностью придать больше важности и торжественности обстановкѣ пріема. Какъ на нихъ, такъ и на сановникахъ, находившихся здѣсь, были богатые парчевые кафтаны и превысокія шапки, похожія на башни, по выраженію Рейтенфельса *), Проходя мимо этихъ людей, Герберштейнъ былъ нѣсколько удивленъ одной замѣченной въ нихъ странностью: „при нашемъ появленіи, говоритъ онъ, никто изъ нихъ не сдѣлалъ намъ никакого привѣтствія и даже пріятельски-знакомые съ нами, когда мы кланялись имъ и заговаривали съ ними, оставались совершенно неподвижны и ничего не отвѣчали намъ, какъ будто не замѣчали нашихъ поклоновъ и вовсе не были съ нами знакомы. При входѣ посла въ палату, гдѣ находился самъ государь, бояре, сидѣвшіе по лавкамъ въ шапкахъ, вставали и снимали ихъ. На нихъ была длинная до пятъ одежда (ферезь), которую иные, за неимѣніемъ своей, брали на этотъ случай изъ государевыхъ кладовыхъ. Ченслеръ, представлявшійся царю въ 1553 г., видѣлъ здѣсь бояръ человѣкъ до 100; во время пріема польскаго посольства 1678 г., Таннеръ насчиталъ ихъ до 500; всѣ они хранили глубокое молчаніе впродолженіе аудіенціи, пристально слѣдя за всѣми движеніями государя **). Государь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, на престолѣ, по правую сторону котораго на стѣнѣ висѣлъ образъ Спасителя, а надъ головой государя—образъ

*) Это были такъ-называвшіяся «горлатныя» шапки. См. «Опис. одежд. и воор. россійск. войскъ», т. I, рисун. №№ 13 и 14.

**) Miro silentio ab ore nutuque Principis pendent, по выраженію Поссевина.

Божіей Матери. Престолъ помѣщался не по срединѣ палаты, а къ углу, между двумя окнами *). По правую сторону, на пирамидальной подставкѣ изъ чеканнаго серебра находилась держава изъ массивнаго золота. По обѣимъ сторонамъ около престола стояли четыре тѣлохранителя (рынды „для береженія“) въ бѣлыхъ одеждахъ (турскихъ кафтанахъ) съ серебряными бердышами на плечахъ.На государѣ была также длинная до пятъ одежда; онъ сидѣлъ съ открытой головой; по правую сторону около него на скамьѣ лежала остроконечная шапка (колпакъ), похожая на голову сахара; въ рукѣ держалъ онъ посохъ съ изображеніемъ креста на верху, унизанный довольно большими хрустальными шариками. Олеарій видѣлъ въ рукахъ у государя золотой посохъ, который былъ такъ тяжелъ, что государь для облегченія держалъ его поперемѣнно то въ той, то въ другой рукѣ. Здѣсь же на скамьѣ стояла вызолоченная лохань съ рукомойникомъ, покрытымъ полотенцемъ. Эта лохань должна была непріятно поражать пословъ, ибо извѣстно было, что въ ней государь моетъ руки послѣ пріема иностранныхъ пословъ; если вѣрить словамъ Герберштейна и Мейерберга, это омовеніе совершалось только послѣ пріема католическихъ пословъ. Поссевинъ выходитъ изъ себя при одномъ воспоминаніи объ этой лохани. Впрочемъ, во второй половинѣ XVII вѣка только одинъ Мейербергъ упоминаетъ объ этой лохани; Рейтенфельсъ, напротивъ, говоритъ, что обычай выставлять лохань при пріемѣ и даже мыть въ ней руки по окончаніи его давно уже оставленъ царями.

Какъ только посолъ входилъ въ пріемную палату, думный дьякъ или одинъ изъ первостепенныхъ бояръ докладывалъ о немъ государю. Ставъ противъ престола, посолъ передавалъ письмо и грамоту отъ своего государя, при имени котораго Московскій государь вставалъ и сходилъ съ верхней ступени престола. Когда оканчивались первыя привѣтствія, государь справлялся о здоровьѣ своего брата-государя и, пока посолъ отвѣчалъ, садился на

*) Olear. 30.

прежнее мѣсто; потомъ, по приглашенію дьяка, посолъ подходилъ къ престолу и цѣловалъ руку государя, который при этомъ спрашивалъ его, благополучно ли онъ ѣхалъ. Затѣмъ поклонившись сперва государю, потомъ на обѣ стороны князьямъ и боярамъ, во все это время стоявшимъ изъ почтенія къ послу, послѣдній, по приглашенію того же дьяка, садился на скамью, которую ставили противъ государя, между тѣмъ какъ свита подходила къ государевой рукѣ. Послы изъ Польши, Литвы, Ливоніи, Швеціи и проч. являлись во дворецъ съ подарками или „поминками", которые думный дьякъ или одинъ изъ приставовъ подносилъ государю. Каждый изъ членовъ посольской свиты приносилъ особенный подарокъ и о каждомъ докладывалось особо, причемъ громко и внятно произносилось его имя и назывался подарокъ. Въ сторонѣ сидѣлъ дьякъ и записывалъ каждый подарокъ съ именемъ того, кто его подносилъ. Герберштейнъ явился безъ поминка, и когда ему напомнили объ этомъ, отвѣчалъ: „у насъ этого не водится". Но въ XVII вѣкѣ и цесарскіе послы обыкновенно пріѣзжали съ подарками. Посидѣвъ немного, посолъ получалъ отъ государя приглашеніе отвѣдать съ нимъ хлѣба-соли. Послѣ того, посла отводили въ другую палату, гдѣ онъ излагалъ и обсуждалъ съ думными людьми дѣла, касавшіяся его посольства. Если посолъ пріѣзжалъ для важныхъ и сложныхъ переговоровъ, эти разсужденія тянулись нѣсколько дней, даже мѣсяцевъ, сопровождаясь многими формальностями, крайне утомлявшими иностранцевъ. Всякій разъ, когда посолъ дѣлалъ новое предложеніе, разсуждавшіе съ нимъ думные люди шли къ государю за отвѣтомъ, который, иногда уже на другой день, въ точности передавали послу. Когда для отвѣта требовалось много предварительныхъ справокъ, его откладывали на нѣсколько дней. Поссевинъ дивился той тщательности, съ которой Московскіе думные люди выкапывали изъ архивныхъ дипломатическихъ актовъ за долгое время все, что могло обратить переговоры въ ихъ пользу. Потому отвѣты выходили иногда очень длинные. Медленность переговоровъ увеличивалась еще отъ порядка, въ какомъ передавались отвѣты.

Въ нихъ, гдѣ было нужно, повторялись сполна титулы обоихъ государей, между которыми велись переговоры, и дословно передавались предложенія посла. Изложенный такимъ образомъ на нѣсколькихъ длинныхъ листахъ отвѣтъ раздѣлялся по листамъ между думными людьми и каждый изъ нихъ поочередно прочитывалъ свой листъ послу. Чтеніе это продолжалось иногда часа по 4, хотя, по замѣчанію Поссевина, весь отвѣтъ можно было бы передать менѣе чѣмъ въ часъ. Копія съ прочитаннаго акта отдавалась послу.

Мейербергъ описываетъ порядокъ переговоровъ, которые онъ велъ въ Москвѣ съ боярами. Посла съ его товарищемъ ввели въ довольно обширную (отвѣтную) залу, въ которой подлѣ угла стоялъ длинный и узкій столъ. Пословъ пригласили сѣсть за столъ на придѣланной къ стѣнѣ лавкѣ; въ углу, на почетномъ мѣстѣ помѣстился первый изъ бояръ, назначенныхъ для переговоровъ, кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой. На одной съ нимъ лавкѣ, но дальше отъ стола, помѣстились двое другихъ бояръ; думный дьякъ сѣлъ особо, на скамьѣ недалеко отъ стола. Когда всѣ усѣлись, первый бояринъ всталъ, за нимъ поднялись и прочіе присутствующіе. Призвавъ Св. Троицу и сказавъ полный титулъ царя, онъ объявилъ посламъ, что государь выслушалъ ихъ предложеніе и велѣлъ перевести письмо цесаря. Второй бояринъ, сдѣлавъ такое же предисловіе, только сокративъ титулъ, сказалъ, что государь прочиталъ это письмо со вниманіемъ и увидѣлъ изъ него, что послы имѣли сдѣлать ему нѣкоторыя предложенія, касающіяся общаго блага обоихъ государствъ. Третій боринъ тѣмъ же порядкомъ продолжалъ, что въ письмѣ [написано, чтобы вѣрили предложеніямъ, которыя должны были сообщить послы, что они, бояре, готовы исполнить. Наконецъ думный дьякъ, еще разъ повторивъ тоже вступленіе, объявилъ, что имъ, думнымъ людямъ, [приказано отъ государя выслушать предложеніе пословъ. Тогда послы, вставъ вмѣстѣ съ прочими присутствующими, прочитали полные титулы сперва цесаря, потомъ царя; затѣмъ всѣ опять сѣли, и товарищъ посла прочиталъ по грамотѣ дру-

гое предложеніе своего государя, которое переводчикъ, по мѣрѣ чтенія, фразу за фразой, передавалъ по русски. Выслушавъ предложеніе, бояре потребовали копіи съ него. Поговоривъ потомъ о разныхъ дѣлахъ, бояре съ дьякомъ вышли изъ палаты, чтобы сообщить государю новое предложеніе пословъ; послѣдніе между тѣмъ одни оставались въ палатѣ. Четверть часа спустя, возвратился одинъ дьякъ и объявилъ посламъ, что онъ докладывалъ государю объ ихъ предложеніи, но что отвѣтъ на него они получатъ послѣ, а теперь могутъ возвратиться на свое подворье.

Дипломатическіе пріемы московскихъ бояръ часто повергали въ отчаяніе иностранныхъ пословъ, особенно тѣхъ, которые хотѣли вести дѣло прямо и добросовѣстно. Они горько жалуются на двуличность и безцеремонность московскихъ дипломатовъ, на ихъ непостоянство и легкость, съ которой они давали и нарушали обѣщаніе. Чтобъ не попасть въ ихъ сѣти, недостаточно было увѣриться, что они лгутъ; надо было еще рѣшить, куда мѣтитъ эта ложь, что объ ней подумать. Если ихъ уличали во лжи, они не краснѣли и на упреки отвѣчали усмѣшкой. Какъ бы точно и рѣшительно ни былъ опредѣленъ и установленъ какой-нибудь пунктъ переговоровъ, въ случаѣ нужды они всегда находили возможность, посредствомъ разнообразныхъ заученныхъ толкованій, ослабить его силу или даже представить его въ другомъ, неожиданномъ видѣ. Отличаясь такими качествами, Московскіе думные люди могли бы назваться ловкими дипломатами, еслибы въ равной степени обладали другимъ необходимымъ для этого условіемъ — знаніемъ политическихъ дѣлъ Европы. Это знаніе было у нихъ крайне бѣдно и черпалось изъ скудныхъ и мутныхъ источниковъ. Прусская или голландская газета, занесенная въ Москву иноземнымъ купцомъ, которой они вѣрятъ, по выраженію Мейерберга, какъ дельфійскому оракулу, плѣнный солдатъ, готовый всего наговорить при допросѣ, лишь бы выпутаться изъ бѣды, — вотъ почти весь кругъ обыкновенныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовались свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Европѣ. Все это, по словамъ того же иностранца, до того затрудняло дѣятель-

ность западныхъ пословъ въ Москвѣ, что имъ часто приходилось раскаяваться въ томъ, что они взяли на себя такую обязанность *).

Пока посолъ разсуждалъ съ боярами, готовили обѣдъ. При входѣ посла въ столовую всѣ приглашенные, уже сидѣвшіе по мѣстамъ, прежнимъ порядкомъ вставали, на что посолъ отвѣчалъ поклонами и садился на указанное государемъ мѣсто. Среди столовой стоялъ большой поставецъ, снизу квадратный, кверху съуживавшійся пирамидально, уставленный множествомъ золотой и серебряной посуды, въ которой особенное вниманіе англичанъ обратили на себя въ 1553 г. четыре огромныя вазы до 5 футовъ вышиной. Вокругъ, по сторонамъ столовой, разставлены были столы на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Англичане въ 1553 г. видѣли ихъ по 4 на каждой сторонѣ въ золотой палатѣ; эти столы стояли на помостѣ, возвышавшемся надъ поломъ на 3 ступени. Государь передъ обѣдомъ снималъ пышную одежду, въ которой принималъ пословъ, и являлся за столъ въ другой, обыкновенной бѣлой одеждѣ, что̀, по объясненію Рейтенфельса, означало дружественное расположеніе. Отъ стола государева до другихъ оставляли столько пространства, сколько можно захватить распростертыми руками. Ниже государя сидѣли его братья или старшіе сыновья, если были. На болѣе значительномъ разстояніи отъ послѣднихъ помѣщались важнѣйшіе князья и бояре, по степени важности и значенія у государя. За дальнѣйшими столами по обѣимъ сторонамъ палаты садились остальные гости, приглашенные по особой милости государя; прямо противъ стола государева садились особо послы, а недалеко отъ нихъ посольская свита. Столы покрывались чистыми, но маленькими скатертями, и уставлялись сосудами съ уксусомъ, перцемъ, солью въ такомъ порядкѣ, что на каждыхъ 4-хъ гостей приходилось по одной уксусницѣ, одной перечницѣ и одной солонкѣ. Всѣ эти

*) Mayerberg I, 115—122. Тоже самое говоритъ и Котошихинъ о характерѣ и пріемахъ Московскихъ думныхъ людей, которымъ поручались дипломатическія дѣла. Ср. IV, 24.

сосуды были изъ чистаго золота или серебра. Обыкновенно подавали столько разной посуды, что едва устанавливали ее на столахъ, а между тѣмъ недоставало многихъ необходимыхъ принадлежностей европейскаго стола, что ставило иностранцевъ, обѣдавшихъ у государя, въ большое затрудненіе *). Салфетокъ не употребляли вовсе; ножей, вилокъ и тарелокъ подавали очень мало. Бухау на парадномъ царскомъ обѣдѣ не нашелъ въ своемъ приборѣ ни ножа, ни тарелки; у сидѣвшаго подлѣ боярина ему удалось добыть одинъ ножъ для себя и своего товарища, которымъ они и пользовались вмѣстѣ впродолженіе всего обѣда. На обѣдѣ у перваго самозванца Паерле видѣлъ передъ столовой залой кучи серебряныхъ сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были величиной съ котлы и ведра; но на столахъ онъ не замѣтилъ ни тарелокъ, ни ложекъ, кушанья большею частью состояли изъ пастетовъ, дурно приготовленныхъ **). Даже при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда обѣдалъ у него Карлиль, каждому гостю подали только по одной тарелкѣ на весь обѣдъ. Посуда подавалась не всегда въ опрятномъ видѣ; поданная Карлилю серебряная посуда была такъ нечиста, что походила скорѣе на свинцовую. Пока разставляли посуду, въ столовую входило нѣсколько стольниковъ въ блестящихъ одеждахъ и, никому не кланяясь, не снимая даже высокихъ шапокъ, становились вокругъ поставца. Государь, подозвавъ къ себѣ одного изъ служителей, давалъ ему продолговатый ломоть хлѣба и приказывалъ отнести его послу; подошедши къ послѣднему, служитель громко объявлялъ ему, что великій государь его посылаетъ хлѣба съ своего стола. Пока онъ произносилъ это, посолъ и прочіе гости стояли. Принявъ хлѣбъ и положивъ его на столъ, посолъ молча кланялся сперва государю, потомъ всѣмъ присутствующимъ на обѣ стороны. Такіе же посылки дѣлались и нѣкоторымъ дру-

*) D. Printz a Buchau, p. 194: orbibus et quarum rerum apud nos usus est caruimus.

**) Ulfeld 35: Imperator Ив. В. Грозный) et filius utebantur cultris ad longitudinem dimidiae ulnae, poculo modo et cochleari ligneo.

гимъ изъ приглашенныхъ въ знакъ особой милости государя, что̀ каждый разъ сопровождалось вставаньемъ всѣхъ гостей и поклонами получавшаго хлѣбъ. Когда государь хотѣлъ оказать кому-нибудь самую большую милость и любовь свою, тому посылалъ соли съ своего стола. Послѣ раздачи хлѣба стольники выходили и приносили водку, которую обыкновенно пили предъ обѣдомъ, потомъ жареныхъ лебедей, составлявшихъ первое блюдо на государевыхъ обѣдахъ, когда не было поста. Государю подносили трехъ лебедей и онъ пробовалъ ножемъ, который лучше. Выбранный тотчасъ выносился, разрѣзывался на части и на 5 тарелкахъ приносился опять государю. Отрѣзавъ по частичкѣ отъ разныхъ кусковъ, государь давалъ прежде отвѣдать ихъ стольнику, потомъ отвѣдывалъ самъ и посылалъ на тарелкахъ послу и кому-нибудь изъ остальныхъ гостей въ знакъ особой милости, причемъ повторялась прежняя церемонія вставаній и поклоновъ, доводившая непривычнаго иностранца до утомленія. Остальные лебеди разрѣзывались и подавались гостямъ на тарелкахъ, по 4 куска на каждой. Лебедей ѣли съ уксусомъ, солью и перцемъ. Для той же цѣли во все время обѣда стояли на столѣ сметана, соленые огурцы и сливы. Въ такомъ же порядкѣ подавались и прочія блюда, съ той впрочемъ разницей, что уже не уносились изъ столовой, подобно жареному. Объ остальныхъ блюдахъ иностранцы не сообщаютъ подробностей; въ подачѣ ихъ они не находили никакого порядка и потому не могли припомнить, при множествѣ разныхъ блюдъ, что за чѣмъ слѣдовало. Въ постъ первымъ кушаньемъ, которымъ открывался обѣдъ, была икра съ зеленью. За ней на обѣдѣ, данномъ Карлилю, подали очень понравившуюся ему уху, потомъ рыбу въ разныхъ видахъ, вареную, жареную, въ пирогахъ; всѣхъ блюдъ подано было до 500. Изъ напитковъ на столахъ стояла обыкновенно мальвазія и другія вина, также разныхъ родовъ меды. Впродолженіи обѣда у поставца стояли 4 прислужника съ перекинутыми черезъ плечо полотенцами и кубками въ рукахъ. Обыкновенно государь приказывалъ подавать себѣ кубокъ одинъ или два раза впродолженіи обѣда. Когда онъ

пилъ, подзывалъ къ себѣ посла и ласково приглашалъ его, какъ и прочихъ гостей, хорошенько ѣсть и пить. Многіе иностранцы, зная обычай русскаго гостепріимства, садились за столъ съ тревожной мыслью, что ихъ заставятъ пить много, и Карлиль былъ очень радъ, что его опасенія на этотъ разъ не оправдались, хотя впродолженіе обѣда ему часто напоминали не забывать государева здоровья. За столомъ говорили мало; изрѣдка обращался государь къ послу съ какимъ-нибудь вопросомъ. Такъ в. кн. Василій Ивановичъ между прочимъ спросилъ однажды Герберштейна, брилъ ли онъ бороду, и получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ: „и это по нашему“; а самъ первый изъ Московскихъ государей, замѣчаетъ при этомъ Герберштейнъ, обрилъ себѣ бороду въ угоду второй своей женѣ. Бесѣда оживлялась предъ дессертомъ, когда посолъ долженъ былъ подойти къ столу государя и взять изъ рукъ послѣдняго заздравный кубокъ. Карлиль при этомъ принужденъ былъ выпить предложенный царемъ кубокъ въ память „мученика“ короля Карла I, и царь долго говорилъ съ посломъ объ Англіи, о польской войнѣ, о его посольствѣ. Между тѣмъ стольники, въ началѣ обѣда бывшіе въ далматикахъ, на подобіе левитовъ, по выраженію Герберштейна, и подпоясанные, среди обѣда переодѣвались въ терлики, усыпанные драгоцѣнными камнями. Этихъ стольниковъ на посольскихъ обѣдахъ насчитывали иногда до 150, и впродолженіе обѣда они три раза перемѣняли платье. Обѣдъ продолжался три или четыре часа, иногда до самой ночи, такъ что оканчивался уже при огнѣ; обѣдъ, данный Карлилю, тянулся отъ 2-хъ до 11-ти часовъ пополудни. По окончаніи стола государь отпускалъ всѣхъ гостей домой; въ 1553 г. Англичане очень удивились, когда при этомъ царь назвалъ по имени каждаго изъ многочисленныхъ гостей, и недоумѣвали, какъ могъ онъ помнить столько именъ.

Но угощеніе посла не оканчивалось въ этотъ день пріемнымъ обѣдомъ во дворцѣ. Тѣже люди, которые привели посла во дворецъ, вели его обратно на квартиру и приносили съ собой серебряныя чарки и другіе сосуды съ

напитками, преимущественно съ разными медами. Такимъ образомъ въ посольскомъ домѣ пристава устроивали настоящую попойку; это называлось „поить посла“, причемъ главнѣйшей заботой приставовъ было, во чтобы ни стало, напоить посла какъ можно пьянѣе. Герберштейнъ дивится ихъ умѣнью потчивать въ этомъ случаѣ. Отказываться отъ приглашеній не позволялось ни подъ какимъ предлогомъ, потому что пили сперва за здоровье великихъ государей, а потомъ ихъ братьевъ, сыновей и другихъ родственниковъ, а когда и ихъ мало, начинали пить за здоровье важныхъ лицъ обоихъ государствъ. Осушивъ нѣсколько чарокъ, говоритъ Герберштейнъ, не иначе можно было избавиться отъ дальнѣйшей попойки, какъ притворившись очень пьянымъ или спящимъ. Изъ разсказовъ о польскихъ и татарскихъ посольствахъ мы знаемъ, что пристава часто вполнѣ достигали своей цѣли — напоить посла, причемъ дѣло необходилось часто безъ печальныхъ исторій. Но при этомъ достигались иногда и другія важныя цѣли: подпившій посолъ не разъ проговаривался о томъ, что̀ ему приказано было держать только на умѣ.

Олеарій замѣчаетъ, что съ нѣкотораго времени при Московскомъ дворѣ сталъ выводиться обычай приглашать пословъ послѣ первой аудіенціи къ государеву столу; посламъ объявляли обыкновенно, что имъ пошлютъ пищу съ стола государева на посольское подворье. Дѣйствительно описанія пріемныхъ обѣдовъ во дворцѣ у иностранцевъ XVII в. встрѣчаются рѣдко; за то находимъ не лишенныя интереса подробности объ угощеніи пословъ на ихъ квартирѣ. По возвращеніи послѣднихъ съ первой аудіенціи, на посольскій дворъ привозили нѣсколько телѣгъ съ напитками и кушаньями, изготовленными на государевой кухнѣ, съ подвижными плитами для ихъ разогрѣванія и т. д. Приставъ покрывалъ скатертью только конецъ стола, гдѣ долженъ сидѣть посолъ, и только для него клалъ ножъ, вилку и ложку; свита должна была обойтись безъ этого. Кушанья, состоявшія преимущественно изъ разнаго рода печеній затѣйливо приготовленныхъ, такъ щедро приправлялись

масломъ, лукомъ и чеснокомъ, что иностранцы съ трудомъ могли ѣсть ихъ *); да объ этомъ и не заботились; московское хлѣбосольство выражалось вовсе не въ „ѣствахъ“. Приставъ приносилъ съ собой длинный списокъ „здоровій“, и впродолженіе стола предлагалъ ихъ одно за другимъ, начиная съ обоихъ государей, титулы которыхъ сказывались при этомъ сполна на бумагѣ, не выходившей изъ рукъ пристава до конца обѣда. Въ подачѣ напитковъ сохранялся строгій порядокъ. Для низшихъ служителей посольства выставлялся среди двора большой сосудъ съ водкой, изъ котораго всякій черпалъ, столько хотѣлъ.

Въ остальные дни государь часто посылалъ послу кушанья съ своего стола. По окончаніи переговоровъ, для которыхъ пріѣзжалъ посолъ, государь иногда приглашалъ его съ собой на охоту или какую-нибудь другую потѣху, а передъ отъѣздомъ на прощальный обѣдъ. Въ концѣ его, государь, вставъ съ своего мѣста, приказывалъ подать себѣ кубокъ, говоря, что онъ пьетъ въ знакъ любви и за здоровье своего брата-государя, прося посла передать послѣднему все, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ. Потомъ государь подавалъ кубокъ послу, приглашая выпить его также за здоровье своего государя. Этотъ кубокъ, въ знакъ особенной милости, иногда дарился послу. Принявъ его, посолъ отступалъ нѣсколько назадъ, и, выпивъ, кланялся государю. Кубокъ этотъ былъ довольно великъ, и Контарини, небольшой охотникъ пить, едва могъ выпить четвертую долю того, что въ немъ было. Съ такомъ же приглашеніемъ обращался государь ко всѣмъ присутствовавшимъ на обѣдѣ. Послѣ того онъ подзывалъ посла къ рукѣ и отпускалъ его. Обыкновенно посолъ со всей свитой, не исключая и низшихъ служителей, получалъ отъ государя подарки, состоявшіе изъ шубъ и разныхъ мѣховъ. Герберштейнъ во второй пріѣздъ получилъ, сверхъ собольей шубы, два сорока соболей, 300 горностаевъ и

*) Lyseck 48: quibus (cupedinibus, allio et caepis conditis) potius Germanorum oculi, quam stomachus his condimentis non assuetus, cogebantur satiari.

1500 бѣлокъ. Пословъ изъ западной Европы дарили почти исключительно мѣхами, преимущественно собольими; но пословъ татарскихъ и вообще восточныхъ государь жаловалъ, кромѣ того, разнымъ платьемъ, шапками, сапогами, даже матеріями на платье. Татарскіе послы были особенно падки на эти подарки, которые часто были единственной цѣлью ихъ пріѣзда въ Москву. Олеарій видѣлъ въ 1634 г. кавалькаду трехъ татарскихъ пословъ съ многочисленной свитой, направлявшихся во дворецъ: на нихъ было платье изъ грубаго краснаго сукна, а чрезъ нѣсколько часовъ татары съ гордостью возвращались изъ дворца, одѣтые въ камку, одни въ алую, другіе въ желтую. Того же добивались и разные владѣльцы, посылавшіе этихъ пословъ къ Московскому государю. Не проходитъ почти года, замѣчаетъ Олеарій, безъ того, чтобъ татарскіе владѣльцы не посылали въ Москву посольствъ, не столько по дѣламъ, сколько для того, чтобы выманить у царя нѣсколько мѣховъ и шелковыхъ одеждъ *). При отъѣздѣ посолъ долженъ былъ въ свою очередь дарить приставовъ; Поссевинъ совѣтуетъ давать имъ 25 или 30 золотыхъ и столько же ихъ служителямъ, если нельзя будетъ дать больше. Прежнимъ порядкомъ пристава провожали посольство до Московской границы и тамъ при разставаніи также получали подарки **).

---

*) Какъ безцеремонно пользовались татарскіе послы случаемъ поживиться въ Москвѣ, видно изъ того, что разсказываетъ Котошихинъ, гл. V, ст. 17.» И иные изъ тѣхъ пословъ, выпивъ романею и медъ, суды (сосуды) берутъ къ себѣ и кладутъ за пазуху; а говорятъ они послы: когда-де царь пожаловалъ ихъ платьемъ и питьемъ, и тѣмъ судамъ годитца быти у нихъ же; и у нихъ тѣхъ судовъ царь отнимати не велитъ, потому что споровается съ бусурманомъ въ стыдъ: и для такихъ безстыдныхъ пословъ дѣланы нарочно въ англійской землѣ сосуды мѣдные, посеребряные и позолочены».

**) Herberst. 89—97, 101—114.—Ulfeld. 35.—P. a Buchau 194.—Possev. 32, 78, 82, 99, 153.—Rer. Mosc. auct. var., p. 148.—Контар. 108—116. Паерле въ Сказ. Совр. о Димитр. Самозв., ч. 2-я, стр. 58.—Olear. 38, 184.—Mayerb. 110—112.—Lys. 58.—Tanner 57—59.

III.

Государь и его дворъ.

Въ такой обстановкѣ являлась въ Москвѣ верховная власть передъ иностранными послами. Далеко отъ столицы, съ первыхъ шаговъ, на почвѣ Московскаго государства, наблюдательный иностранецъ начиналъ уже чувствовать вокругъ себя, на людяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, могущественно дѣйствовавшее обаяніе этой власти, и долженъ былъ чувствовать это тѣмъ сильнѣе, что въ сосѣднихъ западныхъ государствахъ онъ встрѣчалъ совершенно противоположныя явленія. Умный австрійскій дипломатъ, хорошо знавшій состояніе сосѣднихъ съ Австріей странъ, проѣзжая чрезъ Венгрію, поетъ ей полную грустнаго чувства похоронную пѣснь, видя, какъ разоряютъ ее пышные и лѣнивые вельможи. Такихъ же могущественныхъ и пышныхъ вельможъ долженъ былъ онъ прежде всего замѣтить и въ Польшѣ. Въ Литвѣ онъ дивится страшной вольности вельможъ и сосредоточенію въ ихъ рукахъ земельной собственности. Совсѣмъ инаго рода явленія встрѣчалъ онъ въ Московскомъ государствѣ. Послѣ всѣхъ церемоній на пути, въ которыхъ Московскіе пристава съ такой неумолимой строгостью оберегали честь своего государя, въ полумили отъ Москвы Герберштейнъ встрѣтилъ знакомаго старика, который былъ товарищемъ Московскаго посла, ѣздившаго въ Испанію; онъ прибѣжалъ озабоченный, обливаясь потомъ, съ извѣстіемъ, что на встрѣчу посламъ ѣдутъ бояре. Когда Герберштейнъ спросилъ его, зачѣмъ бѣжалъ онъ съ такимъ спѣхомъ, тотъ отвѣчалъ: „у насъ служатъ государю не по вашему, Сигизмундъ!“ — По этому иностранецъ, пріѣзжавшій въ Москву, и безъ особенной наблюдательности, только присматриваясь и прислушиваясь къ тому, что происходило и говорилось вокругъ него, могъ понять значеніе и размѣры власти Московскаго государя. По описанію иностранцевъ этотъ государь стоитъ неизмѣ-

римо высоко надъ всѣми подданными и властью своею надъ ними превосходитъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Эта власть одинаково простираетси какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ людей; ни отъ кого не зависи, никому не отдавая отчета въ дѣйствіяхъ, свободно располагаетъ государь имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ. Боя ринъ и послѣдній крестьянинъ равны предъ нимъ, одинаково безотвѣтны предъ его волей. Такому значенію верховной власти соотвѣтствуетъ высокое понятіе о ней самихъ подданныхъ. Иностранцы дивятся благоговѣйной покорности, съ которой подданные относятся къ Московскому государю. Слушая разсказы Московскихъ пословъ, вѣнскій архіепископъ приходитъ въ умиленіе отъ такого послушанія подданныхъ государю „яко Богу“ *). Никто изъ подданныхъ, какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ, не смѣетъ противорѣчить волѣ государя или не соглашаться съ его мнѣніемъ; подданные открыто говорятъ, что воля государя — Божія воля, и государь — исполнитель воли Божіей. Когда ихъ спрашиваютъ о какомъ-нибудь сомнительномъ дѣлѣ, они отвѣчаютъ выраженіями, затверженными съ дѣтства, въ родѣ слѣдующихъ: это знаетъ Богъ да великій государь; одинъ государь знаетъ все; однимъ словомъ своимъ разрѣшаетъ онъ всѣ узлы и затрудненія; что̀ мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, успѣхи въ предпріятіяхъ, здоровье, — все это получаемъ мы отъ милости государя, — такъ что, добавляютъ наблюдатели, тамъ никто не считаетъ себя полнымъ хозяиномъ своего имущества, но всѣ смотрятъ на себя и на все свое, какъ на полную собственность государя. Если среди бесѣды упомянутъ имя государя и кто-нибудь изъ присутствующихъ не сниметъ при этомъ шапки, ему тотчасъ напоминаютъ его обязанность;

*) Fabri въ Mosc. auct. varii, p. 132. At illud singulare est, quod in ipsis summe commendari potest, ut nullus sit eorum tum illustris dives ac praepotens, quin accersitus a Duce per quam humillimum etiam praeconnem, statim advolet, omnibus mandatis sui Imperatoris, in star Dei, obtemperet, etiam in iis causis, quae vel vitae detrimentum periculumque exigere videntur.

нищіе, сидя у церковныхъ дверей, просятъ милостыню ради Бога и государя. Разсказывать, что дѣлается и говорится во дворцѣ государевомъ, считается величайшимъ преступленіемъ. Въ день имянинъ царя никто не смѣетъ работать, хотя въ церковные праздники простой народъ вообще не прекращаетъ будничныхъ занятій. Въ челобитныхъ царю всѣ пишутся уменьшительными именами; бояре и всѣ служилые люди прибавляютъ къ этому „холопъ твой“, гости — „мужикъ твой“, прочіе купцы — „сирота твой“, боярыни — „рабица, или раба твоя“, поселяне — „крестьянинъ твой“, слуги бояръ — „человѣкъ твой“.

Ясно и скоро, даже не изучая обычаевъ Постельнаго крыльца, поняли иностранцы и значеніе Московскихъ вельможъ, ихъ характеръ и отношеніе къ государю. Какъ ни старались иные Московскіе послы выставить предъ иностранными дворами могущество и богатство этихъ вельможъ, преобладаніе аристократіи въ Московскомъ государствѣ *), но довольно было иностранному послу бросить бѣглый взглядъ вокругъ себя при проходѣ по переднимъ палатамъ дворца и въ самой пріемной палатѣ, довольно было узнать, откуда достали многіе изъ толпившихся здѣсь магнатовъ свои дорогіе блестящіе кафтаны, чтобы понять, что это за вельможи и въ какихъ отношеніяхъ стоятъ они къ своему государю. Поссевинъ дивится отсутствію всякаго аристократическаго гонора въ этихъ вельможахъ, разсказывая, какъ большіе послы Московскіе, пріѣхавъ на Киверову гору для заключенія мира съ Польшей, привезли съ собой товары и безцеремонно открыли лавки для торговли съ польскими купцами. Во второй половинѣ XVI вѣка всѣмъ особенно ясно сказывалось безсиліе этихъ вельможъ предъ верховной властью. Государь могъ кажда-

*) На основаніи ихъ разсказовъ, довѣрчивый вѣнскій архіепископъ Фабри писалъ въ 1525 г., что преобладаніе аристократіи составляетъ отличительную черту Московскаго государства и что тамъ есть такіе богатые и могущественные вельможи, которые выставляютъ государю во время войны по 30.000 всадниковъ. Rer. Mosc. auct. varii, p. 132 и 141.

го изъ нихъ, кого захочетъ, лишить сана и имущества, которые онъ же и далъ ему, и низвести въ положеніе послѣдняго простолюдина. Всѣ вельможи, совѣтники и другіе люди высшаго класа называли себя холопами государя и не считали безчестіемъ для себя, когда государь приказывалъ кого-нибудь изъ нихъ побить за какой-нибудь проступокъ; побитый напротивъ оставался очень доволенъ, видя въ этомъ знакъ благосклонности государя, и благодарилъ его за то, что пожаловалъ, удостоилъ исправить и наказать его своего слугу и холопа *). Неудивительно, что люди, привыкшіе къ другимъ порядкамъ, побывавъ при Московскомъ дворѣ, уносили съ собой тяжелое воспоминаніе о странѣ, въ которой все рабствуетъ, кромѣ ея властелина **).

О составѣ двора государева иностранцы XVI вѣка сообщаютъ немного подробностей. Іовію русскіе послы говорили, что дворъ государя составляютъ важнѣйшіе князья и военные сановники, которые чрезъ опредѣленное число мѣсяцевъ поочередно вызываются изъ областей для поддержанія придворнаго блеска, для составленія царской свиты и отправленія разныхъ должностей ***). Подлѣ царя всегда находился окольничій, принадлежавшій къ числу высшихъ совѣтниковъ государя; этотъ окольничій, по словамъ Герберштейна, занималъ должность претора, или судьи, назначеннаго отъ государя. Изъ другихъ придвор-

*) Herberst. 10, 11.—Guagnin. въ R. M. auct. var., p. 179, 133.—Possev. 22—25, 93—99.—P. a Buchau 234.—Mayerb. II, 32, ср. Котоших. гл. VIII, ст. 5 и 6.—Коллинсъ въ Русск. Вѣстн. 1841 г., № 9, стр. 591.—Tanner 76.

**) Carlisle 314.

***) Іовій 53.—У Герберштейна читаемъ на стр. 36: Solet (Princeps) quotannis ex suis provinciis ordine quosdam vocare, qui Moscowiae sibi omnia ac quaelibet praestant officia. Въ XVII в. стольники, жильцы и другіе придворные служители дѣлились на двѣ половины, изъ которыхъ каждая поочередно жила въ Москвѣ «для царскихъ услугъ, по полугоду, а другое полугодіе, кто хотѣлъ, отъѣзжалъ въ деревни свои, до сроку» Котош. гл. II, ст. 7 и 20.

ныхъ сановниковъ въконцѣ XVI вѣка упоминаются: *конюшій* бояринъ, смотрѣвшій за царскими лошадьми,—первый сановникъ при дворѣ; потомъ *дворецкій*, *казначей*, *контролеръ*, *кравчій*, главный *постельничій* и 3 *фуръера*. При дворѣ постоянно находились на стражѣ 200 жильцовъ-стряпчихъ, изъ дѣтей дворянъ. Ночью подлѣ царской спальни находился главный постельничій съ однимъ или двумя приближенными; въ сосѣдней комнатѣ сторожили по ночамъ еще 6 вѣрныхъ служителей, а въ третьей нѣсколько дворянъ изъ жильцовъ — стряпчихъ, которые чередовались каждую ночь по 40 человѣкъ; у каждыхъ воротъ и дверей во дворцѣ стояло на стражѣ по нѣскольку молодыхъ людей истопниковъ. Къ постоянной дворцовой стражѣ принадлежали также 2000 стремянныхъ стрѣльповъ, которые поочередно стояли день и ночь съ заряженными пищалями и зажженными фитилями, по 250 у дворца, на самомъ дворѣ и у казначейства *).

Извѣстія XVII в. описываютъ съ большими подробностями лѣствицу чиновъ, сосредоточивавшихся при дворѣ, около особы государя. На верху ея стояли бояре, которыхъ, по словамъ Олеарія, при дворѣ было обыкновенно до 30; они занимали разныя или чисто-придворныя или государственныя должности, между которыми впрочемъ не проходило рѣзкой разграничительной черты. Трое изъ бояръ занимали три высшія должности въ государствѣ, принадлежавшія по существу своему къ дворцовому вѣдомству. Это были: конюшій бояринъ, дворецкій и оружейничій. Конюшій считался первымъ бояриномъ въ государствѣ **). Первымъ послѣ него былъ дворецкій, главный управитель государева двора, или „нàбольшій во дворѣ“,

---

*) Флетчеръ. гл. 27-ая.

**) Котоших. гл. VI, ст. 6. »А кто бываетъ Конюшимъ, и тотъ первой бояринъ чиномъ и честію». Въ XVII в. съ царствованія В. И. Шуйскаго, эта должность оставалась незамѣщенной, потому что, какъ говоритъ Коташихинъ, «прежъ сего конюшей Б. Годуновъ, что былъ царемъ, умыслилъ себѣ достать царство чрезъ убіеніе царевича Димитрія, и нынѣ въ такой чинъ допускати опасаются».

какъ его называли въ простонародьѣ. За нимъ слѣдовалъ оружейничій, вѣдавшій придворный арсеналъ, украшенія дворца, принадлежности торжественныхъ царскихъ выходовъ и вообще все, что составляло обширное вѣдомство Оружейной палаты *). За боярами слѣдовали, по порядку чиновнаго достоинства, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки или государственные секретари, спальники съ постельничимъ во главѣ, комнатный съ ключемъ, или главный камердинеръ, стольники и кравчій, стряпчіе, дворяне Московскіе, наконецъ жильцы или пажи, дьяки и подьячіе. При дворѣ жило также множество низшихъ дворцовыхъ служителей и приспѣшниковъ. Число всѣхъ вообще слугъ, постоянно жившихъ при дворцѣ, на непосредственномъ содержаніи государя **), Олеарій полагаетъ больше 1000. Въ это число не входили стрѣльцы, составлявшіе царскую гвардію и находившіеся при дворцѣ „для обереганія“. Вотъ люди, которыхъ иностранные послы встрѣчали при дворѣ Московскаго государя въ качествѣ придворныхъ сановниковъ или служителей, употреблявшихся „для царскихъ услугъ“. Тѣже люди, восходя изъ чина въ чинъ, размѣщались по разнымъ приказамъ въ Москвѣ, служили орудіями государственнаго управленія, ибо вообще не полагалось строгаго различія между дѣломъ государевымъ и дѣломъ государственнымъ.

Бояре и прочіе люди высшихъ чиновъ, не „спавшіе на царскомъ дворѣ“, тѣмъ не менѣе имѣли съ нимъ самую тѣсную связь, были постоянно на глазахъ у государя. Они постоянно жили въ Москвѣ, рѣдко отлучались въ свои деревни, и то не иначе, какъ спросившись у государя. Кромѣ торжественныхъ случаевъ при дворѣ, когда они въ парадномъ нарядѣ окружали государя, въ обыкновенное время они обязаны были каждый день и не одинъ разъ являться во дворецъ ударить челомъ государю. При дворѣ проводили они большую часть дня. По словамъ Маржеретз, они

*) О составѣ ея вѣдомства см. «Дом. бытъ русск. цар.» И. Забѣлина, стр. 82—83.

**) «Которые спятъ на царскомъ дворѣ», по выраженію Котошихина.

вставали лѣтомъ обыкновенно при восходѣ солнца и отправлялись во дворецъ, гдѣ присутствовали въ думѣ отъ перваго до шестаго часа дня (по стариннымъ московскимъ часамъ), потомъ шли съ государемъ въ церковь, гдѣ слушали литургію отъ 7 до 8 часовъ, по выходѣ государя изъ церкви возвращались домой обѣдать, послѣ обѣда отдыхали часа 2 или 3, а въ 14 часовъ (предъ вечерней), по звону колокола снова отправлялись во дворецъ, гдѣ проводили около 2 или 3 часовъ вечера, потомъ удалялись, ужинали и ложились спать. Во дворецъ они ѣздили лѣтомъ на лошадяхъ верхомъ, зимой въ саняхъ; въ каретахъ ѣздили только старики, которые не могли сидѣть верхомъ. Когда бояринъ ѣхалъ верхомъ, у арчака его сѣдла висѣлъ маленькій набатъ, около фута въ поперечникѣ; проѣзжая по улицѣ или рынку, гдѣ было много народа, бояринъ время отъ времени ударялъ по этому набату рукояткой плети, чтобы встрѣчные сторонились съ дороги *).

Мы видѣли, въ какихъ рѣзкихъ чертахъ рисуютъ иностранцы власть Московскаго государя и его отношенія къ окружающимъ; въ заключеніе наиболѣе спокойные изъ нихъ приходятъ къ нелестной дилеммѣ: трудно рѣшить, говорятъ они, дикость ли народа требуетъ такаго самовластнаго государя, или отъ самовластія государя народъ такъ одичалъ и огрубѣлъ. Другіе съ горькой ироніей рѣшаютъ эту дилемму басней о журавлѣ и лягушкахъ. При такомъ представленіи о власти Московскаго государя очень легко было причислить его къ восточнымъ, азіатскимъ деспотамъ, или подумать, что онъ старается подражать сосѣду своему, султану Турецкому **). Сравненіе съ Турецкимъ султаномъ стало даже общимъ мѣстомъ для иностранныхъ писателей при характеристикѣ власти Московскаго государя. По замѣчанію Поссевина, Московскій государь считаетъ себя несравненно выше западныхъ христіанскихъ монарховъ, и когда папскій легатъ указалъ ему на глав-

*) Маржеретъ въ Сказ. совр. о Димитр. Самозв., ч. 3-я, стр. 38—39.—Olear. 218—220, 223.—Mayerb, II, 116.

**) Possevin. 77.—Флетчеръ, гл. 7-я.

нѣйшихъ изъ нихъ, тотъ съ пренебреженіемъ возразилъ: „что это за государи“ *).

Но какъ ни рѣзки черты, въ которыхъ изображаютъ иностранцы отношенія верховной власти къ ея окруженію, мы не можемъ назвать ихъ преувеличенными. Въ XVI в., къ которому относятся приведенныя извѣстія, между Государемъ и людьми, составлявшими его дворъ, его думу, сохранялась прежняя близость, непосредственность отношеній, но не сохранилось прежней свободы, прежняго довѣрія. Близость сохранялась потому, что придворные вельможи сами старались сохранить свое положеніе въ прежнемъ дружинномъ видѣ, оставаясь дружинниками, дворовыми людьми великаго князя, состоящими на личной ему службѣ и на его содержаніи, а князь не имѣлъ причинъ измѣнять такое положеніе; но свобода, довѣріе дружинныхъ отношеній было потеряно, потому что великій князь не остался прежнимъ вождемъ дружины, получилъ другое, болѣе широкое значеніе, получилъ большія силы и средства, предъявилъ новыя требованія, на которыя не могли согласиться прежніе дружинники, не отказываясь отъ своего прежняго характера. Отсюда борьба, результатомъ которой было низведеніе прежнихъ дружинниковъ и вступившихъ въ ихъ число служилыхъ князей, совѣтниковъ и товарищей великаго князя по прежнимъ отношеніямъ, на степень слугъ. Иностранцы не могли во всей ясности разглядѣть всѣ фазы этой борьбы, но результатъ они замѣтили: всѣ эти знатные, вельможи и совѣтники, говорятъ они, зовутъ себя холопами великаго князя.

Также не покажутся намъ преувеличенными рѣзкіе отзывы иностранцевъ второй половинѣ XVI в. о произволѣ, съ которымъ Московскій государь распоряжался имуществомъ своихъ вельможъ, если сравнимъ ихъ съ мѣрами Василія и Іоанна IV касательно вотчинъ служилыхъ князей: такимъ именно произволомъ, и только произволомъ, могли иностранцы объяснить себѣ эти мѣры, не видя другихъ побужденій, коренившихся въ болѣе отдаленныхъ условіяхъ и отноше-

*) Possevin. 55.

ніяхъ, среди которыхъ росла власть Московскихъ государей.

Но если иностранцы не представляли ясно этихъ отдаленныхъ условій и отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ начался и продолжался ростъ верховной власти въ центрѣ сѣверо-восточной Руси, то они не могли не замѣтить того движенія, которымъ обнаруживалось усиленіе этой власти со второй половины XV в., тѣмъ болѣе, что это было тогда единственное движеніе въ сѣверо-восточной Россіи, которое могло обратить на себя вниманіе иностранцевъ. Они не могли не замѣтить тѣсной связи и послѣдовательности стремленій въ дѣятельности трехъ государей, преемственно занимавшихъ Московскій престолъ со второй половины XV и до конца XVI в. Они видѣли, какъ одновременно съ украшеніемъ столицы быстро поднималась и власть живущаго въ ней государя, дѣлаясь все недоступнѣе для подданныхъ *). Они не знаютъ, откуда все это взялось, и вмѣстѣ съ недовольными московскими боярами готовы все приписать личнымъ свойствамъ этихъ трехъ государей и другимъ случайнымъ обстоятельствамъ въ родѣ появленія Софьи въ Москвѣ и т. п.; но они знаютъ пунктъ, съ котораго начало обнаруживаться такое неожиданное по ихъ взгляду усиленіе. Поссевинъ прямо говоритъ, что нестерпимая надменность московскихъ государей началась преимущественно съ того времени, какъ они сбросили съ себя иго Татаръ **). Они ясно отмѣчаютъ два явленія, которыми обнаружилось это государственное движеніе: въ то время, какъ извнѣ сказывается все сильнѣе и сильнѣе стремленіе государства къ разширенію своихъ предѣловъ на востокъ и западъ, внутри замѣтно столь же сильное стремленіе къ объединенію; постепенно и быстро исчезаютъ одинъ за другимъ независимые областные князья, унося съ собою въ Москву или Литву почти одни только названія прежнихъ своихъ вотчинныхъ княжествъ; послѣдній изъ этихъ независимыхъ князей уже въ концѣ первой четверти XVI в. отправляется

*) Herberst. 8.

**) Possevin. 55.

въ московскую тюрьму, сопровождаемый горькой насмѣшкой московскаго юродиваго, гибнетъ самостоятельность сѣверныхъ вольныхъ городовъ, — и иностранный путешественникъ, пересчитывая въ первой четверти XVI в. города и области сѣверо-восточной Россіи, не находитъ вокругъ Москвы ни одного пункта, въ которомъ уцѣлѣли бы какіе-нибудь слѣды прежней политической особности, кромѣ свѣжихъ еще воспоминаній о ней *).

Мѣстные князья, выжитые изъ своихъ вотчинъ, перебрались мало-по-малу въ Москву; и здѣсь опять поднялась борьба, которую иностранцы расписываютъ самыми черными красками. Если они не понимали настоящаго характера этой борьбы при отцѣ и сынѣ, которые вели ее осторожно и разчетливо, то тѣмъ менѣе могли они понять ее при внукѣ, который возобновилъ ее со всею страстностію сильной вражды. „По всей Европѣ, говоритъ Одерборнъ, ходитъ молва о его страшныхъ жестокостяхъ и, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ не найдется человѣка, который бы не желалъ тирану всякихъ адскихъ мукъ **)“. Гваньини не находитъ ни въ древнемъ ни въ новомъ мірѣ такихъ деспотовъ, съ которыми можно было бы сравнить Іоанна Грознаго ***); даже спокойный Герберштейнъ, до котораго также дошелъ слухъ о страшномъ московскомъ царѣ, приходитъ въ недоумѣніе, не зная, чѣмъ объяснить его ожесточеніе, тѣмъ болѣе, добавляетъ онъ, что, говорятъ, въ лицѣ этого тирана нѣтъ ничего напоминающаго свирѣпыя черты Аттилы ****).

Итакъ, не зная истинныхъ, скрытыхъ мотивовъ борьбы, виня во всемъ только одну сторону, иностранцы замѣтили однакоже послѣднія ступени, которыя прошла въ продолженіе этой борьбы власть московскихъ государей, начавъ явно усиливаться.

Василій, говоритъ Герберштейнъ, докончилъ то, что на-

*) Herberst. 50 и 51.

**) Oderbornii: Ioannis Basilid. vita, Rer. Mosc, auct. var., p. 242.

***) Ibid, p. 183

****) Ibid., Geneal. Magni Mosc. Ducis.

чалъ отецъ, — именно, добавляетъ онъ въ поясненіе, отнялъ у князей и другихъ владѣтелей всѣ города и укрѣпленія, не довѣряетъ даже роднымъ своимъ братьямъ и не даетъ имъ городовъ въ управленіе. Сынъ Василія заставилъ всѣхъ князей и бояръ писаться своими холопами и и названіе слуги сдѣлалъ самымъ почетнымъ титуломъ.

Іоаннъ IV, довершившій образованіе Московскаго государства, едва ли не болѣе всѣхъ государей древней Россіи сдѣлался извѣстенъ въ современной Европѣ, хотя и съ черной стороны. Иностранцы XVII в., писавшіе о Россіи, готовы были отнести къ нему даже и то, что сдѣлали его предшественники, для утвержденія своего единодержавія. Описывая неограниченную власть Московскаго государя надъ подданными, Олеарій замѣчаетъ, что къ такой покорности пріучилъ ихъ царь Иванъ Васильевичъ, хотя голштинскій ученый, такъ часто ссылающійся на Герберштейна, не могъ не знать, что послѣдній тѣми же самыми чертами описывалъ самодержавную власть великаго князя Василія Ивановича. Такой извѣстности, безъ сомнѣнія, много содѣйствовалъ личный характеръ Іоанна: его страшный образъ, въ отечественныхъ извѣстіяхъ, рѣзко выдѣляется изъ ряда его предшественниковъ, столь похожихъ другъ на друга. При томъ писатели въ родѣ Гваньини или Одерборна распространяли въ Европѣ о его жестокости всевозможные разсказы, которые Мейербергъ, далекій отъ желанія оправдывать въ чемъ-нибудь Іоанна, вынужденъ былъ однакоже признать слишкомъ увеличенными *). Но была другая, болѣе важная причина, почему Іоаннъ IV оставилъ по себѣ такую черную память въ Европѣ. Недаромъ иностранные писатели XVII в. съ его царствованія, какъ съ поворотнаго пункта, начинаютъ обыкновенно свои очерки русской исторіи. Это царствованіе дѣйствительно было поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Московскаго государства. Іоаннъ IV первый рѣзко столкнулся съ западной Европой, рѣшительно наступивъ на тѣхъ изъ своихъ западныхъ сосѣдей, которыхъ Европа считала своими и которые, об-

*) Мауегъ. II, 16.

ращаясь къ ней съ жалобами на притязанія Московскаго государя, старались выставить на видъ, что эти притязанія, въ случаѣ успѣха, не ограничатся какой-нибудь Ливоніей, а пойдутъ дальше за море *). Вотъ почему Европа обращала такое вниманіе на Іоанна, что не было сочиненія по исторіи его времени, какъ говоритъ Олеарій, въ которомъ не говорилось бы о его войнахъ и жестокостяхъ. Такъ почувствовались слѣды и другаго стремленія, которымъ не замедлило заявить себя сложившееся государство, — стремленіе возвратить себѣ старыя, растерянныя вотчины.

IV.

Войско.

Переходя къ опредѣленію отношеній верховной власти къ подданнымъ вообще, къ изложенію извѣстій, сообщаемыхъ иностранцами о государственномъ управленіи и его органахъ, мы, разумѣется, должны прежде всего остановиться на устройствѣ войска. Если и теперь въ государствахъ вполнѣ сложившихся, давно упрочившихъ свое существованіе, войско составлягтъ важнѣйшій предметъ государственныхъ заботъ, то понятно, его значеніе для Московскаго государства XV или XVI в., которое только что начало становиться на твердую ногу и на каждомъ шагу должно было бороться за свое существованіе. Военное дѣло не только стояло тогда на первомъ планѣ, занимало первое мѣсто между всѣми частями государственнаго управленія, но и покрывало собою послѣднія; военная служба сосредоточивала въ себѣ всѣ роды государственной службы, и остальныя, не военныя отрасли управленія являлись не только второстепенными по отношенію къ военной, но

*) Postquam hanc provinciam (Ливонію) sub imperium suum redegerit, transmaritimas quoque regiones adorietur et invadet. См. письмо изъ Ливоніи отъ 22 мая 1576 г. у Герберштейна въ концѣ «Генеалогіи вел. кн. Московскаго».

и подчиненными, назначенными служить интересамъ послѣдней. Князья, бояре, окольничіе, стольники и другіе придворные чиновники, которыхъ иностранные послы встрѣчали во дворцѣ въ такомъ невоинственномъ видѣ, были собственно военные люди, хотя на нихъ не видно было никакихъ знаковъ военнаго званія и жили они при дворѣ больше для личныхъ услугъ государю. Это были высшіе члены того военнаго класса, который еще не такъ давно составлялъ вольную княжескую дружину. Въ XVI в. положеніе прежнихъ дружинниковъ, какъ мы видѣли, значительно измѣнилось. Хотя въ концѣ XV в. въ княжескихъ договорахъ иногда еще повторялось старинное условіе: „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля“, но уже и тогда эта вольность подвергалась сильнымъ ограниченіямъ, главныя дружинныя права постоянно стѣснялись и нарушались; прежніе думцы и слуги вольные низводятся до значенія подневольныхъ служилыхъ людей, всѣми своими отношеніями прикрѣпленныхъ къ особѣ единодержавнаго государя Московскаго. Согласно съ такимъ значеніемъ служилаго класса, въ составъ его входитъ новый элементъ, чуждый старинной дружинѣ: подлѣ прежней младшей дружины, наравнѣ съ дѣтьми боярскими и даже иногда выше ихъ государь ставитъ своихъ дворовыхъ слугъ, дворянъ. Условія государства, въ которомъ эти люди составляли собственно военный классъ, произвели и другую перемѣну въ ихъ положеніи. Прежнія княжескія дружины, постоянно находившіяся при князѣ, содержавшіяся непосредственно на его счетъ, можно было еще назвать постояннымъ войскомъ: по характеру прежнихъ отношеній княжескаго рода къ странѣ, сравнительно немногіе изъ дружинниковъ князя отвлекались отъ его двора для отправленія невоенныхъ должностей въ странѣ. Съ усиленіемъ Московскаго государства, потребности государственнаго управленія и способъ содержанія служилыхъ людей чаще отвлекали ихъ къ постороннимъ невоеннымъ занятіямъ и лишали характера постояннаго войска. Хотя войны были очень часты, но въ промежутки мирнаго времени масса служилыхъ людей оставляла оружіе

до новаго сбора и расходилась: низшіе чины возвращались въ свои помѣстья, высшіе оставались при дворѣ или отправлялись на правительственныя должности по областямъ.

Главное учрежденіе, которое вѣдало (по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVI в.) дѣла, относившіяся къ войску, былъ Разрядъ или разрядный приказъ. Здѣсь хранились списки всѣхъ служилыхъ людей; въ эти списки вносились имена всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, достигшихъ опредѣленнаго возраста. Въ каждой области намѣстникъ также велъ счетъ находившимся въ ней служилымъ людямъ. Каждые два или три года государь производилъ по всѣмъ областямъ общій пересмотръ этихъ людей, чтобъ знать ихъ число и сколько каждый имѣетъ лошадей и служителей. О сборѣ служилыхъ людей имѣемъ извѣстіе отъ конца XVI в. Начальники четвертей въ случаѣ войны разсылали повѣстки къ областнымъ правителямъ и дьякамъ, чтобы всѣ дѣти боярскіе къ извѣстному дню собирались на такую-то границу, туда-то.

Тамъ отбирали ихъ имена писцы, назначенные разрядомъ. Неявившіеся въ срокъ подвергались штрафу и строгому назазанію. Герберштейнъ говоритъ, что на это время прерывался обычный ходъ замѣщенія очередныхъ должностей и всѣ служилые люди должны были идти въ походъ. Служилымъ людямъ рѣдко дается покой, говоритъ тотъ же иностранецъ. Отношенія Московскаго государства къ западнымъ сосѣдямъ были такого рода, что не война, а миръ былъ случайностію; на востокѣ шла непрерывная борьба съ степными хищниками, противъ которыхъ ежегодно выставлялось на украйны значительное войско.

О числѣ войска имѣемъ различныя показанія. Тѣ изъ иностранныхъ писателей, которые не были сами въ Россіи, сообщаютъ огромныя цифры. Кампензе, перечисляя княжества, составлявшія собственно Московское государство (безъ Пскова, Новгорода и Смоленска), говоритъ, что въ одномъ Московскомъ княжествѣ считается до 30,000 бояръ и дворянъ (дѣтей боярскихъ), служащихъ всадниками и всегда готовыхъ къ войнѣ; кромѣ того государь всегда можетъ собрать въ нёмъ 60,000—70,000 пѣхоты изъ простолюдиновъ.

Въ княжествѣ Рязанскомъ считается до 15,000 такихъ же всадниковъ, да изъ простолюдиновъ можно набрать всегда вдвое или втрое больше этого числа; въ Тверскомъ считается 40,000, а изъ простолюдиновъ можно также набрать вдвое или втрое болѣе. По показанію Іовія, великій князь Василій всегда могъ выставить въ поле до 150,000 всадниковъ. По свидѣтельству Іоанна Ласскаго, гнѣзенскаго архіепископа, обыкновенное число коннаго войска Московскаго государя превышало 200,000. Адамъ Климентъ со словъ своихъ соотечественниковъ, бывшихъ въ Москвѣ, говоритъ, что, готовясь къ войнѣ, Московскій Государь никогда не вооружаетъ меньше 900,000 человѣкъ: изъ нихъ 300,000 выводятся въ поле, изъ остальныхъ составляются гарнизоны, располагаемые въ пограничныхъ мѣстахъ для обороны государства. Ченслеръ ограничивается 200,000—300,000 человѣкъ, которыхъ государство могло выставить въ поле, и добавляетъ, что если самъ царь выступаетъ въ походъ, войска при немъ никогда не бываетъ менѣе 200,000: немало ставятъ ратныхъ людей и по границамъ; такъ на западной границѣ, при Іоаннѣ IV стояло 100,000, да по границамъ съ Ногайскими Татарами до 60,000 человѣкъ. Такъ какъ приведенныя показанія заимствованы прямо или посредственно изъ разсказовъ Русскихъ, то эти, безъ сомнѣнія, преувеличенныя цифры легко объясняются понятнымъ желаніемъ разсказчиковъ выставить въ выгодномъ свѣтѣ военныя силы своего отечества. Московскіе послы въ Вѣнѣ говорили довѣрчивому Фабри, что въ ихъ отечествѣ есть такіе могущественные и богатые вельможи, которые въ случаѣ нужды выставляютъ своему государю по 30,000 всадниковъ, и что тамъ въ нѣсколько дней, подобно пчеламъ, можетъ слетѣться огромное войско въ 200,000—300,000 всадниковъ. Изъ писателей, бывшихъ въ Москвѣ, Герберштейнъ, отъ котораго мы могли бы ожидать наиболѣе достовѣрнаго показанія, нигдѣ не опредѣляетъ числа всего войска; другіе значительно уменьшаютъ приведенныя цифры. Поссевинъ, имѣя въ виду показаніе Фабри, говоритъ, что какъ ни обширны владѣнія Московскаго государя, но въ нихъ больше пустыхъ, чѣмъ населенныхъ

мѣстъ, и неосновательны извѣстія нѣкоторыхъ, будто изъ этихъ владѣній выходитъ на войну 200,000 или даже 300,000 всадниковъ. Однакожъ и по его взгляду число войска было очень велико сравнительно съ населенностію страны: онъ говоритъ, что изъ 10 жителей одинъ служитъ или въ царскихъ тѣлохранителяхъ, или въ походѣ, или въ гарнизонахъ по крѣпостямъ. Болѣе опредѣленныя извѣстія находимъ у Флетчера, хотя трудно сказать, насколько онѣ достовѣрнѣе. По его показанію, число коннаго войска на постоянномъ жалованьи простиралось до 80,000. Изъ нихъ 15,000 дворянъ составляли отрядъ царскихъ тѣлохранителей, раздѣляясь на 3 степени: дворянъ большихъ, дворянъ среднихъ и дѣтей боярскихъ. Остальныя 65,000, также изъ дворянъ, ежегодно отправлялись на Крымскую границу, если не получали другаго назначенія. Въ случаѣ надобности брали еще дѣтей боярскихъ, неполучавшихъ постояннаго жалованія, а если и ихъ было мало, то приказывали помѣщикамъ выставить въ поле соразмѣрное съ ихъ помѣстьями число крестьянъ въ полной аммуниціи.

Здѣсь мы должны остановиться на извѣстіи Флетчера о 65,000 ратниковъ, выставляемыхъ ежегодно противъ Крымскихъ Татаръ. Герберштейнъ говоритъ, что даже въ мирное время по Дону и Окѣ ставятся ежегодно гарнизоны и сторожа въ числѣ 20,000 чел. для предупрежденія татарскихъ нападеній. Гваньини, повторяя это извѣстіе въ концѣ XVI в., считатъ нужнымъ прибавить, что выставляется и больше 20,000. Мы знаемъ, что „береженіе“ южныхъ границъ отъ степныхъ кочевниковъ всегда составляло одну изъ важнѣйшихъ заботъ Московскаго правительства; знаемъ, какіе страшные слѣды оставляли по себѣ Татары въ Московскомъ государствѣ, когда имъ удавалось тайкомъ пробраться за Оку изъ южныхъ степей. Чѣмъ болѣе Московскій государь обращалъ вниманіе на западъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалась нужда обезопасить южныя границы отъ азіятскихъ хищниковъ. Во второй половинѣ царствованія Іоанна IV мы видимъ, какъ правительство хлопочетъ о лучшемъ устройствѣ пограничныхъ сторожей, станичной польской службы „для береженья отъ

приходу воинскихъ людей". Сличеніе показаній Герберштейна и Флетчера, изъ которыхъ одно относится къ первой, а другое къ послѣдней четверти XVI вѣка, наглядно показываетъ, въ какой мѣрѣ увеличивались усилія Московскаго государства для защиты южныхъ границъ отъ его давнихъ враговъ.

Служилые люди, дѣти боярскіе составляли главную массу войска; но и люди неслужилые изъ городскаго и сельскаго населенія участвовали въ войнѣ личной службой. Въ XV в. посылали въ походъ ратниковъ изъ городскихъ жителей; въ XVI в. города „рубили" пищальниковъ; сельское населеніе издавна участвовало въ отправленіи воениой службы, поставляя пѣхоту. Войско преимущественно состояло изъ конницы: въ битвахъ почти исключительно участвовала конница. Пѣхотные отряды были издавна; городовые пищальники и посошные ратники были и конные и пѣшіе, но послѣдніе употреблялись только для работъ; купцы, смерды, бобыли и прочіе „житейскіе", неслужилые люди также издавна составляли пѣшія рати. По словамъ Ченслера, пѣшіе ратники употреблялись только при нарядѣ и для работъ; ихъ было 30,000 человѣкъ. Пѣшіе отряды вообще имѣли второстепенное значеніе и бо́льшею частію неучаствовали въ схваткѣ въ открытомъ полѣ. Это преобладаніе конницы условливалось частію самымъ характеромъ войнъ съ степными юговосточными сосѣдями; Іовій имѣлъ нѣкоторое основаніе сказать, что пѣхота въ обширныхъ пустыняхъ почти безполезна, потому что Татары болѣе выигрываютъ внезапнымъ нападеніемъ и быстротою своихъ коней, нежели фронтовою службою или стойкостію въ схваткѣ. Въ первой половинѣ XVI в., при великомъ князѣ Василіѣ, въ русскомъ войскѣ положено было начало важному нововведенію: въ сраженіе начали вводить и пѣхоту. Введеніе пѣхоты, какъ главной составной части войска, въ Европѣ стоитъ въ тѣсной связи съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія и постоянныхъ армій; этими тремя нововведеніями открывается новая эпоха въ развитіи военнаго искусства. Стефанъ Баторій своею славой и успѣхами на военномъ поприщѣ обязанъ былъ, кро-

мѣ личнаго таланта, и тому, что онъ первый въ сѣверосточной Европѣ вышелъ въ поле съ закаленной въ боях пѣхотой. По свидѣтельству Герберштейна, Василій вывелъ въ поле пѣхотный отрядъ впервые противъ Татаръ, вмѣстѣ съ пушками; по его же словамъ, у этого князя было 1500 пѣхоты, состоявшей изъ Литовцевъ и всякаго пришлаго сброда. Ясно, что эта пѣхота имѣла характеръ, отличный отъ употреблявшихся до того времени пѣшихъ отрядовъ; можно думать, что этимъ сбороднымъ отрядомъ положено было основаніе постоянной пѣхотѣ въ Московскомъ войскѣ.

Во второй половинѣ XVI в. число наемныхъ пѣхотныхъ солдатъ изъ иноземцевъ увеличивается; при Флетчерѣ ихъ было уже до 4.300 челов.; изъ нихъ Малороссійскихъ казаковъ (Черкасъ) около 4000, Голландцевъ и Шотландцевъ около 150, Грековъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ одинъ отрядъ изъ 100 человѣкъ. Послѣднихъ, прибавляетъ Флетчеръ, употребляютъ только на татарской границѣ и противъ Сибиряковъ, а Татаръ, которыхъ нанимаютъ только на время, противъ Поляковъ и Шведовъ. Проѣзжая въ Москву, Ульфельдъ видѣлъ больше 25,000 легко вооруженныхъ Татаръ, направлявшихся въ Ливонію. Подлѣ иностранной пѣхоты во второй же половинѣ XVI в. видимъ и русскую пѣхоту—стрѣльцовъ. При Флетчерѣ ихъ было 12,000; изъ нихъ 5,000 въ Москвѣ, или гдѣ находился царь, 2,000 (стремянные стрѣльцы) при самой особѣ царя; послѣдніе принадлежали къ дворцовой стражѣ; остальные отправляли гарнизонную службу по городамъ.

Въ первой половинѣ XVII в, конница по прежнему преобладала въ Московскомъ войскѣ; только во второй половинѣ этого вѣка, по показанію Мейерберга и Рейтенфельса, пѣхота превышала численностію конницу и составляла лучшую часть русскаго войска. Конное войско составлялось изъ дворянъ Московскихъ, выборныхъ *), городовыхъ и дѣтей боярскихъ. Отряды назывались по имени городовъ, въ округѣ которыхъ дворяне имѣли свои вотчины или по-

*) Выборными дворянами, по Маржерету, назывались лучшіе помѣстные владѣльцы, которые поочередно присылались въ Москву изъ областей на три года. Стр. 52.

мѣстья; нѣкоторые города, напр. Смоленскъ, Новгородъ, выставляли отъ 400 до 1,200 всадниковъ. Каждый помѣщикъ и вотчинникъ обязанъ былъ приводить съ собой по одному конному и одному пѣшему ратнику съ 100 четвертей владѣемой земли *). Такъ составлялось до 100,000 конной рати изъ служилыхъ людей. Къ нимъ присоединяли до 28,000 конныхъ Татаръ, Черемисъ и Мордвы, а въ случаѣ нужды до 10,000 казаковъ. Въ пѣхотѣ первое мѣсто занимали стрѣльцы, изъ которыхъ одни жили въ Москвѣ, другіе по областнымъ городамъ. При Маржеретѣ первыхъ было до 10,000; вторые составляли гарнизоны по городамъ, особенно пограничнымъ съ Татарами. Во второй половинѣ XVII в. число стрѣльцовъ увеличилось; при Невилѣ ихъ было 18,000, раздѣленныхъ на 28 полковъ **), всѣхъ же стрѣльцовъ, по показанію Мейерберга, было въ Московскомъ государствѣ до 40,000. Они раздѣлялись на приказы, по 500 человѣкъ въ каждомъ. Каждымъ приказомъ завѣдывалъ голова, отъ котораго зависѣли полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники, завѣдывавшіе отдѣльными частями приказа. Кромѣ стрѣльцовъ, державшихъ караулы въ Москвѣ, Невиль упоминаетъ объ отрядѣ, который составлялся изъ Московскихъ горожанъ и въ мирное время употреблялся для той же цѣли. Когда приходила ихъ очередь замѣщать караулы, они получали одежду изъ казны и, отстоявъ положенное время, возвращали ее. Стрѣльцы имѣли характеръ постояннаго пѣшаго войска; остальная пѣхота собиралась только въ военное время. Эта временная пѣхота составлялась изъ малопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ служилыхъ людей, преимущественно же изъ неслужилаго населенія посадскихъ людей и крестьянъ. Въ случаѣ большой потребности въ людяхъ брали изъ этихъ классовъ 10-го, 7-го и даже 3-го. Духовенство также поставляло „даточныхъ людей“ съ своихъ поземельныхъ имуществъ, по одному конному и одному пѣшему съ 100 четвертей. У Мейерберга находимъ неопредѣленное извѣстіе о „солдатахъ“: онъ говоритъ, что въ случаѣ нужды царь могъ собрать

*) Маржер. 59.

**) Ср. Котоших., гл. VII, ст. 5.

какое-угодно число пѣшихъ ратниковъ, которые сбѣгаются на звукъ барабана въ надеждѣ поживиться вовремя похода богатою добычей; въ отличіе отъ стрѣльцовъ ихъ называютъ солдатами; они распредѣляются на полки, подъ командой иностранныхъ офицеровъ. Это извѣстіе, не совсѣмъ точное, указываетъ на особенный родъ войска, возникшій или по крайней мѣрѣ развившійся во второй половинѣ XVII в., подъ управленіемъ иноземныхъ офицеровъ. Хорошее жалованье привлекало иностранцевъ въ русскую службу, и въ XVII в. число иностранныхъ офицеровъ въ русскомъ войскѣ увеличилось въ значительной степени. При Мейербергѣ, (въ 1662 г.) кромѣ 4 генераловъ, въ Москвѣ было болѣе 100 иноземныхъ полковниковъ, множество подполковниковъ, майоровъ и другихъ офицеровъ. Усилившійся наплывъ людей, знавшихъ военное дѣло, далъ правительству возможность ввести хотя въ нѣкоторыя части войска правильное устройство и обученіе военному дѣлу. Такія войска были и конныя и пѣшія; они назывались рейтарскими и солдатскими полками, которые набирались изъ охочихъ людей, безпомѣстныхъ или малопомѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также изъ крестьянъ по всему государству *). Ими командовали преимущественно иностранцы. Рейтенфелсъ увѣряетъ, что эти полки могли равняться съ лучшими войсками Европы.

По извѣстіямъ XVII в., въ мирное время содержалось на-готовѣ до 100,000 войска; когда открывалась война число это возрастало до 300,000, кромѣ холопей и обозныхъ служителей, которые не считались въ дѣйствующемъ войскѣ. Задумавъ войну, московское правительство за годъ до того времени, когда предполагалось открыть её, приказывало произвести общій осмотръ ратныхъ людей по всему государству, чтобы знать, сколько можно собрать ихъ. Если число оказавшихся находили недостаточнымъ, на-

*) См. Котоших., гл. IX. ст. 2: «А прибираючи тѣхъ рейтаръ полные полки, отдаютъ иноземцомъ и русскимъ людямъ полковникомъ, и бываетъ имъ ученіе». Тоже самое говоритъ онъ и о солдатскихъ полкахъ.

значали чрезвычайный наборъ съ крестьянъ и посадскихъ людей, съ русскихъ и инородцевъ, по одному съ 10-ти, 7 лии даже съ 3, смотря по надобности *).

Собравшіеся и осмотрѣнные служилые люди распредѣлялись по десяткамъ, сотнямъ и т. д.; высшее дѣленіе было на полки. Каждый полкъ имѣлъ свое знамя и своего воеводу. На знамени главнаго полка изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце, на другихъ — Георгій Побѣдоносецъ. Во главѣ всего войска стоялъ Большой воевода, непосредственно подчиненный царю, избиравшійся обыкновенно изъ представителей главныхъ вельможескихъ родовъ въ государствѣ. При этомъ выборѣ не обращалось вниманія на таланты и опытность; для замѣны этихъ недостатковъ, къ Большому воеводѣ присоединяли въ товарищи болѣе даровитаго и опытнаго, хотя и менѣе знатнаго родомъ человѣка. Эти двое главныхъ воеводъ управляли большимъ полкомъ. Имъ подчинены были воеводы остальныхъ полковъ: передоваго, праваго, лѣваго и сторожеваго или резерва. Каждый изъ этихъ послѣднихъ воеводъ имѣлъ при себѣ по два товарища, которые дважды въ недѣлю, должны были дѣлать смотръ своимъ отрядамъ. Подъ воеводами стояли головы, начальствовавшіе надъ 1,000, 500, 100, 50, 10. Кромѣ воеводъ 5-ти главныхъ полковъ были еще: нарядный воевода, начальникъ гулеваго отряда, состоявшаго изъ 1,000 отборныхъ всадниковъ, употреблявшихся для разъѣздовъ и шпіонства. Всѣ эти начальники должны были разъ въ день являться къ Большому воеводѣ съ донесеніями и для полученія приказаній. Петрей оставилъ описаніе смотра, который производился собравшимся ратникамъ предъ вступленіемъ въ походъ. Воеводы собираются вмѣстѣ и садятся въ избѣ у оконъ или въ шатрахъ, и вызываютъ къ себѣ одинъ полкъ за другимъ. При нихъ стоитъ дьякъ со спискомъ въ рукахъ, по которому онъ вызываетъ по имени каждаго ратника; ратникъ долженъ выступить впередъ и показаться воеводамъ. Если какого ратника не

*) Ulfeld. 10 и 42.—Маржер. 52 и слѣд.—Mayerb. II, 125 и 133.—Рейтенфельсъ 38—40.—Neuville 41.

оказывалось на лицо, дьякъ ставилъ въ спискѣ противъ его имени отмѣтку для дальнѣйшихъ распоряженій. При смотрѣ не обращали вниманія на то, въ какомъ вооруженіи, съ какими слугами и лошадьми явился ратникъ; смотрѣли только, явился ли онъ самъ лично. Неявка на службу преслѣдовалась строго; виновный терялъ имущество или помѣстье, если таковое имѣлось за нимъ. Никому не позволялось замѣнять себя другими; въ оправданіе неявки не принимали никакихъ отговорокъ, ни старости, ни болѣзни. Смотръ повторялся и во время похода каждую недѣлю. Гваньини и Кобенцель упоминаютъ объ особенномъ способѣ, посредствомъ котораго царь узналъ число отправившихся въ походъ, а также и не вернувшихся изъ него ратниковъ: предъ выступленіемъ каждый ратникъ отдавалъ въ казну одну деньгу (по Кобенцелю 3), которую получалъ назадъ по возвращеніи; деньги не возвратившихся оставались въ казнѣ *).

Лошади, на которыхъ всадники выступали въ походъ, бы, ли мерины, ниже средняго роста, но обыкновенно быстрые и сильные, неподкованные, съ легкими уздами; кромѣ русскихъ, въ войскѣ употреблялись татарскія лошади. Михалонъ говоритъ, что Москвитяне каждую весну получаютъ изъ Ногайской орды по нѣскольку тысячъ лошадей, годныхъ для войны, платя за это одеждой и другими дешевыми вещами. Сѣдла дѣлались такъ, что всадники безъ затрудненія могли поворачиваться на нихъ и стрѣлять во всѣ стороны. На лошади сидѣли они по турецки, поджавши ноги, вслѣдствіе чего не могли выдерживать значительнаго удара копьемъ. Шпоры были у очень немногихъ, большая часть употребляли ногайки, которыя вѣшали на мизинцѣ правой руки; повода у уздъ были двойные, съ отверстіемъ на концѣ, которымъ они надѣвались на палецъ правой руки, чтобы можно было, не выпуская его, пользоваться лукомъ. Обыкновенное вооруженіе всадника состояло изъ лука на лѣвомъ боку, колчана съ стрѣлами подъ правой рукой, топора и кистеня; у нѣкоторыхъ бы-

*) Кобенцель 150. — Guagnin. 177.

ли продолговатые ножи, употреблявшіеся вмѣсто кинжаловъ, глубоко запрятанные въ сумѣ; употребляли также, особенно пѣшіе, дротики или небольшія пики. Мечи имѣли только люди познатнѣе и побогаче. Хотя всадникъ въ одно и тоже время держалъ въ рукахъ: поводъ, лукъ, мечъ, стрѣлы и ногайку, однакоже умѣлъ ловко и свободно управляться со всѣмъ этимъ. Нѣкоторые изъ знатныхъ надѣвали кольчуги искусной работы, латы, нагрудники, но очень немногіе имѣли шлемы съ пирамидальной верхушкой. Одежда на всѣхъ была длинная до пятъ, у нѣкоторыхъ шелковая, подбитая шерстью, чтобъ лучше могла выдерживать удары. У воеводъ и другихъ начальныхъ людей лошади украшались богатой сбруей, сѣдла дѣлались изъ золотой парчи, узды убирались золотомъ съ шелковой бахрамой и унизывались драгоцѣнными камнями; сверхъ латъ надѣвали одежду съ горностаевой опушкой, голову покрывали стальнымъ блестящимъ шлемомъ, на боку вѣшали мечъ, лукъ и стрѣлы, въ рукѣ держали копье съ прекраснымъ нарукавникомъ; впереди воеводы везли шестоперъ, или начальническій жезлъ. За каждымъ воеводой возили до 10 набатовъ или мѣдныхъ барабановъ, которыми давали знакъ къ сраженію. Сабли, луки и стрѣлы похожи были на турецкія. Стрѣляли какъ Татары, взадъ и впередъ. Стрѣльцы носили только бердышъ за плечами, мечъ съ боку и самопалъ въ рукѣ, съ прямымъ, гладкимъ стволомъ, весьма тяжелый, хотя онъ заряжался очень небольшой пулей. Ратники изъ крестьянъ выходили въ поле даже съ рогатинами, удобными только для встрѣчи медвѣдя, по выраженію Маржерета.

Въ XVII в., съ усиленіемъ пѣхоты, стало входить въ большее употребленіе огнестрѣльное оружіе. Солдатскіе полки употребляли мушкеты съ фитилями, рейтары — карабины и пистоли, которыми умѣли дѣйствовать, по словамъ Петрея, не хуже европейскихъ стрѣлковъ. Татары и другіе восточные инородцы долго и въ XVII в. являлись только съ лукомъ и кривыми саблями или пиками, пока и ихъ не стали снабжать карабинами и пистолями. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ пѣхотой въ княженіе Василія впервые бы-

ла выведена въ поле и артиллерія. Пушки упоминаются въ Москвѣ еще въ концѣ XIV в. Въ XVI в. нарядомъ завѣдывали иностранцы. Герберштейнъ говоритъ, что великій князь Василій имѣетъ литейщиковъ изъ нѣмцевъ и итальянцевъ, которые кромѣ пушекъ льютъ желѣзныя ядра, подобные тѣмъ, какія употребляются на западѣ, но что русскіе не умѣютъ употреблять пушки въ сраженіи, потому что главное у нихъ — быстрота движеній. Но въ концѣ XVI в. Гваньини уже говоритъ, что русскіе въ его время очень часто и очень искусно дѣйствовали пушками, выучившись этому у какихъ то бѣглыхъ итальянцевъ, нѣмцевъ и литовцевъ. Полагаютъ, говоритъ Флетчеръ, что ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ снарядовъ, какъ русскій царь, чему отчасти можетъ служить доказательствомъ оружейная палата въ Москвѣ, гдѣ стоятъ въ огромномъ количествѣ пушки, всѣ литыя изъ мѣди и весьма красивыя. Пушки дѣлали за границей и привозили въ Россію чрезъ Архангельскъ, или также и въ Москвѣ. При Олеаріѣ въ Бѣломъ городѣ былъ литейный заводъ, которымъ управлялъ вызванный изъ Голландіи мастеръ Іоганъ Валькъ. Русскіе, работавшіе подъ его руководствомъ на этомъ заводѣ, по отзыву Олеарія, не уступали въ литейномъ мастерствѣ самымъ опытнымъ нѣмцамъ *).

Относительно продовольствія войска во время похода Флетчеръ говоритъ, что царь никому ничего не отпускаетъ, кромѣ иногда нѣкотораго количества хлѣба, и то на деньги служилыхъ же людей; потому каждый, идя въ походъ, долженъ имѣть при себѣ провіанта на 4 мѣсяца, а въ случаѣ недостатка можетъ приказать привесть его къ себѣ въ лагерь изъ своего имѣнія. Но изъ русскихъ извѣстій XVI в. мы знаемъ, что хлѣбъ иногда доставлялся въ лагерь посошными людьми или подрядчиками на казенный счетъ. Обыкновенно же брали кормы по мѣстамъ, по которымъ

*) Petr. 301: Sie (Москвитяне) machen jetz und selbst Musketen und Stücken, wie auch andere Kriegsmunition, daran sie ein grosses Vermögen haben und reich seyn.

проходило войско. Русскому войску, прибавляетъ тотъ же иностранецъ, много помогаетъ то, что каждый Русскій въ отношеніи жилища и пищи съ дѣтства готовится быть воиномъ. Люди средняго состоянія обыкновенно имѣютъ при себѣ сухари, нѣсколько крупы, пшена и муки, которую мѣшаютъ съ водой, дѣлая такимъ образомъ комокъ тѣста, которое ѣдятъ сырымъ вмѣсто хлѣба; кромѣ того берутъ фунтовъ 8 или 10 ветчины или другаго сушенаго мяса, нѣсколько соли, къ которой у богатыхъ присоединяется перецъ; простые ратники довольствуются сухарями и толокномъ, т. е. поджареннымъ и высушеннымъ овсомъ, измолотымъ въ муку. Кто имѣетъ съ собой 6 лошадей и столько же слугъ, на одной лошади укладываетъ обыкновенно всѣ жизненные припасы для содержанія себя и прислуги. Каждый имѣетъ также при себѣ топоръ, трутъ, котелъ или мѣдный горшокъ. Для лагеря избираютъ обширное мѣсто, гдѣ знатнѣйшіе раскидываютъ палатки; здѣсь же выпускаются на пастбище лошади, для чего между палатками оставляютъ большія пустыя пространства. Лагерь не укрѣпляется ни рвомъ, ни обозными телѣгами, ничѣмъ другимъ, если только не попадалась такая мѣстность, которую сама природа оградила лѣсомъ, рѣкою или болотами. Иностранцы съ удивленіемъ говорятъ о терпѣніи и неприхотливости простаго московскаго ратника во время лагерной жизни. Простые воины строятъ себѣ шалаши изъ прутьевъ, покрывая ихъ войлоками, гдѣ хранятъ сѣдла, луки и сами защищаются отъ дождя, или, еще проще, пригибаютъ къ землѣ вѣтви кустарника, раскидываютъ сверху собственныя епанчи и укрываются подъ ними отъ непогоды. Довольствовались очень скудными средствами. Имѣя лукъ и чеснокъ, московскій ратникъ легко обходился безъ остальныхъ приправъ. Пришедши въ мѣстность, гдѣ и этого нѣтъ, этотъ житель снѣговъ, этотъ темный и пренебрегаемый Сарматъ, по выраженію Климента, разводитъ себѣ небольшой огонь, наливаетъ воды въ горшокъ, кладетъ туда ложку муки или крупы, подбавляетъ соли и сваривъ довольствуется этимъ наравнѣ съ прислугой; послѣдняя, впрочемъ, когда господинъ въ нуждѣ, голодаетъ дня по два и по три. Когда

господинъ хочетъ пообѣдать пороскошнѣе, онъ кладетъ въ котелъ кусокъ ветчины или другаго сушенаго мяса. Не лучшимъ продовольствіемъ пользуются и лошади; большею частію, если не находятъ подножнаго корма, онѣ питаются древесною корой или мягкими прутьями. Не рѣдко мѣсяца по два терпятъ такую нужду всадникъ и лошадь, и однакоже сохраняютъ прежнюю силу и бодрость. Все это, разумѣется, не относилось къ знатнѣйшимъ и начальнымъ людямъ, которые пользовались въ походахъ бо̀льшими удобствами: они помѣщались въ палаткахъ и имѣли гораздо лучшіе запасы. Къ своему столу они иногда приглашали людей побѣднѣе, — которые, добавляетъ Герберштейнъ, — хорошо пообѣдавъ у нихъ, послѣ 2 или 3 дня постятся. Государь, когда бывалъ въ походѣ, окружалъ себя особеннымъ великолѣпіемъ; шатеръ его обтягивался золотымъ полотномъ, украшеннымъ узорами и жемчугомъ. Петрей описываетъ порядокъ выступленія московскихъ полковъ изъ лагеря, изъ чего можно отчасти видѣть ихъ ратный строй, какимъ былъ онъ въ началѣ XVII в. и какимъ сохранился до котошихинскихъ временъ. Впереди выступаетъ передовой полкъ, во главѣ котораго идетъ около 5,000 стрѣльцовъ въ зеленой одеждѣ, съ длинными пищалями, по пяти въ рядъ. За ними ведутъ 8 или 10 воеводскихъ коней, богато убранныхъ; сѣдла на нихъ покрыты большими черными медвѣжьими или волчьими шкурами: За тѣмъ слѣдуетъ воевода полка; онъ ѣдетъ одинъ; на сѣдлѣ у него виситъ небольшой котлообразный набатъ. За воеводой движется самый полкъ безпорядочною толпой, и какъ скоро кто-нибудь поравняется съ воеводой или обгонитъ его, послѣдній ударяетъ плетью по набату, давая знать, чтобы тотъ подался назадъ. За передовымъ полкомъ идетъ большой, со множествомъ трубачей и литаврщиковъ, которые бьютъ въ литавры и трубятъ въ трубы.

Эта музыка наводила тоску на иностранцевъ; по словамъ Корба, она скорѣе могла навѣять уныніе, нежели возбудить воинственное одушевленіе. За музыкантами идутъ нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ красное платье, съ бѣлою горностаевою опушкой, по 5 въ рядъ; за ними

ведутъ коней большаго воеводы, въ богатомъ убранствѣ; сѣдла на нихъ покрыты леопардовыми кожами и рысьими мѣхами. Наконецъ, за конями ѣдетъ большой воевода, въ сопровожденіи военныхъ совѣтниковъ изъ служилыхъ московскихъ людей и иностранцевъ, за которыми слѣдуетъ толпою большой полкъ; направо отъ него идетъ правый, на лѣво—лѣвый полкъ. Шествіе замыкаетъ огромный обозъ; всѣ кричатъ какъ бѣшеные, ѣдутъ безъ всякаго порядка, обгоняя другъ друга и поднимая такой крикъ, что слабый и малодушный непріятель отъ него одного обратился бы въ бѣгство *).

„Еслибы русскій ратникъ, говоритъ Флетчеръ, съ такою же твердостью исполнялъ тѣ или другія предпріятія, съ какою онъ переноситъ нужду и трудъ, или столько же былъ бы способенъ и навыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ къ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ, тогда какъ теперь много уступаетъ имъ въ храбрости и въ самомъ исполненіи военныхъ обязанностей“.

Такой нелестный переходъ дѣлаетъ иностранецъ отъ удивленія передъ суровостью и терпѣніемъ, съ которымъ московскій ратникъ переносилъ неудобства и лишенія всякаго рода, къ его военному искусству. Контарини замѣчаетъ, что у московскаго государя довольно ратныхъ людей, но большею частію они никуда не годны. Нѣкоторые иностранцы удивляются физической силѣ московскихъ ратниковъ; Гваньини совѣтуетъ осторожно схватываться съ ними въ сраженіи, чтобъ не попасть къ нимъ въ руки, изъ которыхъ, благодаря ихъ необыкновенно крѣпкимъ мускуламъ, трудно вырваться. Москвитянинъ, говоритъ Гваньини, одинъ безъ всякаго оружія смѣло выходитъ на дикаго медвѣдя и, схвативъ его за уши, таскаетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ въ изнеможеніи не повалится на землю. Михалонъ говоритъ, что Москвитяне превосходятъ Литовцевъ дѣятельностію и храбростію; у нихъ не было также недостатка и въ преданности своему дѣлу, въ способности къ самопожертвованію. Стефанъ Баторій разсказывалъ Пос-

*) Ср. Котош., гл. IX, ст. 1.

севину, что въ Ливонскихъ крѣпостяхъ находили Московскихъ ратниковъ, которые, едва дыша отъ утомленія и голода, еще оборонялись отъ осаждающихъ, чтобы до конца не нарушить вѣрности своему государю: „этимъ только и берутъ они“, добавляетъ отъ себя Поссевинъ. Поэтому московское войско дѣйствовало хорошо въ тѣхъ случаяхъ, которые требовали означенныхъ качествъ, гдѣ самая обстановка заставляла брать терпѣніемъ и упорствомъ. Оно рѣдко брало города приступомъ, но предпочитало вынуждать ихъ къ сдачѣ продолжительною осадой, моря осажденныхъ голодомъ или стараясь склонить ихъ къ измѣнѣ; за то оно отлично отстаивали города, обнаруживая здѣсь удивительную дѣятельность и стойкость. Но по общему мнѣнію, московское войско оказывалась несостоятельнымъ, гдѣ требовалось искусство, гдѣ обстановка дѣла не поддерживала твердости и не отрѣзывала путей къ отступленію. По сознанію самихъ иностранцевъ, Московское государство, благодаря своей артиллеріи, какая бы она ни была, стояло въ военномъ отношеніи гораздо выше восточныхъ своихъ сосѣдей. Стефанъ Баторій, по свидѣтельству Поссевина, именно тѣмъ и объяснялъ успѣхи Іоанна IV на востокѣ, что его войска дѣйствовали противъ Татаръ съ артиллеріей, незнакомой послѣднимъ, и лучше ихъ владѣли оружіемъ *). Но въ какомъ отношеніи стояли Татары къ Москвитянамъ въ дѣлѣ военнаго искусства, въ такомъ отношеніи находились сами Москвитяне къ западнымъ своимъ сосѣдямъ. Открытый бой съ Поляками и Литовцами въ чистомъ полѣ, говоритъ Гваньини, очень рѣдко удается московскому войску и оно рѣдко вступаетъ съ ними въ такой бой, потому что не имѣетъ тѣхъ качествъ, которыми враги обыкновенно побѣждаютъ его, не имѣетъ ловкости

*) Такъ же смотрѣли на дѣло и сами Татары. Когда во время Ливонской войны водили по улицамъ Москвы плѣнныхъ Ливонцевъ напоказъ народу, одинъ татарскій ханъ, тоже плѣнный, сказалъ: «По дѣломъ вамъ, Нѣмцы! вы дали царю въ руки розги, которыми онъ сначала насъ высѣкъ, а теперь сѣчетъ васъ самихъ». Истор. Россіи, *Соловьева*, т. VI, стр. 240.

и стойкости, не умѣетъ драться и владѣть оружіемъ по правиламъ исскуства. Подобно всѣмъ восточнымъ ополченіямъ, состоящимъ преимущественно изъ конницы, оно, за недостаткомъ искусства, старалось брать болѣе количествомъ и силою перваго натиска, нежели стойкостію и строгимъ порядкомъ въ дѣйствіи. Вступая въ бой, оно двигалось нестройною, широко-растянутою толпой, сохраняя только дѣленіе по полкамъ. При наступленіи, музыканты, которыхъ всегда въ немъ было множество, всѣ вдругъ начинали играть на своихъ трубахъ и сурнахъ, поднимая странный, дикій шумъ, невыносимый для непривычнаго уха. Къ этому присоединялся при самой аттакѣ оглушительный крикъ, который поднимало все войско разомъ. Въ сраженіи прежде всего пускали стрѣлы, потомъ брались за мечи, — хвастливо размахивая ими надъ головами, прежде чѣмъ доходили до ударовъ.

Первый натискъ старались произвести какъ можно стремительнѣе и сильнѣе, но не выдерживали долгой схватки, какъ будто говоря врагамъ, по замѣчанію Герберштейна: „бѣгите, или мы побѣжимъ“. Зная это свойство московскихъ ратниковъ и ихъ мускульную силу, западные враги ихъ остерегались вступать съ ними прямо въ рукопашный бой но старались стойкостью и изворотливостью выдержать первый напоръ и потомъ обратить ихъ въ бѣгство. Съ своей стороны, московскія войска, съ большею твердостью сражаясь издали нежели вблизи, больше всего старались обойдти непріятеля и напасть на него съ тыла. Первое нападеніе дѣлала обыкновенно коннипа, а пѣхоту помѣщали въ засадѣ, откуда она могла бы произвести неожиданный и наиболѣе удачный натискъ на непріятеля. Это иногда удавалось московскому войску. Засада рѣшила дѣло въ его пользу въ Ведрошскомъ сраженіи. Но, съ другой стороны, привычкой открывать бой стремительнымъ нападеніемъ и недостаткомъ стойкости въ дальнѣйшемъ дѣйствіи также ловко пользовались иногда и западные непріятели Москвитянъ, какъ было напр. при Оршѣ въ 1514 году.

Вообще въ XVI в. все рѣзче и рѣзче обнаруживалось разстояніе, на которое Москва отстала въ военномъ ис-

кусствѣ даже отъ Литвы, не говоря уже о другихъ западныхъ государствахъ.

Польское войско было въ Москвѣ на лучшемъ счету, по словамъ Флетчера. Герберштейнъ, а за нимъ Флетчеръ дѣлаютъ слѣдующее любопытное сравненіе московскаго ратника съ турецкимъ и татарскимъ: „Русскій ратникъ, если онъ уже разъ началъ отступать, все свое спасеніе полагаетъ въ скоромъ бѣгствѣ, а если взятъ непріятелемъ, то не защищается и не молитъ о пощадѣ, зная, что долженъ умереть. Турокъ, потерявъ надежду спастись бѣгствомъ, начинаетъ умолять о жизни, бросаетъ оружіе, поднимаетъ руки вверхъ, какъ бы дозволяя связать себя, надѣясь, что его оставятъ въ живыхъ, если онъ согласится быть рабомъ непріятеля. Татаринъ охотнѣе соглашается умереть нежели уступить непріятелю, и свергнутый съ коня, обороняется до послѣдняго издыханія зубами, руками и ногами, чѣмъ только можетъ *).

Если войско одерживало побѣду, брало городъ, царь посылалъ ратнымъ людямъ награды. Для воеводъ и другихъ начальныхъ людей обыкновенной наградой была золотая деньга овальной формы; простымъ ратникамъ раздавали серебряныя такой же формы медали.

Несмотря на перемѣны, происшедшія въ устройствѣ русскаго войска въ XVII в., тактика до конца вѣка оставалась прежняя: бой открывали стремительнымъ натискомъ, но встрѣтивъ отпоръ, также неудержимо обращались въ бѣгство; измѣнился только порядокъ нападенія. Пѣхоту, вооруженную бердышами, какъ главный оплотъ войска, стали выставлять впередъ. Иностранцы выгодно отзываются о московской пѣхотѣ: подъ управленіемъ мужественнаго вождя, она дралась необыкновенно хорошо, соблюдая пріемы правильнаго боя, если у нея была какая-нибудь опора, ровъ или ограда изъ обозныхъ телѣгъ. За то о конницѣ, состоявшей изъ служилыхъ людей и ихъ дворовыхъ

*) Кампензе 23 и слѣд.—Іовій 53 и слѣд.—Fabri 132.—Clem. 149.—Herberst. 7, 10 и 36.—Possev. 8, 11, 19 и 60.—Михал. 11, 27 и 29.—Флетчеръ, гл. 15-я, 16-я и 17-я.—Hakl. I, 265.

слугъ, иностранцы самаго дурнаго мнѣнія: она билась гораздо хуже пѣхоты, сдѣлавъ залпъ и видя, что непріятель не дрогнулъ, она быстро обращалась въ бѣгство, оставляя пѣхоту безъ поддержки.

Вообще служилые люди Московскаго государства, по самому рожденію призванные быть воинами, по отзывамъ наблюдателей, сильно страдали недостаткомъ мужества и военной чести. Они не считали предосудительнымъ, пользуясь продажностью московскихъ дьяковъ, дорогой цѣной откупаться отъ похода или даже, въ случаѣ возможности, убѣгать домой изъ лагеря.

По замѣчанію Корба, они не понимали, какъ можно добровольно подвергаться опасностямъ войны, и считали безумными тѣхъ Нѣмцевъ, которые сами напрашивались на участіе въ походѣ. Понятно, почему и въ XVII в., несмотря на нѣкоторыя перемѣны къ лучшему въ военномъ устройствѣ, московское войско попрежнему оказывалось несостоятельнымъ при встрѣчѣ съ западными войсками, даже польскими. По выраженію Корба, только Татары боялись московскаго оружія; западные сосѣди смѣялись и надъ духомъ, и надъ искусствомъ московскихъ ратниковъ *).

Увеличеніе враждебныхъ столкновеній съ западными сосѣдями, тяжелый опытъ, выносимый отсюда, сознаніе отсталости — все это заставляло московское правительство, обыкновенно во всемъ такъ ревниво оберегавшее старину, отцовскій обычай, дѣлать нѣкоторыя перемѣны въ ратномъ дѣлѣ, хлопотать о нарядѣ, о наймѣ способныхъ заправлять имъ иностранцевъ, о заведеніи постоянной пѣхоты. Недостатокъ искусства заставлялъ увеличивать количество силъ, а увеличеніе количества требовало увеличенія расходовъ. Служилые московскіе люди, говорятъ иностранцы, должны отправляться въ походъ на свой счетъ, а походныя издержки у нихъ не такія, какъ у насъ, каждый дворянинъ ѣдетъ на войну съ 6-ю или болѣе лошадьми и такимъ же числомъ слугъ. Государство обязывало служилыхъ

*) Korb 183: Umbratilis certe miles et hostis indibriuш, nisi parem invenerit.

людей являться на войну „конно, людно и оружно“. Откуда добывали они средства для этого?

Служилый классъ составляли бояре, дворяне и дѣти боярскія съ разными подраздѣленіями. Мы видѣли, какая перемѣна произошла въ отношеніяхъ высшихъ членовъ старинной дружины къ ихъ прежнему вождю, великому князю, а потомъ царю Московскому; мы знаемъ, что эта перемѣна была не въ пользу первыхъ. Эта перемѣна, разумѣется, должна была отразиться и на низшихъ членахъ дружины; они также изъ вольныхъ слугъ стали теперь подневольными холопами государя. Но поставивъ послѣднихъ въ такое положеніе, эта перемѣна имѣла для нихъ и выгодное слѣдствіе, какого не имѣла для бояръ. Борьба государей Московскихъ со старыми дружинными притязаніями была собственно борьбой только съ боярствомъ и вообще съ высшими членами дружины; они отстаивали свои старыя права, окружая власть, которая не могла съ ними ужиться. Эта борьба верховной власти съ прежнею старшею дружиной, уничтоживъ прежнее довѣріе между ними, заставила первую обратиться къ младшей дружинѣ, позаботиться объ ея интересахъ, чтобы найдти себѣ въ ней опору и противопоставить ее противникамъ. Въ XVI в. правительство старалось поднять значеніе дворянина, дать ему высшее мѣсто передъ сыномъ боярскимъ; но точно также въ концѣ этого вѣка интересы сына боярскаго оно предпочло интересамъ боярина. Это ясно сказалось въ мѣрахъ, которыя правительство принимало для обезпеченія матеріальнаго положенія служилаго класса. Мѣры эти условливались отношеніемъ служилаго класса къ остальному народонаселенію. Въ Россіи, говоритъ Флетчеръ, каждый воинъ есть дворянинъ, и нѣтъ другихъ дворянъ кромѣ военныхъ, на которыхъ такая обязанность переходитъ по наслѣдству отъ предковъ — явленіе не исключительно-свойственное Россіи,—и каждый иностранецъ изъ какого-нибудь западно-европейскаго государства по одному этому извѣстію могъ составить себѣ понятіе объ отношеніи военнаго класса въ Россіи къ остальному народонаселенію; припомнивъ исторію своей собственной страны, онъ могъ по-

нять, что въ Россіи военный классъ составляетъ особую массу, не смѣшивающуюся съ остальнымъ народонаселеніемъ, и кормится на счетъ послѣдняго. Какъ кормится?— такъ, какъ кормится военная масса, еще не смѣшавшаяся съ остальнымъ народонаселеніемъ, во всѣхъ неразвитыхъ и преимущественно земледѣльческихъ государствахъ, страдающихъ недостаткомъ движимаго капитала, производящихъ мѣну больше натурой, т.-е. кормится натурой же, непосредственно на счетъ рабочаго населенія. Именно въ такомъ первоначальномъ положеніи застали иностранцы XV и XVI в. отношенія между военнымъ и невоеннымъ населеніемъ Московскаго государства; перемѣны, происшедшія въ положеніи различныхъ элементовъ Московскаго государства въ эти два вѣка, не измѣнили сущности отношеній между военнымъ и невоеннымъ населеніемъ страны въ сравненіи съ XIII или XIV в. Еще къ началѣ XV в. живо сохранялось старинное значеніе слова "мужъ"; если понимали прежнее значеніе „мужа", понимали и прежнее значеніе „людей", мужиковъ. Какіе бы чины и дѣленія ни вносило бы государство въ общество, въ которомъ такія понятія опирались на живую дѣйствительность, въ сущности это общество распадалось на два класса: военный, который защищалъ страну, и невоенный, который непосредственно кормилъ этихъ защитниковъ. Если древняя Россія не оставила намъ слова, которымъ однимъ мы могли бы назвать и охарактеризовать военный классъ во всемъ его объемѣ, то для невоеннаго мы имѣемъ нѣсколько такихъ характеристическихъ словъ: „люди", „простые, черные люди", „земскіе, тяглые люди" — каждое изъ этихъ названій близко передаетъ значеніе, какое имѣлъ невоенный классъ въ государствѣ.

Главною, общею формой непосредственнаго кормленія военнаго класса на счетъ черныхъ людей была раздача помѣстій. И здѣсь обнаружилось то различіе, которое, вслѣдствіе извѣстныхъ намъ причинъ, дѣлало правительство между высшими и низшими членами служилаго класса.

Въ то время, когда князья Рюриковичи, переходя на служ-

бу къ князю Московскому, теряли свои вотчины за исключеніемъ небольшихъ участковъ, когда и эти сильно урѣзанныя отчины, вмѣстѣ съ вотчинами старыхъ бояръ московскихъ, по приказу государя, отнимались, мѣнялись на другія, жалованныя государемъ, и разными средствами, подъ разными предлогами, отписывались на государя, — въ то самое время правительство сильно хлопочетъ о мѣрахъ къ обезпеченію содержанія низшихъ служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Когда собираніе сѣверо-восточной Руси, съ такимъ успѣхомъ конченное въ первой половинѣ XVI в., увеличило до громадныхъ размѣровъ количество земли, которою могла располагать казна, этою землей прежде всего воспользовались именно для испомѣщенія низшихъ служилыхъ людей. Низшимъ же служилымъ людямъ прежде другихъ положено было и постоянное денежное жалованье; наконецъ въ ихъ интересахъ, и къ невыгодѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, которыми были тѣ „старѣйшіе бояре“, на которыхъ указывалъ царь В. И. Шуйскій, какъ на противниковъ прикрѣпленія крестьянъ, въ интересахъ именно мелкихъ землевладѣльцевъ заказанъ былъ выходъ крестьянамъ. Но если иностранцамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву изъ западной Европы, это непосредственное кормленіе военной массы на счетъ невоеннаго народонаселенія, не могло показаться само по себѣ новостію, то въ самомъ устройствѣ этого кормленія, въ отношеніяхъ къ нему правительства, ихъ вниманія не могли не остановить на себѣ нѣкоторыя особенности. Впрочемъ мы имѣемъ отъ нихъ очень немногія отрывочныя извѣстія о помѣстьяхъ: короткаго пребыванія въ Москвѣ и разспросовъ здѣшнихъ жителей было слишкомъ недостаточно для того, чтобы составить ясное понятіе объ этомъ предметѣ. Потому иностранныя извѣстія о немъ касаются только внѣшней, наиболѣе видной стороны дѣла, именно нѣкоторыхъ отношеній правительства къ помѣстьямъ и помѣщикамъ. Герберштейнъ говоритъ, что знатнѣйшимъ служилымъ людямъ для отправленія посольствъ и другихъ болѣе важныхъ должностей даются, между прочими сред-

ствами содержанія, и помѣстья *); но онъ ничего не говоритъ о помѣстьяхъ, которыя давались простымъ служилымъ людямъ для отправленія военной службы, — не говоритъ, можетъ-быть, потому, что въ первой четверти XVI в. раздача помѣстій еще не достигла значительныхъ размѣровъ. По словамъ Флетчера, сынъ дворянина, поспѣвшій на службу, являлся въ Разрядъ, гдѣ имя его записывалось въ книгу, а ему самому давались извѣстныя земли для отправленія службы, обыкновенно тѣ же самыя, какими пользовался его отецъ. Послѣднія слова можно принять только въ самомъ общемъ смыслѣ, но совсѣмъ нельзя принять причину, которою Флетчеръ объясняетъ это надѣленіе сыновей обыкновенно тѣми же самыми землями, которыми пользовались ихъ отцы: по его словамъ, это происходитъ отъ того, что земли, опредѣленныя на содержаніе войска, всегда однѣ и тѣ же, безъ малѣйшаго увеличенія или уменьшенія, и эти земли на всемъ пространствѣ государства всѣ уже заняты. Относительно прежняго времени это извѣстіе о постоянно-одинаковомъ количествѣ земель, которыя правительство могло раздавать въ помѣстья, конечно, невѣрно; но оно невѣрно и относительно того времени, когда писалъ Флетчеръ: во 1-хъ, колонизація тогда еще продолжалась и даже, можно думать, въ большихъ размѣрахъ чѣмъ прежде доставляя правительству новыя пространства земли, постепенно, хотя и медленно населявшіяся; государство, по своимъ отношеніямъ къ черными, тяглымъ землямъ, легко могло обращать въ помѣстья и даже въ вотчины не только вновь занимаемыя, но и старыя, не испомѣщенныя земли; далѣе, въ какихъ бы широкихъ размѣрахъ ни производилась раздача помѣстій во вторую половину XVI в. **), нѣтъ основанія думать, чтобы всѣ земли, которыми правительство могло располагать для этой цѣли, были уже за-

*) Herberst. 10.

**) Г. Бѣляевъ гадательно, на основаніи помѣстныхъ раздачъ 1550 года, полагаетъ количество земель, розданныхъ въ помѣстья къ концу царствованія Іоанна IV, около 50.000.000 четвертей. Крестьяне на Руси, стр. 99.

няты. Есть указанія, говорящія противъ такого предположенія: въ Горетовомъ стану Московскаго уѣзда въ 1586 г. подъ помѣстьями и вотчинами было 5.780 четвертей пахатной земли; порожней и оброчной земли, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи казны, было 8.639 четвертей *); судя по этому образчику, можно полагать, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы могли бы предположить наиболѣе значительное развитіе помѣстій и вотчинъ, количество свободныхъ земель, которыя правительство могло раздавать въ помѣстья, далеко еще превышало въ концѣ XVI в. количество земель уже отданныхъ въ помѣстья.

Поэтому едва ли можно принять за общее или, по крайней мѣрѣ, обыкновенное явленіе то, что говоритъ Флетчеръ далѣе, будто происходятъ большіе безпорядки отъ того, что когда у помѣщика много сыновей, и только одинъ изъ нихъ получаетъ отъ царя помѣстье, то остальные, не имѣя ничего, принуждены добывать себѣ пропитаніе дурными средствами **); если и были подобныя явленія, то уже никакъ не отъ недостатка земель для испомѣщенія нуждающихся служилыхъ людей; при нуждѣ въ ратныхъ людяхъ этого не могло быть въ XVI в. и даже д лго послѣ. Вообще земли, данныя служилому человѣку, не иначе переходили къ его наслѣдникамъ, какъ по утвержденію государя. Хотя бы послѣ служилаго человѣка осталось много дочерей, земли отходили къ государю, кромѣ небольшой части, оставляемой дочерямъ для выдачи ихъ замужъ (точнѣе надо было бы сказать: до выдачи замужъ). Пользующійся помѣстьемъ служилый человѣкъ, подъ страхомъ тяжелаго наказанія, обязывался выставлять на войну и содержать во время похода нѣсколько ратниковъ, число которыхъ было опредѣлено государемъ соразмѣрно съ доходами помѣстья. Отъ этихъ помѣстій, жалуемыхъ государемъ за службу и для службы, на время или пожизненно, отличались наслѣдственныя земельныя владѣнія (вотчины); но и эти земли находились въ такой же зависимоти отъ воли государя

*) Истор. Россіи *Соловьева*, т. VII, стр. 397.

**) Флетчеръ, гл. 15-я.

какъ и помѣстья, ибо если владѣлецъ, умирая, не оставлялъ послѣ себя сыновей, его земельная собственность тотчасъ отписывалась въ казну *). О вотчинахъ иностранцы говорятъ еще меньше чѣмъ о помѣстьяхъ, можетъ быть, потому, что одни смѣшивали ихъ съ помѣстьями, къ чему въ XVI в. могли легко привести распоряженія правительства о вотчинахъ служилыхъ князей, а другіе если и отличали остатки прежнихъ родовыхъ княжескихъ вотчинъ отъ земель пожалованныхъ царемъ, то въ послѣднихъ не видѣли яснаго различія между землями пожалованными въ вотчину и землями пожалованными въ помѣстье. Къ концу XVI в. количество земель, розданныхъ служилымъ людямъ въ томъ или другомъ видѣ, безъ сомнѣнія, было значительнѣе количества старыхъ княжескихъ и боярскихъ вотчинъ; но между всѣми землями, находившимися за князьями, боярами и прочими служилыми людьми, помѣстья едва ли много уступали въ количествѣ вотчинамъ (церковныя земли сюда, конечно, не относятся). Если можно такъ думать, то легко представить себѣ, какая перемѣна совершилась въ частномъ землевладѣніи въ эпоху утвержденія въ Москвѣ единовластія, и насъ не остановитъ показаніе Флетчера, что у князей отняты ихъ наслѣдственныя земли и даны имъ другія на помѣстномъ правѣ въ дальнихъ краяхъ государства, гдѣ эти князья не могли пользоваться большимъ вліяніемъ, что точно такъ же и бояре содержатся доходами съ земель, пожалованныхъ государемъ, потому что наслѣдственныхъ у нихъ осталось мало **). Доходы какъ князей, такъ и бояръ съ жалованныхъ царемъ земель, по свидѣтельству Флетчера, простирались до 1,000 рубл. въ годъ; но при этомъ нельзя забывать, что по характеру господствовавшаго тогда хозяйства трудно было опредѣлить поземельный доходъ, въ томъ видѣ какъ онъ тогда получался, сколько-нибудь приблизительною денежною суммой. Это замѣчаніе динаково относится и къ тѣмъ, впрочемъ немногимъ, извѣ-

*) Herberst. 10.—Clem. Adam. 149.—Possev. 22.

**) Флетчеръ, гл. 9-я.

стіямъ о поземельномъ доходѣ служилыхъ людей, которыя мы находимъ у иностранцевъ XVII в. Петрей говоритъ, что каждый крестьянинъ обязанъ работать на своего владѣльца 5 дней въ недѣлю *). Олеарій сравниваетъ московскихъ служилыхъ князей съ простыми дворянами Западной Европы, и добавляетъ, что за исключеніемъ тѣхъ изъ этихъ князей, которые занимаютъ высшія должности въ государствѣ, всѣ остальные вообще не богаче западныхъ господъ, получающихъ отъ 8,000 до 10,000 ливровъ поземельнаго дохода **). У Невиля есть извѣстіе о доходѣ, который получалъ землевладѣлецъ съ каждой тяглой души: по этому извѣстію, каждый крестьянинъ приносилъ своему господину въ концѣ XVII в. около 4 рубл. ежегоднаго дохода ***). О доходѣ низшихъ чиновъ служилаго класса нѣтъ у иностранцевъ прямыхъ показаній; но по нѣкоторымъ отрывочнымъ замѣткамъ можно заключать, что если не большинство, то значительная масса низшихъ служилыхъ людей, сверхъ денежнаго жалованья, имѣла очень скудныя средства содержанія. По словамъ Флетчера, низшій слой дворянства составляли лица, называвшіяся князьями, но происходившія отъ младшихъ членовъ главныхъ княжескихъ родовъ. Эти князья не имѣли никакого наслѣдственнаго состоянія, и ихъ было такъ много, что они считались за ничто, и нерѣдко можно было встрѣтить такихъ князей, которые охотно шли служить простолюдину за 5 или 6 рубл. въ годъ. По словамъ Петрея, много было дворянъ, которые, не имѣя средствъ купить сапоги, ходили въ лаптяхъ, какіе носили ихъ крестьяне. О низшихъ дворянахъ, слу-

---

*) Petr. 314.

**) Olear. 26: à la reserve de ceux qui sont employés dans les premières charges de l'éstat, les autres n'ayent pas plus de bien que nos Seigneurs de huict au dix mille livres de rente.» 3 ливра равняются 1 экю, а экю у Олеарія равняется половинѣ тогдашняго Московскаго рубля: значитъ, 8,000—10,000 ливр. составляютъ около 1,500 рубл.

***) Neuville 8: «Chaque paysan raporte par an à son maître environ huit écus».

жившихъ при дворѣ, Невиль замѣчаетъ, что они только по имени дворяне, а въ сущности не имѣютъ никакого состоянія, кромѣ 200 ливровъ ежегоднаго содержанія отъ царя *).

Помѣстная система могла показаться постороннимъ наблюдателямъ очень удобнымъ для государства способомъ обезпеченія содержанія служилаго класса. Гваньини говоритъ, что Московскій государь можетъ долгое время содержать на-готовѣ огромное войско, не обременяя себя расходами, потому что онъ не даетъ ратникамъ денежнаго жалованья, а надѣляетъ ихъ малоцѣнными полями, которыя даютъ имъ содержаніе на время службы**). Но потребность въ денежномъ жалованьи обнаруживалась все сильнѣе и сильнѣе. Мы видѣли, что высшіе служилые люди кромѣ военной службы должны были отправлять на свой счетъ и другія должности, требовавшія иногда значительныхъ издержекъ, но не приносившія особенныхъ доходовъ, наприм. посольства къ иностраннымъ дворамъ: извѣстно что постигло Третьяка Далматова, который осмѣлился отговариваться отъ посольства недостаткомъ средствъ***). Только въ концѣ XVI в. встрѣчаются русскія извѣстія о подмогѣ или денежномъ жалованьи посламъ, отправлявшимся къ иностраннымъ дворамъ. Это средство, какъ общая мѣра, приложено было прежде всего къ низшимъ служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Іовію сказывали, что только тѣмъ служилымъ людямъ, которые живутъ въ областяхъ, выдается изъ областной казны въ мирное время незначительное жалованье****). По словамъ Герберштейна, кому государь приказывалъ быть при дворѣ, а также отправлять посольскую или воинскую службу, тотъ долженъ былъ исполнять это на свой счетъ, исключая молодыхъ

*) Neuville 25. Ср. Олеар. стр. 221: Les knez qui n'ont point d'employ à la Cour, et qui n'ont pas le moyen d'y faire la dépense, se retirent à la campagne, où leur façon de vivre n'est pas fort differente de celle des paysans.

**) Guagn. въ Rer. Mosc. auct. varii, p. 177.

***) См. Herberst. 12.

****) П. Іовій 55.

дѣтей боярскихъ, которыхъ государь ежегодно бралъ ко двору и содержалъ на жалованьи. Одни изъ нихъ получали ежегодно по 12 золотыхъ (рублей), другіе по 6 золотыхъ въ каждые три года; первые на свой счетъ должны были исправлять всякое государево дѣло съ извѣстнымъ числомъ лошадей. Вообще жалованье выдавалось тѣмъ, которые не могли на собственныя средства, т. е. на счетъ доходовъ съ помѣстій, отправлять военную службу *). Болѣе опредѣленныя и подробныя извѣстія о денежномъ жалованьи имѣемъ отъ конца XVI в., когда и самое дѣло получило бо́льшую опредѣленность и бо́льшее развитіе. Мы видѣли, какія части войска на постоянномъ жалованьи высчитываетъ Флетчеръ. По его показанію, большіе дворяне получали отъ 100 до 70 рублей въ годъ, средніе отъ 60 до 40, дѣти боярскія отъ 30 до 12; всего выдавалось на 15,000 дворянъ-тѣлохранителей до 55,000 рубл. ежегодно. Половина жалованья выдавалась имъ въ Москвѣ, другая въ полѣ, если они были въ походѣ. Это жалованье шло имъ сверхъ приписанныхъ къ каждому изъ нихъ земель; кто имѣлъ очень мало земли, получалъ ежегодно по 20 рубл. прибавки. На 65,000 дворянъ, въ мирное время назначавшихся на сторожевую службу по татарскимъ границамъ, выдавалось жалованья до 40,000 рубл. Стрѣльцы получали ежегодно по 7 рубл., по 12 мѣръ ржи и по стольку же овса. О количествѣ жалованья наемнымъ солдатамъ изъ иностранцевъ въ XVI в. нѣтъ извѣстій. Система денежнаго жалованья, разумѣется, въ меньшихъ размѣрахъ и медленнѣе распространялась на высшіе чины служилаго класса; по словамъ Флетчера, князья и бояре получали сверхъ доходовъ съ пожалованныхъ царемъ земель до 700 рубл. въ годъ денежнаго жалованья за военную службу; больше этого, добавляетъ Флетчеръ, никто не получаетъ **).

Въ XVII в. система денежнаго жалованья должна была получить бо́льшее развитіе, и иностранцы этого времени оставили намъ болѣе подробныя извѣстія объ этомъ пред-

*) Herberst. 10 и 36.

**) Флетчеръ. гл. 9-я и 15-я.

метѣ, иногда указывая вмѣстѣ съ денежнымъ жалованьемъ и количество земель, которыми пользовались разные служилые люди. При Маржеретѣ высшіе члены служилаго класса, составлявшіе государеву думу, князья и бояре, получали отъ 500 до 1,200 рубл. ежегоднаго оклада; окольничіе отъ 200 до 400 рубл. и земли отъ 1000 до 2000 четвертей (при Маржеретѣ окольничихъ было до 15 человѣкъ); думные дворяне, которыхъ было 6, получали отъ 100 до 200 руб. и земли отъ 800 до 1200 четвертей; московскіе дворяне отъ 20 до 100 рубл. и земли отъ 500 до 1,000 четверт.; выборные дворяне отъ 8 до 15 рубл. и земли до 500 четв.; дѣти боярскія отъ 4 до 5 рубл. въ 6 или 7 лѣтъ и земли отъ 100 до 300 четверт. *) Стрѣлецкіе головы получали при Маржеретѣ денежнаго жалованья отъ 30 до 60 рубл. и земли отъ 300 до 500 четвертей; сотники, сверхъ земель, отъ 12 до 20 рубл.; десятники до 10 рубл.; рядовые стрѣльцы по 4—5 р. ежегодно; сверхъ того каждому отпускалось по 12 мѣръ ржи и по стольку же овса, какъ и при Флетчерѣ. При Мейербергѣ пятидесятники получали денегъ по 8 рубл. въ годъ; десятники и простые стрѣльцы по 7 рубл.; овса и ржи выдавалось каждому стрѣльцу по 20 мѣръ, цѣной на 18 рубл.; пятидесятникамъ вдвое бо́льше **). Кромѣ того разъ въ годъ стрѣльцамъ выдавали сукна на одежду, которую они должны были шить на свой счетъ; при выходѣ стрѣльца изъ службы (за смертью или

*) Маржеретъ въ Сказ. Совр. о Дим. Самозв., ч. 3-я, стр. 59. При Котошихинѣ помѣстный окладъ былъ всѣмъ чинамъ «противъ денегъ съ рубля по 5 четвертей въ полѣ, а въ двухъ потомужъ». См. Кот., гл. VII, ст. 8. Если цифры Маржерета вѣрны, то въ нач лѣ XVII в. низшимъ членамъ давали помѣстные оклады въ большей пропорціи съ денежными, нежели во времена Котошихина. Причина понятна.

**) Маржер. 52.—Mayerb. II, 123. У Корба окладъ рядовыхъ стрѣльцовъ показанъ тотъ же что́ у Мейерберга; значитъ, во 2-й половинѣ XVII в. онъ былъ увеличенъ въ сравненіи съ первою. Впрочемъ какъ у Маржерета, такъ и у Мейерберга денежные оклады ниже тѣхъ, какіе показаны у Котошихина; хлѣбное жалованье, напротивъ, у Мейерберга выше того, какое выставляетъ Котошихинъ. См. Кот. VII, 5.

старостью) эта одежда возвращалась въ казну. Кромѣ царскаго жалованья стрѣльцы получали большіе доходы отъ промысловъ, которыми имъ позволено было заниматься въ Москвѣ и другихъ городахъ *). Русскимъ офицерамъ и рядовымъ ратникамъ конныхъ (рейтарскихъ) полковъ шло жалованья по 30 рубл. въ годъ (по Мейербергу по 50); во время похода имъ выдавали водку, муку, пшено, сало и сушеную рыбу **). Солдатамъ платили во время похода по 5 коп. ежедневно ***). Въ мирное время жалованье служилымъ людямъ выдавалось въ Москвѣ и областныхъ городахъ, по свидѣтельству Петрея, въ два срока: на Пасху и на Михайловъ день. Выдача, по словамъ Мейерберга, производилась съ такою аккуратностью, что если служилый человѣкъ не являлся за нимъ въ назначенный срокъ, ему на другой же день относили жалованье на домъ. Если ратникъ съ честью палъ въ битвѣ, назначалось содержаніе его вдовѣ до ея вступленія въ новое зимужство, а также и дѣтямъ до возраста. Если ратникъ попадалъ въ плѣнъ, половину его жалованья за это время отдавали его женѣ, а другую ему самому, когда его выкупали ****).

Отъ XVII в. дошли также извѣстія о жалованьи иностранцамъ, служившимъ въ московскомъ войскѣ. Рейтенфельсъ говоритъ, что положеніе иностранцевъ на русской службѣ значительно улучшилось въ его время въ сравненіи съ прежнимъ. Для привлеченія бо́льшаго числа опытныхъ иноземныхъ офицеровъ, имъ назначали жалованья гораздо больше, нежели русскимъ. Въ Москвѣ въ XVII в. постоянно жило много иностранныхъ полковниковъ и офицеровъ, которые въ мирное время оставались безъ дѣла, получая половинный окладъ жалованья, такъ какъ войска,

---

*) Korb 183: ex mercimoniis, quae exercere licebat, magnas saepe et invidiosas opes acquisiverant.

**) Olear 225.—Mayerb. II, 124. По Котошихину также 30 рубл., вопреки Мейербергу (см. гл. IX, ст. 2).

***) Mayerb. II, 125; у Котошихина 60 алтынъ въ мѣсяцъ.

****) Mayerb. II, 126.

которыми они командовали, въ мирное время распускались *). Когда открывалась война, иностраннымъ офицерамъ поручали командованіе рейтарскими и солдатскими полками и выдавали полные оклады: рейтарскому полковнику шло тогда денежнаго жалованья по 40 рубл. въ мѣсяцъ, подполковнику по 18, майору по 16, ротмистру 13, поручику 8, корнету 7. Въ солдатскихъ полкахъ жалованье было нѣсколько меньше, именно: полковнику 30 рубл. въ мѣсяцъ, подполковнику 15, майору 14, капитану 11, поручику 8, прапорщику 5. При поступленіи на службу иностранецъ получалъ отъ царя въ подарокъ платье, лошадь и проч. Несмотря на выгоды, которыми пользовались иностранные офицеры на русской службѣ, многіе изъ нихъ высказывали Мейербергу сожалѣніе, что оставили свою родину и пошли искать счастья въ Москву; они жаловались на то, что по выслугѣ условленнаго срока нѣтъ возможности вырваться изъ Москвы; если для удержанія иностранца на службѣ долѣе срока не помогали разныя приманки и награды, упрямаго ссылали въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, откуда трудно было выбраться. Въ оправданіе такихъ стѣсненій иностранцамъ говорили въ Москвѣ, что не честно покидать службу, когда идетъ или ожидается война; а на это всегда можно было сослаться, такъ какъ Московское государство, по характеру своихъ отношеній къ сосѣдямъ, постоянно или воевало, или ожидало войны **).

V.

Управленіе и судопроизводство.

Отъ описанія устройства служилаго класса всего ближе перейдти къ описанію управленія страной. Управленіе было другой формой кормленія служилыхъ людей на счетъ

*) Олеарій, кажется, преувеличиваетъ, говоря, что въ мирное время иностранный полковникъ получалъ по 90 экю, или по 45 рубл. въ мѣсяцъ.

**) Mayerb. II, 124—127.—Рейтенф. 3.—Korb 183.

чернаго, неслужилаго народонаселенія и, разумѣется, должно было отличаться особенностями, которыя неизбѣжно вытекали изъ такой цѣли. Бояринъ или сынъ боярскій за государеву службу получалъ намѣстничество или волостельство; человѣкъ меча на извѣстное время переходилъ въ совершенно другую сферу, вступалъ въ совершенно иныя отношенія, не переставая быть по прежнему въ сущности военнымъ человѣкомъ, вѣдалъ и судилъ городъ или волость „дли расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ, себѣ же для покоя и прокормленія“, какъ опредѣляло правительство XVI в. цѣль намѣстничествъ и волостельствъ. По окончаніи срока служилый человѣкъ возвращался съ кормленія до новаго мѣста. Понятно, какой характеръ должно было имѣть его управленіе городомъ или волостью: прежде и больше всего имѣлось въ виду полученіе дохода, „чѣмъ мочно быти сытымъ“. Иностранцы не могли не замѣтить такого характера областнаго управленія. Герберштейнъ ставитъ „префектуры“ рядомъ съ помѣстьями, какъ средства, служащіе для одной и той же цѣли. На образованнаго западнаго европейца, внимательно всматривавшагося въ устройство Московскаго государства, не могло, конечно произвести выгоднаго впечатлѣнія это смѣшеніе совершенно различныхъ занятій и цѣлей, какое представляло имъ гражданское управленіе посредствомъ военныхъ людей. Таковы были органы и центральнаго управленія, сосредоточивавшіеся въ думѣ и приказахъ столицы.

Въ устройствѣ управленія Московскаго государства въ XV и XVI в. мы видимъ важное движеніе: тогда произошли двѣ тѣсно связанныя между собою перемѣны, которыя не могли остаться безъ вліянія на ходъ управленія. Эти перемѣны состояли въ появленіи и развитіи приказной системы и въ новомъ значеніи дьяковъ. До этого времени въ каждомъ княжествѣ сѣверовосточной Руси во главѣ управленія стоялъ князь, какъ установитель порядка въ землѣ и стражъ ея; ему служили бояре — думцы и разные слуги; бояре за службу получали отъ князя волости и города въ кормленіе; бояринъ вѣдалъ и судилъ жителей данной волости, даннаго города, и тіунамъ своимъ ходить у нихъ ве-

лѣлъ, а доходъ бралъ „на себя“, по наказному списку. Такимъ образомъ извѣстное число намѣстничествъ и волостельствъ замѣщалось такимъ же числомъ членовъ княжеской дружины, которые назначались и смѣнялись княземъ, во всемъ относились къ князю, — и только. Вотъ всѣ главные органы управленія, т. е. въ управленіи дѣйствовали только извѣстныя лица, но не было присутственныхъ мѣстъ, приказовъ, — по крайней мѣрѣ до XVI в. нѣтъ ясныхъ указаній на подобныя учрежденія. Но развитіе государства и, какъ его слѣдствіе, усложненіе управленія дѣлали необходимыми такія учрежденія, и въ началѣ XVI в. мы встрѣчаемъ извѣстіе о приказахъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ эти приказы размножаться и обособляться вслѣдствіе усложненія правительственнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе того же, болѣе и болѣе будетъ оказываться несостоятельность служилыхъ людей въ дѣлѣ управленія, болѣе и болѣе будетъ чувствоваться нужда въ людяхъ инаго рода, которые умѣли бы владѣть не мечемъ а перомъ, и съ начала XVI в., одновременно съ извѣстіями о приказахъ, встрѣчаемъ извѣстія объ усиленіи значенія дьяковъ. Они имѣли важное значеніе въ думѣ государя; они заправляли ходомъ дѣлъ въ приказахъ, они же отправлялись вмѣстѣ съ намѣстниками по областямъ и завѣдывали тамъ всѣми государственными дѣлами, были представителями государственнаго начала въ областяхъ, потому что намѣстники, служилые люди, оказались теперь непригодны и непривычны къ правительственному дѣлу при его новомъ значеніи, при новыхъ чисто-государственныхъ потребностяхъ, и этимъ намѣстникамъ предоставили вѣдать только свои частные интересы кормленія. Чуждые служилымъ людямъ по характеру занятій, дьяки были чужды имъ и по происхожденію, потому что выходили „изъ поповичей и простаго всенародства“, по выраженію Курбскаго. Были и другія причины, содѣйствовавшія такому усиленію значенія дьяковъ въ XVI в.; эти причины хорошо понимали и ясно высказывали московскіе бояре, боровшіеся съ самодержавными стремленіями своихъ государей. Но каковы бы ни были эти причины, новыя потребности

управленія занимали между ними важное мѣсто: если постороннія обстоятельства дали дьякамъ возможность „боярскими головами торговать“, то этихъ обстоятельствъ было мало для того, чтобы дать имъ возможность и „землею владѣть“, какъ выражался одинъ отъѣзщикъ XVI вѣка.

Такъ въ управленіи государствомъ послѣдовали важныя перемѣны, показывавшія переходъ его отъ дружиннаго порядка къ чисто-государственному; явились новые болѣе сложные органы и новые болѣе пригодные къ дѣлу дѣятели. Но высшій правительственный кругъ, дума государева осталась, повидимому, въ прежнемъ положеніи. Попрежнему высшіе члены старинной дружины по одному изъ исконныхъ правъ своихъ считались думцами князя; по прежнему государь „сидѣлъ съ бояры“ о всякомъ земскомъ строеніи. Еще въ началѣ XVI в. при дворѣ считали значеніе боярина тождественнымъ съ значеніемъ совѣтника и первое слово замѣняли послѣднимъ. Такъ же называютъ бояръ того времени и иностранцы. Но какъ дружина XVI в. не была похожа на прежнюю, такъ и въ боярской думѣ, не смотря на ея прежній видъ и составъ, отношенія сильно измѣнились. Въ началѣ XVI в. со стороны государевыхъ совѣтниковъ слышались громкія жалобы на то, что государь пересталъ совѣтоваться съ боярами, всѣ дѣла рѣшаетъ у себя въ спальнѣ самъ-третей, — и эти двое повѣренныхъ думъ были дьяки, „люди изъ простаго всенародства, которыхъ отцы отцамъ тогдашнихъ бояръ и въ холопство не годились“. Не смотря на то, что эта перемѣна отношеній не выразилась ни въ какомъ формальномъ нововведеніи, ее скоро замѣтили иностранцы: мы видѣли, какъ отзывается Герберштейнъ объ отношеніи бояръ-совѣтниковъ къ великому князю: „никто изъ нихъ, какъ бы велико ни было его значеніе, не смѣетъ ни въ чемъ противорѣчить государю“.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о государственномъ управленіи, перейдемъ къ изложеніямъ извѣстій о немъ иностранцевъ. До конца XVI в. мы имѣемъ отъ нихъ немногія отрывочныя замѣтки объ этомъ предметѣ и только

у Флетчера встрѣчаемъ болѣе полный и систематическій очеркъ управленія.

Во главѣ управленія стоялъ государь съ своей *думой*. Думу составляли думные бояре, отличавшіеся этимъ отъ простыхъ бояръ, которые хотя также назывались совѣтниками государя, но получали это званіе больше какъ почетный титулъ, ибо на общій совѣтъ ихъ приглашали рѣдко или и совсѣмъ не приглашали. Кромѣ думныхъ бояръ въ думѣ присутствовали („жили“) думные дьяки, или государственные секретари. Какъ тѣ, такъ и другіе получали свое званіе по волѣ государя. Впрочемъ и думные бояре не всегда всѣ приглашались на совѣщанія, по крайней мѣрѣ такъ бывало, по свидѣтельству Флетчера, въ царствованіе Ѳедора Іоанновича, когда дѣла рѣшалъ Борисъ Годуновъ съ 5-ю или 6-ю лицами, которыхъ онъ находилъ нужнымъ призвать на совѣтъ. Иностранцы ясно даютъ понять, что боярская дума имѣла только совѣщательное значеніе, что дѣла часто рѣшались до обсужденія ихъ въ думѣ и безъ ея утвержденія приводились въ исполненіе. На совѣтѣ, говорятъ они, боярамъ приходится больше слушать, нежели высказывать свои мнѣнія. Дума была высшимъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ мѣстомъ. Отсюда исходилъ всякій новый законъ или государственное постановленіе. Здѣсь съ утвержденія государя опредѣлялись извѣстныя лица на правительственныя должности и рѣшались важнѣйшія судебныя дѣла. Думѣ докладывали во время ея засѣданій о внутреннихъ дѣлахъ государства начальники четей, или четырехъ главныхъ приказовъ, вѣдавшихъ областное управленіе. Сюда же входили съ доношеніями и начальники разныхъ судебныхъ мѣстъ. Кромѣ дѣлъ государственныхъ здѣсь разбиралось множество частныхъ по просьбамъ. Думные бояре, по отзыву Поссевина, были недалеки познаніями: при немъ только одинъ изъ членовъ думы зналъ немного полатыни и очень немногіе знакомы были съ польскимъ языкомъ; при томъ это были почти всѣ дьяки, многіе бояре не умѣли даже ни читать ни писать. Обыкновенно засѣданія думы бывали по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ 7-ми часовъ утра. Когда

нужно назначить чрезвычайное собраніе въ другой день, изъ разряда давался приказъ писцу разослать повѣстки о томъ членамъ думы *).

Въ чрезвычайныя собранія думы по какому-нибудь особенно важному дѣлу на совѣтъ призывалось и высшее духовенство. Флетчеръ такъ описываетъ эти чрезвычайныя собранія думы, или соборы. Царь приказывалъ призвать тѣхъ изъ думныхъ бояръ, которыхъ самъ заблагоразсудитъ, человѣкъ 20-ть, вмѣстѣ съ патріархомъ, который приглашалъ митрополитовъ, архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовалась особеннымъ почетомъ. Обыкновенно такіе соборы созывались въ пятницу, въ столовой палатѣ. Всѣ собравшіеся встрѣчали царя въ сѣняхъ, причемъ патріархъ благословлялъ царя и цѣловалъ его въ правое плечо. Въ палатѣ царь садился на тронъ; не вдалекѣ отъ него, за четыреугольнымъ столомъ помѣщались патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ бояръ съ двумя думными дьяками, которые записывали все происходившее. Прочіе сидѣли на скамьяхъ около стѣнъ, по чинамъ. Одинъ изъ дьяковъ излагалъ причину созванія собора и предметы для обсужденія. Прежде всего спрашивали мнѣнія патріарховъ и другихъ духовныхъ лицъ, которыя всегда и на все давали одинъ отвѣтъ, что царь и дума его премудры, опытны въ дѣлахъ государственныхъ и гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, ибо они, духовные, занимаются служеніемъ Богу и предметами вѣры и потому просятъ царя сдѣлать нужное постановленіе, а они вмѣсто совѣтовъ будутъ вспомоществовать молитвами и т. д. Потомъ вставалъ кто посмѣлѣе, уже прежде назначенный для формы, и просилъ царя объявить собранію свое собственное мнѣніе. На это дьякъ отвѣчалъ, что государь, по надлежащемъ обсужденіи съ своею думой, нашелъ предложенное дѣло полезнымъ для государства, но все-таки требуетъ отъ нихъ, духовныхъ, богоугоднаго мнѣнія, и буде они

*) Possev. 26 и слѣд. Флетчеръ, гл. 7-я и 11-я.

одобрять сдѣланное предложеніе, то изъявили бы свое согласіе и проч. Объявивъ наскоро свое согласіе, патріархъ удалялся съ духовенствомъ, сопровождаемый царемъ до другой палаты; затѣмъ царь, возвратившись на прежнее мѣсто, оставался здѣсь для окончательнаго рѣшенія дѣла, послѣ чего приглашалъ духовенство и думныхъ людей на парадный обѣдъ. Дѣла, рѣшенныя на соборѣ, дьяки излагали въ формѣ прокламацій, которыя разсылались по областямъ *).

Характеръ думы не измѣнился и въ XVII вѣкѣ: она по прежнему оставалась совѣщательнымъ собраніемъ, въ которомъ рѣдко слышались независимые голоса; совѣтникамъ внушалось, что если имъ давалось право высказывать свои мнѣнія, то царь и даже его любимцы оставляли за собой право исполнять только то, что̀ находили полезнымъ и нужнымъ. Потому это собраніе не имѣло прямаго вліянія на ходъ дѣлъ; мнѣнія у него спрашивали только для формы, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность въ случаѣ неудачнаго исхода дѣла **). Число членовъ думы не опредѣлялось закономъ; какъ и прежде, царь назначалъ въ нее кого находилъ нужнымъ, по своему благоусмотрѣнію. Маржеретъ говоритъ, что онъ зналъ до 32-хъ членовъ думы. При Мейербергѣ дума состояла изъ 26-ти бояръ, 30-ти окольничихъ, 7-ми думныхъ дворянъ, наконецъ изъ 3-хъ думныхъ дьяковъ; послѣднихъ, впрочемъ, бывало и по два; первый изъ этихъ думныхъ дьяковъ завѣдывалъ обыкновенно дѣлами посольскими и иноземными, былъ управителемъ посольскаго приказа, а второй управлялъ разряднымъ приказомъ, завѣдуя дѣлами военными ***).

Подъ думой, какъ высшимъ правительственнымъ мѣстомъ, стояли приказы, вѣдавшіе отдѣльныя отрасли государственнаго управленія. По извѣстіямъ XVI вѣка, дѣла по этому управленію распредѣлялись между 4-мя главными приказами,

*) Флетчеръ, гл. 8-я.

**) Olear. 181. — Mayerb. II, 107.

***) Маржер. 35. — Olear. 221. — Mayerb. II, 107 и 112. Сравн. Котош., гл II, ст. 5.

или четями. Каждый изъ этихъ приказовъ управлялъ одною изъ 4-хъ четвертей, на которыя дѣлилось все государство въ административномъ отношеніи. Эти приказы были: Посольскій, Разрядный, Помѣстный и Казанскій. По словамъ Флетчера, всѣ области государства расписаны были между этими 4-мя четями, изъ которыхъ каждая завѣдывала нѣсколькими областями. Но на такое значеніе четей указываетъ только названіе Казанской чети; названія остальныхъ могутъ навести на мысль, что каждая изъ нихъ управляла не всѣми дѣлами приписанной къ ней части государства, а извѣстнаго рода дѣлами всего государства. Въ другомъ мѣстѣ Флетчеръ говоритъ, что начальники четей дѣлали распоряженія по *всѣмъ* дѣламъ, исполненіе которыхъ въ мѣстахъ, ими управляемыхъ, возлагалось на нихъ царской думой; эти слова какъ будто указываютъ на то, что каждая четь вѣдала въ своихъ областяхъ не всѣ, но только нѣкоторыя дѣла; значитъ, дѣла другаго рода въ тѣхъ же областяхъ принадлежали уже вѣдомству другой чети. Вообще трудно составить себѣ нетолько по иностраннымъ, но и по отечественнымъ извѣстіямъ ясное понятіе объ устройствѣ и ходѣ управленія посредствомъ приказовъ, именно потому, что вѣдомства не были точно разграничены и опредѣлены по извѣстнымъ началамъ; оттого трудно и распредѣлить ихъ на какія-нибудь точно опредѣленныя группы, отнести наприм. одни приказы къ дворцовому вѣдомству, другіе къ военному и т. д. Посольская четь, указывавшая своимъ названіемъ на то, что мы теперь разумѣемъ подъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдала внутреннія дѣла нѣсколькихъ городовъ. Еще болѣе было запутанности въ приказной системѣ XVII вѣка, когда она усложнилась, когда приказовъ было больше 40. Приказы переплетались между собою дѣлами, однородныя дѣла вѣдались въ нѣсколькихъ приказахъ и, наоборотъ, въ одномъ и томъ же приказѣ сосредоточивались разнородныя дѣла. Эта запутанность отчасти происходила отъ того порядка, въ какомъ учреждались приказы; они явились не всѣ вдругъ а возникали постепенно, одинъ за другимъ: усложнялись дѣла извѣстнаго рода, — и для нихъ учреждался особый

приказъ; между тѣмъ дѣла не переставали вѣдаться и въ тѣхъ приказахъ, къ которымъ они прежде принадлежали. Такъ явились приказы: Стрѣлецкій, Иноземный, Рейтарскій, которые не могли не перепутываться своими дѣлами съ Разряднымъ. Усложнились дѣла по устройству кружечныхъ или питейныхъ дворовъ, — и возникла Новая четверть; но кабацкое дѣло вѣдалось прежде въ другихъ приказахъ, къ которымъ приписаны были какіе-нибудь города и волости; дѣла по этой части остались въ этихъ приказахъ и по учрежденіи Новой четверти, а къ послѣдней приписаны были кружечные дворы только Московской и нѣкоторыхъ другихъ областей. Понятно, какъ много было условнаго и случайнаго въ ходѣ приказнаго управленія и какъ трудно было иногда рѣшить, „кто подъ которымъ приказомъ въ вѣдомости написанъ и судимъ“, по выраженію Котошихина. Дробность и неопредѣленность приказной системы подавала нѣкоторымъ иностранцамъ поводъ думать, что въ Московіи столько же судовъ, сколько можетъ быть дѣлъ, что въ одномъ напр. судили воровъ, въ другомъ разбойниковъ, въ третьемъ мошенниковъ *).

По описанію Флетчера, Разрядный приказъ управлялъ дѣлами, относящимися къ войску, вѣдалъ земли и доходы на жалованье ратнымъ людямъ, получавшимъ его. Помѣстный велъ списокъ помѣстій, розданныхъ служилымъ людямъ, также выдавалъ и принималъ на нихъ всякія крѣпости; Казанскій вѣдалъ дѣла царствъ Казанскаго и Астраханскаго съ городами по Волгѣ. Что вѣдалъ приказъ Посольскій, объ этомъ Флетчеръ не говоритъ ни слова. Всѣми этими приказами управляли при Флетчерѣ думные дьяки. Управляющій Посольскимъ приказомъ получалъ въ годъ 100 рубл. жалованья, Разряднымъ столько же, Помѣстнымъ—500 рубл. Казанскимъ—150. Эти приказы принимали просьбы и дѣла всякаго рода, поступившія въ нихъ изъ подвѣдомственныхъ областей, и докладывали объ нихъ царской думѣ, также посылали разныя распоряженія послѣдней въ подвѣдомственныя области.

*) Записки Маскевича въ Сказ. Совр. о Дим. Самозв., ч. 5-я, стр. 64.

Для управленія областями назначались царемъ извѣстныя лица, по одному или по два въ каждую область, которыя должны были во всѣхъ дѣлахъ обращаться къ управляющему той чети, въ которой числилась извѣстная область. На это указываютъ слова Поссевина, что намѣстники знаютъ, къ кому изъ сенаторовъ обращаться съ донесеніями, и что эти сенаторы отъ имени царя отвѣчаютъ имъ, а самъ царь никогда не пишетъ собственноручно никому, даже не подписывается подъ указами. Намѣстникъ отправлялся въ назначенную ему область съ однимъ или двумя дьяками, которые завѣдывали всѣми приказными дѣлами по управленію областью. Областные правители обязаны были выслушивать и рѣшать всѣ гражданскія дѣла своихъ областей, впрочемъ съ предоставленіемъ тяжущимся право аппеллировать въ царскую думу; въ дѣлахъ уголовныхъ они имѣли право задержать, допросить и заключить въ тюрьму преступника; но для окончательнаго рѣшенія должны были пересылать такія дѣла, уже изслѣдованныя и правильно изложенныя, въ Москву къ управляющимъ четей для доклада думѣ. Наконецъ намѣстники обязаны были въ своихъ областяхъ обнародовать (прокликать) законы и правительственныя распоряженія, взимать подати и налоги, собирать ратниковъ и доставлять ихъ на мѣсто. Областные правители и дьяки назначались по царскому указу, и чрезъ годъ (по Герберштейну чрезъ полтора года) обыкновенно смѣнялись, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользовавшихся особенной милостью у царя, для которыхъ этотъ срокъ продолжался еще на годъ или на два. За свою службу намѣстники въ концѣ XVI в. получали 100, другіе 50 или 30 рублей жалованья. Въ ихъ пользу шли пени, которыя они выжимали изъ бѣдныхъ за какіенибудь проступки, и другіе доходы. Иногда намѣстнику вмѣстѣ съ городомъ отдавались и доходы съ кружечнаго двора, который находился въ этомъ городѣ. Отъ простыхъ намѣстниковъ отличались намѣстники и воеводы 4-хъ пограничныхъ городовъ: Смоленска, Пскова, Новгорода и Казани; ихъ назначали изъ людей, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ, по два въ каждый городъ. Они имѣли

особенное значеніе, больше обязанностей и исполнительную власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Поэтому они получали большее жалованье, одни 700, другіе 400 рубл. въ годъ *).

Въ такомъ видѣ представляютъ иностранцы устройство областнаго управленія во второй половинѣ XVI в. Болѣе ранній путешественникъ говоритъ, что Московскій государь имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній **); но неизвѣстно, съ какой собственно цѣлью совершались эти поѣздки, съ цѣлью ли *объѣзда*, т. е. осмотра областей, или на богомолье, или же наконецъ для *прохлады*: ибо таковы были цѣли всѣхъ государевыхъ поѣздокъ. Москва управлялась особеннымъ образомъ, именно состояла подъ прямымъ вѣдѣніемъ царской думы, члены которой въ извѣстныхъ судебныхъ мѣстахъ выслушивали всѣ важныя дѣла городскихъ жителей. Для обыкновенныхъ дѣлъ, наприм. относительно построекъ, содержанія улицъ, опредѣлялись два дворянина или дьяка, которые составляли съ подьячими присутственное мѣсто — *Земскій дворъ*. Каждая часть города имѣла своего старосту, отъ котораго зависѣли сотскіе, а отъ послѣднихъ десятскіе, каждому изъ которыхъ поручался надзоръ за 10-ю домами ***).

Одною изъ важнѣйшихъ отраслей вѣдомства боярской думы, приказовъ и областныхъ правителей было отправленіе правосудія. Судебная часть была тѣсно соединена съ административной или, лучше сказать, вовсе не была отдѣлена отъ нея; одни и тѣже органы вѣдали и ту и другую. Потому на судъ, какъ и на прочія отрасли управленія, смотрѣли прежде всего какъ на статью кормленія, дохода. Таковъ былъ издавна взглядъ на этотъ предметъ. Судъ былъ не общественной должностью, а частнымъ владѣніемъ, дѣлился на части, отдавался на откупъ, какъ частная доходная статья. Съ развитіемъ государства необходимо развивалось и законодательство, развивались юридическія понятія; по крайней мѣрѣ правительство постепенно раз-

*) Herberst. 10, Possev. 27, Михалонъ 57, Hakl. I, 351. Флетч, гл. 10-я.

**) Контарини 106.

***) Флетчеръ, гл. 10-я.

ширяло кругъ своей дѣятельности на счетъ частнаго права. По двумъ судебникамъ, великокняжескому и царскому, можно слѣдить, какъ законодательство старается все шире и шире захватить интересы общества, болѣе и болѣе овладѣть ихъ нарушителемъ, дать больше опредѣленій и сдѣлать ихъ болѣе точными и подробными. Въ примѣръ того, какъ законодательство старалось постепенно отнять у преступленія противъ извѣстнаго лица характеръ частнаго явленія и поступить съ приступникомъ, какъ съ нарушителемъ правъ цѣлаго общества, можно сравнить слѣдующія постановленія Судебниковъ между собою и съ прежними постановленіями: въ великокняжескомъ Судебникѣ месть, самоуправство не допускаются; если у преступника не окажется имущества, чѣмъ вознаградить истца, преступникъ не выдается послѣднему, но подвергается смертной казни; по опредѣленію того же Судебника воръ, пойманный впервые, по наказаніи и доправленіи иска отпускался на волю. Парскій Судебникъ относится къ дѣлу гораздо строже: по его опредѣленію воръ, пойманный впервые, по наказаніи и доправленіи иска, не отпускался, но отдавался на крѣпкую поруку, а если ея не было, сажался въ тюрьму до поруки. Мы напрасно стали бы ожидать отъ иностранцевъ оцѣнки этого движенія въ сферѣ законодательства Іовій со словъ русскаго разсказчика могъ только записать, что Московія управляется простыми законами, основанными на правосудіи государя и безкорыстіи его сановниковъ *). Герберштейнъ приводитъ въ своемъ сочиненіи небольшой отрывокъ изъ Судебника Іоанна III о судныхъ пошлинахъ, но ничего не говоритъ о самомъ Судебникѣ. Флетчеръ говоритъ, что единственный законъ въ Московіи есть изустный, т. е. воля государя и судей: Судебникъ Іоанна IV не удостоился отъ ученаго англійскаго юриста названія писаннаго закона **). Но что даетъ особенный интересъ бѣглымъ и отрывочнымъ замѣткамъ иностранцевъ, — это то, что они вводятъ насъ въ самую практику

*) П. Іовій 47.

**) Флетчеръ въ концѣ гл. 14-ой.

юридическихъ отправленій, показываютъ, въ какомъ видѣ и въ какой обстановкѣ являлся законъ на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ.

Во второй половинѣ XVI в. судныя дѣла вѣдали слѣдующія учрежденія: губные и сотскіе старосты, намѣстники и волостели съ дьяками и наконецъ высшія правительственныя мѣста въ Москвѣ, чети и дума. Всякое дѣло можно было, по словамъ Флетчера, начинать съ любаго изъ трехъ первыхъ учрежденій или переводить его изъ низшаго суда въ высшій посредствомъ аппелляціи. Въ гражданскихъ дѣлахъ наприм. по взысканіямъ, судъ совершался въ слѣдующемъ порядкѣ. Истецъ подавалъ челобитную, въ которой излагалъ предметъ иска. По этой челобитной ему давалась *выпись* о задержаніи отвѣтчика, которую онъ передавалъ приставу, или недѣльщику *). Всѣ иностранцы разсказывая о московскомъ судопроизводствѣ, рѣзко отзываются о жестокомъ обращеніи этихъ недѣльщиковъ съ подсудимыми и вообще о суровости формъ, въ которыя облекался судъ даже въ незначительныхъ дѣлахъ. По словамъ Флетчера иногда изъ какихъ-нибудь 6 пенсовъ обвиняемому заковывали въ цѣпи руки, ноги и шею. Пойманный отвѣтчикъ долженъ былъ дать поручительство, что явится къ отвѣту въ назначенный день. Если никто не поручался за него, недѣльщикъ привязывалъ его руки къ шеѣ, билъ батогами по ногамъ и держалъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока нужно было представить его на судъ. Ходатаевъ и повѣренныхъ при судѣ не было, каждый самъ долженъ былъ, какъ умѣлъ, излагать свой искъ и защищаться. Когда истецъ и отвѣтчикъ становились предъ судьей, отвѣтчикъ на вопросъ послѣдняго о предметѣ иска отвѣчалъ обыкновенно запирательствомъ. Судья спрашивалъ, что онъ можетъ представить въ опроверженіе требованія истца. Отвѣтчикъ говорилъ, что готовъ поцѣловать крестъ. Послѣ того онъ

*) У Герберштейна (стр. 40) находимъ такое опредѣленіе недѣльщика: Nedelsnick est commune quoddam eorum officium, qui homines in jus vocant, malefactores capiunt, carceribusque coërcent: atque hi nobilium numero continentur.

не подвергался битью батогами до ближайшаго изслѣдованія дѣла. Иногда, за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, судья самъ обращался къ истцу или отвѣтчику съ вопросомъ, согласенъ ли онъ поклясться и принять крестное цѣлованіе. Флетчеръ такъ описываетъ обрядъ этой клятвы. „Церемонія происходитъ въ церкви; въ то время какъ присягающій цѣлуетъ крестъ, деньги (если объ нихъ идетъ дѣло) висятъ подъ образомъ; какъ скоро присягающій поцѣлуетъ крестъ предъ этимъ образомъ, ему тотчасъ отдаютъ деньги“. Флетчеръ прибавляетъ, что крестное цѣлованье считалось дѣломъ столь святымъ, что никто не смѣлъ нарушить его или осквернить ложнымъ показаніемъ. Олеарій говоритъ, что обыкновенно старались не доводить дѣла до крестнаго цѣлованья и тяжущіеся вообще неохотно прибѣгали къ нему, ибо и общество и церковь неблагопріятно смотрѣли на поцѣловавшаго крестъ въ судномъ дѣлѣ. Если обѣ стороны готовы были принять крестъ на душу, бросали жребій, и тотъ, кому онъ доставался, выигрывалъ дѣло. Англичанинъ Ленъ подробно описываетъ порядокъ рѣшенія дѣла посредствомъ жеребья, которымъ рѣшена была въ Москвѣ его тяжба съ нѣкоторыми русскими купцами. При судѣ присутствовало множество народа. Когда истцы не согласились на мировую сдѣлку предложенную отвѣтчикомъ по приглашенію судей, послѣдніе засучивъ рукава, взяли два восковые шарика одинаковой величины съ именами обѣихъ тяжущихся сторонъ, и вызвали изъ толпы перваго попавшагося на глаза высокорослаго человѣка, которому велѣли снять шапку и держать передъ собой; въ нее положили оба шарика и вызвали изъ толпы другаго высокорослаго человѣка, который, засучивъ правый рукавъ, вынималъ изъ шапки одинъ шарикъ за другимъ и передавалъ судьямъ. Судьи громко объявляли всѣмъ присутствовавшимъ, какой сторонѣ принадлежалъ первый вынутый шарикъ; та сторона и выигрывала дѣло *). Виноватый пла-

*) Hakl. I, 345 и 346.

тилъ судной пошлины 20 денегъ съ рубля *). Если виновный, по окончаніи дѣла, тотчасъ не удовлетворялъ истца, его ставили на правежъ. Правежемъ, по описанію Флетчера, называлось мѣсто близъ суда, гдѣ обвиненныхъ по судебному приговору и отказывавшихся платить били батогами по икрамъ **). Расправа производилась ежедневно кромѣ праздниковъ, отъ восхода солнца до 10-ти или 11-ти часовъ утра. Каждый должникъ подвергался правежу одному часу въ день, пока не выплачивалъ долга. По словамъ Маскѣвича, передъ разрядомъ всегда стояло по утрамъ больше 10-ти такихъ должниковъ; надъ ними трудилось нѣсколько недѣльщиковъ, которые, раздѣливъ между собою виновныхъ, ставили ихъ въ рядъ и, начавъ съ перваго, били тростью длиною въ полтора локтя, поочередно ударяя каждаго три раза по икрамъ и такимъ образомъ проходя рядъ отъ одного края до другаго. Судья между тѣмъ наблюдалъ изъ окна за расправой. Не смотря на это, недѣльщики умѣли извлекать выгоду изъ своего занятія, позволяя должникамъ за деньги класть жесть за сапоги, чтобы сдѣлать удары менѣе чувствительными. Все время послѣ полудня и ночью должниковъ держали скованными въ тюрьмѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые представляли за себя достаточное обезпеченіе, что будутъ сами являться на правежъ въ назначенный часъ. Маржеретъ говоритъ, что онъ видалъ много наказанныхъ, которыхъ везли съ правежа домой на телѣгахъ; по его же словамъ, всадники царской службы были изъяты отъ этого наказанія, имѣя право выставить за себя на правежъ одного изъ своихъ людей. Послѣ годичнаго стоянія на правежѣ ***), ес-

*) Русскіе купцы, проигравшіе Лену тяжбу, заплатили царю 10% съ суммы, бывшей предметомъ иска, за такой «грѣхъ» какъ они называли проигрышъ.

**) Flagris baculisque per suras et crura pedum graviter absque ulla misericordia caeduntur. Rer. Mosc. auct. var., p. 179.

***) Въ 1555 г. опредѣлено было стоять на правежѣ во 100 рубл. мѣсяцъ, «а будетъ искъ больше или меньше, то стоять по тому же разчету». Дозволялось переводить правежъ еще на одинъ мѣсяцъ, но не больше.

ли обвиненный не хотѣлъ или не могъ удовлетворить истца, послѣднему дозволялось брать его съ семьей къ себѣ въ рабство или продать на извѣстное число лѣтъ, смотря по величинѣ долга *). По показанію Олеарія, годовая работа мальчика, отданнаго кредитору за долгъ отца, ставилась въ 5-ть рублей, а дѣвушки въ 4 рубля; на стоимость работы взрослыхъ нѣтъ указаній **).

Относительно уголовнаго судопроизводства мы видѣли, что кромѣ 4-хъ пограничныхъ городовъ намѣстники прочихъ областей не имѣли въ XVI в. права окончательнаго рѣшенія въ дѣлахъ уголовныхъ; рѣшеніе по такимъ дѣламъ принадлежало высшему суду въ Москвѣ. Обвиняемый въ уголовномъ преступленіи задерживался, допрашивался и заключался въ тюрьму правителемъ области, гдѣ совершено преступленіе. Намѣстникъ посылалъ дѣло объ немъ, уже обслѣдованное и правильно изложенное, въ Москву къ управляющему своей четверти, а послѣдній передавалъ его въ думу, которая на основаніи того, какъ изложено дѣло намѣстникомъ и его дьякомъ, произносила окончательный приговоръ, не дѣлая новаго допроса обвиненному ***). Допросъ состоялъ въ пыткѣ: обвиняемаго били кнутомъ изъ бѣлой воловьей кожи, шириною въ палецъ, такъ что каждый ударъ производилъ рану, или привязывали къ вертелу и жарили на огнѣ, иногда ломали или вывертывали какой-нибудь членъ раскаленными щипцами, разрѣзывали тѣло на пальцахъ подъ ногтями. Самымъ ужаснымъ родомъ пытки была дыба. Подсудимаго съ связанными назадъ руками вздергивали на воздухъ и оставляли висѣть въ такомъ положеніи, привязавъ къ ногамъ толстый брусъ, на который вскакивалъ по временамъ заплечный мастеръ, чтобы тѣмъ скорѣе заставить члены подсудимаго выйдти изъ составовъ; между тѣмъ подъ ногами подсудимаго горѣлъ огонь для усиленія страданій. Иногда на головѣ у подсудимаго выбривали ма-

*) Это называлось «выдать истцу головой до искупа».

**) Маржеретъ 38. Маскѣвичъ 55. — Olearius 160.

***) Ср. «Областн. Учрежд.» Б. *Чичерина*, стр. 45.

кушку и въ то время, какъ онъ висѣлъ, лили на нее сверху холодную воду по каплямъ; рѣдкій преступникъ выдерживалъ это послѣднее испытаніе, добавляетъ Олеарій. Управляющій четью пересылалъ приговоръ думы въ ту область, гдѣ находился преступникъ, для исполненія. Если по этому приговору преступникъ присуждался къ смерти, его вывозили на мѣсто казни съ зажженною восковой свѣчей, которую онъ держалъ въ связанныхъ рукахъ. Виды смертной казни были: повѣшеніе, обезглавленіе, умерщвленіе ударомъ въ голову, утопленіе, погруженіе зимою подъ ледъ, сажаніе на колъ и нѣк. друг. По свидѣтельству Герберштейна, всего чаще употреблялось повѣшеніе; другія болѣе жестокія казни употреблялись рѣдко, развѣ за какія-нибудь необыкновенныя преступленія. За воровство и даже убійство (кромѣ убійства съ цѣлью грабежа) рѣдко подвергали смертной казни *). Герберштейнъ и Флетчеръ говорятъ, что лѣтомъ Москвитяне, занятые войной, рѣдко казнили преступниковъ, но большею частью отлагали исполненіе смертныхъ приговоровъ до зимы, когда преступниковъ вѣшали или убивали ударомъ въ голову и пускали подъ ледъ. Святотатцевъ, по свидѣтельству Петрея, сажали на колъ, и когда преступникъ умиралъ, тѣло его снимали, выносили за городскія ворота и здѣсь, предавъ сожженію, засыпали пепелъ землей **).

Вообще иностранцы замѣтили, что къ смертной казни въ Москвѣ прибѣгали рѣдко; Олеарій замѣчаетъ, что за воровство совсѣмъ никогда не казнятъ смертью въ Московскомъ государствѣ; гораздо охотнѣе употребляли батоги и кнутъ ***). Иностранцы съ ужасомъ говорятъ о же-

*) Ад. Климентъ добавляетъ: Qui secundo (furto) delinquit, illi nasum praecidunt ac stigmate frontem signant; tertia noxa crucem meretur. Multi et insignes sunt crumenisecae; quod si Principis severitas illos non tolleret, non esset resistere illorum proventui. Rer. Moscov. auctores varii, p. 152.

**) Petrejus 319: Etliche, so gespiesset werden, leben bisweilen ein halben oder ganzen Tag, ja bisweilen zweene, wenn der Butte mit dem Staken ult nit das Hertze trifft.

***) Маскѣвичъ разсказываетъ, что въ 1610 г., когда Москва занята

стокости этихъ наказаній и о равнодушіи съ какимъ относились къ нимъ Москвитяне. Батоги были самымъ обыкновеннымъ и употребительнымъ наказаніемъ, которому одинаково подвергались и простые и сановные люди, за важныя и неважныя нарушенія закона. По замѣчанію Таннера, въ Москвѣ рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами *). Часто употреблялся и кнутъ, который иностранцы описываютъ какъ самое жестокое и варварское наказаніе. Обыкновенно ему подвергались за воровство. Вора, попавшагося въ первый разъ, во время Олеарія били кнутомъ, ведя его отъ воротъ Кремля до большаго рынка, гдѣ рѣзали ему одно ухо и запирали на два года въ тюрьму. За вторичное воровство повторяли тоже наказаніе и держали въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока набиралось достаточное число такихъ преступниковъ, послѣ чего ихъ ссылали въ Сибирь, гдѣ они должны заниматься звѣриной охотой въ пользу казны. Олеарій видѣлъ въ 1634 году въ Москвѣ, какъ наказывали кнутомъ 9 преступниковъ, воровски продававшихъ табакъ и водку; между ними была одна женщина **). Кнутъ былъ изъ воловьей жилы и имѣлъ на концѣ три хвоста, острые какъ

была Поляками, одинъ изъ нихъ увелъ дочь у боярина. Паряженный польскій судъ приговорилъ похитителя, по польскимъ законамъ, къ смерти. Но одинъ изъ судей предложилъ судить преступника московскимъ судомъ, на что охотно согласились и Поляки и Москвитяне: виновнаго высѣкли кнутомъ на улицѣ. Сказ. Соврем. о Дим. Самозв., ч. 5-я, стр. 55.

*) Батоги имѣли широкое приложеніе въ частной сферѣ и невсегда считались позорнымъ наказаніемъ. Olear. 231: Jl n'ya point de pere de famille qui ne les fasse donner á ses enfans et a ses serviteurs. О порядкѣ въ какомъ производилось это наказаніе, см. у Олеарія дальше. Срав. P. a Buchau, p. 231.

**) Olear. 232: Ils (преступники) se mettoient l'un apres l'autre sur dos du valet du bourreau, ayans le corps nud jusqu'aux hanches et les pieds attachez ensemble d'une corde, laquelle passoit entre les jambes de ce valet, qui les tenoit par les bras qu'ils avoient á son col, pendant qu'un autre valet tenoit la corde, en sorte qu'ils ne pouvoient pas se remuer.

бритва, изъ невыдѣланной лосьей кожи. Преступникамъ дали по 25 ударовъ, преступницѣ 16. Надо быть Москвитяниномъ, замѣчаетъ Штраусъ, чтобы выдержать четвертую долю такогонаказанія и остаться живымъ. При наказаніи присутствовалъ подъячій съ бумагой въ рукахъ, гдѣ означено было число ударовъ для каждаго преступника; всякій разъ, какъ заплечный мастеръ отсчитывалъ предписанное число ударовъ, подъячій кричалъ: „полно". Послѣ того преступниковъ связали попарно, продававшимъ табакъ повѣсили на шею по рожку съ табакомъ, а продавцамъ водки по стклянкѣ съ этимъ напиткомъ и въ такомъ видѣ повели всѣхъ по городу, хотя нѣкоторые не могли уже стоять на ногахъ; при этомъ ихъ продолжали бить кнутомъ. Прошедши съ полмили, ихъ повели опять на мѣсто наказанія и тутъ отпустили. Часто наказаніе кнутомъ оканчивалось смертью наказаннаго. За употребленіе табаку во время Олеарія рвали ноздри. Таннеръ описываетъ видѣнное имъ въ Москвѣ и сильно поразившее его наказаніе женщины за убійство мужа. Завязавъ преступницѣ руки назадъ, ее (denudatam) закопали по поясъ въ землю; въ такомъ положеніи она должна пробыть трое сутокъ, не подвергаясь далѣе никакому наказанію *). На ея бѣду напали на нее голодныя собаки, во множествѣ бродившія по городу, и послѣ отчаяннаго сопротивленія несчастной, защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали изъ земли и разнесли по кускамъ. Все это происходило передъ глазами многихъ зрителей, которые не смѣли подать помощь преступницѣ **).

Иностранцы XVII вѣка, описывая московское судопроизводство, умалчиваютъ объ одномъ судебномъ доказательствѣ, именно о *полѣ* ***); у иностранцевъ XVI в. находимъ

---

*) По уложенію, она должна была оставаться въ землѣ, пока умретъ.

**) Olear. 231 и 232 Tanner 81. Korb. 203.

***) У одного Петрея находимъ извѣстія о полѣ, но они не представляютъ ничего новаго въ сравненіи съ извѣстіями писателей XVI в. и даже, можетъ-быть, заимствованы у послѣднихъ. Petr. 319.

объ этомъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій. Когда дѣло не уяснялось допросомъ, и обѣ стороны представляли равносильныя доказательства, отвѣтчикъ или истецъ говорилъ: „поручаю себя правдѣ Божіей и прошу поля.“ Тяжущіеся могли выходить на поединокъ со всякимъ оружіемъ, кромѣ пищали и лука. Бились пѣшіе; бой открывался копьемъ, потомъ принимались за другое оружіе. Иностранцы, выходя на поединки съ Русскими, почти всегда побѣждали послѣднихъ, превосходя ихъ ловкостью и умѣньемъ дѣйствовать оружіемъ. Оба противника имѣли по нѣскольку друзей и доброжелателей, которые, стоя у поля, смотрѣли за боемъ, но безъ оружія, кромѣ развѣ кольевъ, обозженныхъ съ одного конца. Если друзья одного изъ бьющихся замѣчали, что его противникъ бьется не какъ слѣдуетъ, а съ обманомъ, тотчасъ прибѣгали къ своему на помощь; за ними вмѣшивались въ дѣло сторонники другаго поединщика, — и съ обѣихъ сторонъ начиналась драка, пріятно занимавшая зрителей, по замѣчанію Герберштейна: обѣ стороны дрались чѣмъ и какъ ни попало, за волосы, кулаками, кольями и проч. *). Досудившіеся до поля могли вмѣсто себя выставлять драться наемныхъ бойцевъ; Ченслеръ говоритъ даже, что тяжущіеся рѣдко бились сами, а выставляли обыкновенно наемныхъ бойцовъ **). Въ Москвѣ было много такихъ бойцовъ, которые тѣмъ только и промышляли, что по найму выходили драть-

---

*) Если дѣйствительно такъ происходили судебные поединки при Герберштейнѣ, то во второй половинѣ XVI в. поле должно было принять нѣсколько лучшій видъ: по царскому Судебнику у поля могли стоять только стряпчіе и поручники бьющихся, и то безъ всякаго оружія; сторонніхъ людей велѣно было отсылать, а кто не послушается, не пойдетъ, сажать въ тюрьму.

**) Hakl. I, 268: Seldome the parties themselues do fight, except they be Gentlemen, for they stand much upon their reputation, for they wil not fight, but with such as are come of as good an house as themselues. So that if either partie require the combate, it is granted into them, and no champion is to serve in their roome; wherein is no deceit: but otherwise by champions there is.

ся за другихъ на судебныхъ поединкахъ *). Тотъ, чей боецъ оставался побѣжденнымъ, тотчасъ объявлялся виноватымъ и сажался въ тюрьму **).

Такія извѣстія находимъ мы у иностранцевъ о порядкѣ московскаго судопроизводства въ XVI в. Изъ юридическихъ понятій и обычаевъ они указываютъ, между прочимъ, на то, что по взгляду Моствитянъ только государь съ своею думой могъ произносить смертные приговоры надъ свободными и несвободными людьми; изъ намѣстниковъ не многіе пользовались этимъ правомъ. Никто изъ подданныхъ не смѣлъ подвергать другаго пыткѣ. Михалонъ отдаетъ преимущество московскому суду предъ литовскимъ въ томъ отношеніи, что „право суда у Москвитянъ надъ всѣми подданными *бароновъ* и дворянъ, какъ въ гражданскихъ такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, принадлежитъ не частному лицу, а назначенному для этого общественному чиновнику ***).“ Не всѣ классы общества имѣли одинаковое значеніе передъ закономъ, покрайней мѣрѣ въ его приложеніи: показаніе одного знатнаго, по словамъ Герберштейна, имѣло больше силы нежели показаніе многихъ простолюдиновъ. Если, говоритъ Флетчеръ, дворянинъ обокрадетъ или убьетъ бѣднаго мужика, то иногда вовсе и не призывается къ отвѣту; много-много если за мужика его высѣкутъ. Иностранцы говорятъ о „врожденной“ наклонности Москвитянъ къ сутяжничеству и ябедничеству, но съ особенною горечью отзываются они о продажности самаго суда. Судьи, по свидѣтельству Герберштейна, открыто брали взятки, несмотря на строгость государя къ неправдѣ. При этомъ Герберштейнъ передаетъ слышанный имъ разсказъ, рѣзко характеризующій положеніе дѣлъ въ

---

*) Clemens въ Rer. Mosc. auct. var., p. 151: habent pugiles publicos, quibus solo hoc quaestu victus constat.

**) Iов. 48. Herberst. 38—40. Флетчеръ, гл. 14-я.

***) Михалонъ 37. Села и деревни жаловались служилымъ людямъ иногда съ правомъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, но въ XVI в. это не было общимъ правиломъ, какъ говоритъ Ченслеръ. Hakl. I, 267.

тогдашнемъ московскомъ обществѣ: одинъ судья изъ бояръ былъ уличенъ въ томъ, что съ обоихъ тяжущихся взялъ посулы и рѣшилъ дѣло въ пользу того, который далъ больше. Передъ государемъ онъ не запирался во взяткѣ, оправдываясь тѣмъ, что тотъ, въ чью пользу онъ рѣшилъ дѣло, человѣкъ богатый и почтенный, а потому больше заслуживаетъ довѣрія передъ судомъ нежели бѣдный и незначительный его противникъ. Государь, смѣясь, отпустилъ его безъ наказанія, хотя и отмѣнилъ его рѣшеніе. Можетъ быть, замѣчаетъ на это Герберштейнъ, причиной такого корыстолюбія и недобросовѣстности служитъ бѣдность самихъ судей, которая заставляетъ государя смотрѣть сквозь пальцы на ихъ поступки *). Флетчеръ, сказавъ, что единственный законъ въ Московіи есть законъ изустный, т. е. воля царя, судей и другихъ должностныхъ лицъ, оканчиваетъ свой обзоръ московскаго судопроизводства слѣдующими мрачными словами: „Все это показываетъ жалкое состояніе несчастнаго народа, который долженъ признавать источникомъ своихъ законовъ и блюстителями правосудія тѣхъ, противъ несправедливости которыхъ ему необходимо было бы имѣть значительное количество хорошихъ и строгихъ законовъ.“ Мы знаемъ, какъ правительство въ XVI в. хлопотало о составленіи такихъ хорошихъ и строгихъ законовъ; знаемъ, что одно изъ главныхъ отличій царскаго Судебника отъ великокняжескаго въ томъ именно и состоитъ, что первый, вооружаясь противъ несправедливости судей, не ограничивается строгимъ и грознымъ запрещеніемъ судьямъ дружить, мстить и брать посулы, но присоединяетъ къ этому угрозу строго и подробно опредѣленныхъ наказаній за ослушаніе. Хороши или нехороши были эти законы, — но нельзя отвергать, что они были строги. Слѣдоват. главное дѣло было не въ какихъ-либо законахъ, а въ исконныхъ привычкахъ и условіяхъ жизни, создавшихъ эти привычки. Если еще въ XII в. съ сомнѣніемъ спрашивали, какая судьба ожидаетъ тіуна на томъ свѣтѣ, потому что тіунъ несправедливо судитъ, взят-

*) Herbest. 40.

ки беретъ, людей мучитъ; если еще Даніилъ Заточникъ совѣтовалъ не ставить двора близъ княжа двора, потому что тіунъ его какъ огонь, а рядовичи его какъ искры, — то еще съ большею силой можно было повторить и этотъ вопросъ и этотъ совѣтъ въ XVI в. и даже гораздо позже, потому что и въ XVI вѣкѣ и долго послѣ продолжались явленія, вызвавшія этотъ вопросъ и совѣтъ, а явленія продолжались, потому что продолжали дѣйствовать причины ихъ производившія.

Что касается вообще до характера управленія въ Московскомъ государствѣ, то мы находимъ у иностранцевъ XVI в. различные отзывы объ этомъ предметѣ. Іовій изъ разсказовъ московскаго посла заключилъ, что по всѣмъ частямъ государственнаго управленія находятся тамъ прекрасныя учрежденія. Михалонъ хвалитъ московскій порядокъ замѣщенія должностей, говоря, что государь московскій соблюдаетъ равенство между своими чиновниками, не даетъ одному многихъ должностей; начальники лучше обращаются съ подчиненными, зная что осужденному за взятки придется развѣдаться на поединкѣ съ обиженнымъ, хотя бы послѣдній принадлежалъ къ низшему сословію; отъ этого не такъ часто слышатся во дворцѣ жалобы на притѣсненія *). Но совсѣмъ другаго рода отзывы находимъ у тѣхъ иностранцевъ, которые сами были въ Москвѣ и внимательно всматривались въ московскіе порядки. Правленіе въ Московскомъ государствѣ казалось имъ слишкомъ тиранническимъ для христіанскаго государства. По отзыву Флетчера, московская система областнаго управленія была бы не дурна для такого обширнаго государства, по своему удобству для предупрежденія нововведеній, еслибы ея не портила недобросовѣстность правительственныхъ лицъ. Областные правители чужды народу по своимъ интересамъ и не пользуются ни его довѣріемъ, ни любовію. Являясь

*) Іовій 55. — Михал. 57. Московское правительство при Іоаннѣ IV жаловалось, между прочимъ, на то, что «какъ съѣдутъ намѣстники и волостели съ кормленій, и мужики многими исками отыскиваютъ и много въ томъ *кровопролитія* и осквернения сдѣлалось.» Ист. Рос. VII, 14.

ежегодно въ области свѣжими и голодными, они мучатъ и обираютъ народъ безъ всякой совѣсти, стараясь собрать въ свое управленіе столько, чтобы по окончаніи срока, отдавая отчетъ, можно было, не обижая себя, подѣлиться съ управляющимъ чети, который въ надеждѣ на это смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣйствія намѣстника. За это народъ ненавидитъ намѣстниковъ, видя что они поставлены надъ нимъ не столько для того, чтобы оказывать ему правосудіе, сколько за тѣмъ, чтобы угнетать его и снимать съ него шерсть не одинъ разъ въ годъ, какъ владѣлецъ съ своей овцы, а стричь и обрывать его въ продолженіе всего года. Далѣе иностранцы указываютъ на недостатокъ единодушія и общности интересовъ не только между управителями и управляемыми, но и вообще между служилыми людьми и простымъ народомъ. Флетчеръ въ раздумьи останавливается на разныхъ элементахъ Московскаго государства и ищетъ, нѣтъ ли гдѣ такихъ общественныхъ силъ, которыя могли бы излѣчить эти язвы государства, — но нигдѣ не находитъ такихъ цѣлебныхъ силъ, — ни въ дворянствѣ, ни въ дьякахъ, ни въ войскѣ, ни въ простомъ народѣ. Дворянство безсильно предъ государемъ, бѣдно; областные правители также не могутъ достигнуть значительнаго вліянія, потому что назначаются на короткое время и чужды, даже ненавистны народу; управляющіе четями дьяки, которые хотя и пользуются наибольшимъ вліяніемъ на дѣла, но всѣмъ обязаны царю и служатъ ему одному; войско безусловно предано царю и настоящему порядку, потому что этотъ порядокъ выгоденъ ему, доставляя возможность обижать и грабить простой народъ. Эти части общества всею своею тяжестью лежатъ на простомъ народѣ; одинъ онъ несетъ на себѣ все бремя и не имѣетъ средствъ облегчить его *). Въ заключеніе англійскій наблюдатель дивится, какъ московскіе цари, прочно утвердившись на престолѣ, могутъ довольствоваться прежнимъ неудовлетворительнымъ порядкомъ вещей въ своемъ государствѣ.

*) Флетчеръ, гл. 10-я.

Мы знаемъ, что въ Россіи и вверху и внизу не менѣе Флетчера и всякаго посторонняго наблюдателя чувствовали неудовлетворительнность и темныя стороны управленія. Правительство XVI в. придумывало и пробовало разныя мѣры для улучшенія управленія; по его распоряженіямъ подлѣ намѣстниковъ и волостелей стали появляться выборные, излюбленные старосты съ важнымъ значеніемъ, чтобы „судили они безпосульно и безволокитно.“ И правительство и общество объясняли эту мѣру какъ противодѣйствіе злоупотребленіямъ намѣстниковъ и волостелей съ ихъ тіунами. Со второй половины XVI в. все болѣе и болѣе усиливаются жалобы земскихъ людей на намѣстниковъ и волостелей, которые „многіе города и волости пусты учинили“, — и правительство отмѣняетъ намѣстниковъ и волостелей, объявляетъ учрежденіе излюбленныхъ старостъ общею мѣрой; всякій городъ, всякая волость могла, если хотѣла, избавиться отъ намѣстниковъ и волостелей, получивъ только „откупную“ грамоту. Точно также частное распоряженіе великаго князя Василія Іоанновича о введеніи въ судъ намѣстничій и волостелинъ лучшихъ людей и цѣловальниковъ утверждено въ Судебникѣ сына его какъ общій законъ. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ выразилось стремленіе удовлетворить усилившимся требованіямъ общественнаго порядка, поставить на мѣсто прежней системы кормленій, основанной на частномъ правѣ, другую систему управленія, основанную на государственныхъ началахъ. Съ этою цѣлью начали стѣснять власть намѣстниковъ и волостелей, какъ несовмѣстную съ возникавшимъ государственнымъ порядкомъ: сперва старались положить предѣлы произволу этихъ кормленщиковъ опредѣленіемъ и ограниченіемъ ихъ правъ на подвѣдомственныхъ имъ жителей; потомъ стали отнимать у нихъ многія права и передавать другимъ органамъ управленія, выборнымъ, дьякамъ, городовымъ прикащикамъ. Наконецъ сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ: намѣстники и волостели, представители системы кормленія, замѣнены были воеводами, которые стали появляться во второй половинѣ XVI в., въ видѣ частной мѣры, но въ царствованіе Михаила Ѳедоровича сдѣлались

общимъ учрежденіемъ. По основной мысли этого учрежденія воевода былъ настоящій правитель области, представитель государственнаго порядка, а не кормленщикъ, вѣдалъ дѣла не на себя, какъ послѣдній, а на царя *). Такимъ образомъ государственное начало дѣлало несомнѣнные успѣхи; отражались ли эти успѣхи замѣтными улучшеніями въ практической сферѣ, въ отношеніяхъ органовъ управленія къ управляемымъ? Можетъ-быть, какой-нибудь отвѣтъ на это дадутъ иностранныя извѣстія XVII в., тѣмъ болѣе, что они описываютъ не столько устройство управленія сколько самое его дѣйствіе.

Въ XVII в. система приказовъ еще болѣе усложнилась, и потому еще труднѣе стало распредѣлить ихъ по роду дѣлъ на извѣстныя, точно разграниченныя вѣдомства. Олеарій указываетъ на 6-ть главныхъ отдѣленій или вѣдомствъ которыя собственно составляли кругъ дѣятельности государева совѣта или думы; это были: дѣла иностранныя, дѣла военныя, доходы съ отчины государя, отчеты отъ разныхъ прикащиковъ и управителей, вѣдавшихъ кабацкое дѣло, аппелляціи и рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ и наконецъ рѣшенія по дѣламъ уголовнымъ. Каждому изъ этихъ вѣдомствъ соотвѣтствовалъ одинъ или нѣсколько приказовъ**) Самыми главными изъ этихъ приказовъ Рейтенфельсъ называетъ: Посольскій, Разрядный, Помѣстный, Сибирскій и Приказъ Казанскаго Дворца. Приказами управляли („сидѣли“ въ приказахъ) бояре и другіе думные люди, смотря по важности приказа; только въ двухъ наиболѣе важныхъ приказахъ, Посольскомъ и Разрядномъ, управленіе кото-

*) См. «Областн. Учрежден.» г. Чичерина, стр. 39—54.

**) Наиболѣе полный списокъ приказовъ первой половины XVII в. сообщаетъ Олеарій, насчитывая ихъ 32. Опредѣленіе вѣдомства каждаго приказа у него неполно и часто неточно. За вторую половину вѣка у иностранцевъ не находимъ такого списка. Рейтенфельсъ списываетъ имена и опредѣленія приказовъ у Олеарія, не упоминая о новыхъ приказахъ, явившихся послѣ Олеарія. Мейербергъ насчитываетъ 33 главныхъ приказа. Olear. 224—229. Mayerb. II, 108. Ср. Котош., гл. VII.

рыми требовало особенныхъ знаній, сидѣли не бояре, а думные дьяки, какъ люди болѣе свѣдующіе и опытные въ приказномъ дѣлѣ, хотя въ чиновной іерархіи они стояли ниже даже думныхъ дворянъ. Письменною частью завѣдывали въ качествѣ секретарей простые дьяки, которыхъ было по одному или болѣе въ каждомъ приказѣ; подъ начальствомъ ихъ находились писаря и подьячіе. Все дѣлопроизводство въ приказахъ было письменное. Коллинсъ насмѣшливо замѣчаетъ, что тамъ изводилось столько бумаги, что ею можно было бы покрыть всю поверхность Московскаго государства. Дьяки и подьячіе были завалены работой, которую иногда не успѣвали окончить днемъ и должны были заниматься по ночамъ. Но управляющіе приказами, если вѣрить Маскѣвичу, засѣдали только до обѣдни, при первомъ ударѣ колокола уходили изъ приказовъ, за то строго взыскивали съ подчиненныхъ за опущенія. Корбъ разсказываетъ, что одинъ дьякъ, проработавъ цѣлый день въ своемъ приказѣ, наконецъ рѣшился уйдти домой отдохнуть; за нимъ послѣдовали подьячіе и писцы. Но, вѣроятно, дѣло было спѣшное, и на другой день думный дьякъ, управлявшій приказомъ, рѣшилъ наказать подчиненнаго дьяка за самовольный уходъ батогами, а подьячихъ и писарей привязать къ скамьямъ, чтобъ заставить ихъ работать всю слѣдующую ночь. Писали въ приказахъ обыкновенно на бумажныхъ свиткахъ, аршинъ въ 25-ть или 30-ть длиной, дѣлая ихъ изъ нѣсколькихъ узкихъ листовъ, склеенныхъ вмѣстѣ; во время письма приказный держалъ такой свитокъ не на столѣ, а на колѣняхъ, что очень удивляло иностранцевъ. Приказнымъ запрещено было брать посулы подъ страхомъ наказанія кнутомъ, но они мало смотрѣли на это. Олеарій разсказываетъ объ уловкѣ, посредствомъ которой приказные выманивали подарки у иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Москву: они вызывались достать послу за извѣстную сумму копію какого-нибудь секретнаго акта или распоряженія правительства, касавшагося этого посла; но такъ какъ приказнымъ запрещалось брать изъ приказовъ бумаги на домъ, то они

составляли ложную бумагу и выдавали ее послу за копію съ подлиннаго акта *).

Въ областяхъ были особыя земскія и съѣзжія избы, устроенныя по образцу центральныхъ приказовъ; дѣлами заправляли въ нихъ такіе же чиновные люди, дьяки и подьячіе, какіе сидѣли въ столичныхъ приказахъ. Областями управляли въ XVII в. воеводы. Главнымъ правительственнымъ мѣстомъ, изъ котораго посылались и въ которомъ вѣдались воеводы, былъ Разрядъ **). Воеводы посылались съ однимъ или нѣсколькими товарищами, которыми большею частью были дьяки или подьячіе. Воеводства въ XVII в. давались обыкновенно на три года; рѣдкій воевода правилъ одною областью дольше трехъ лѣтъ. Олеарій считаетъ такую краткость срока очень благоразумною мѣрой, которую онъ объясняетъ чисто-государственными соображеніями, именно намѣреніемъ ограничить злоупотребленіе воеводъ, не дать имъ возможности усилиться, предупредить вредные замыслы и т. п. Съ тою же цѣлью, по истеченіи срока, брали съ воеводы отчетъ въ управленіи, принимали жалобы на него отъ областныхъ жителей.

Посмотримъ, на сколько всѣ эти мѣры уменьшали злоупотребленія воеводскаго управленія. Прежде всего встрѣчаемъ извѣстіе, что управители приказовъ, изъ которыхъ посылались воеводы, пользовались этимъ какъ выгодною статьей дохода, и торговали воеводствами ***). Пріѣхавъ въ область воевода старался прежде всего съ лихвой вознаградить себя за издержки, которыхъ стоила ему покупка воевод-

*) Маскѣв. 65. Olear 224. Korb. 52.

**) Маржеретъ говоритъ объ одномъ разрядѣ; но были и другіе приказы, изъ которыхъ посылались воеводы. Воеводы назначались царскимъ указомъ, выдававшимся изъ того приказа, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ городъ, куда посылался воевода. См. «Областн. Учрежден.» г. Чичерина, стр. 83.

***) Въ Разрядѣ и Казанскомъ Дворцѣ, по словамъ Татищева, были положены оклады, что за каждый городъ взять; кто платилъ ихъ, тотъ получалъ воеводство. «Областн. Учрежд.», стр. 85.

ства, и бралъ широкой рукою, зная, что начальникъ приказа, отъ котораго онъ зависѣлъ, не дастъ хода жалобамъ обиженныхъ. Былъ особенный, благовидно прикрытый обычаемъ страны способъ, къ которому обыкновенно прибѣгали воеводы для вымоганія подарковъ у областныхъ жителей. Каждый годъ воевода дѣлалъ пиры, на которые приглашалъ наиболѣе зажиточныхъ служилыхъ и торговыхъ людей своей области; послѣдніе хорошо понимали цѣль этихъ пировъ и для избѣжанія непріятностей въ будущемъ старались щедро отблагодарить воеводу за честь, которую онъ имъ дѣлалъ. Сытному кормленію, которымъ пользовались воеводы, подобно прежнимъ намѣстникамъ, соотвѣтствовалъ и ихъ наружный видъ и обстановка, которой они окружали себя. Иностранцы посмѣивались надъ боярской дородностью, которою отличались областные правители *). Олеарій, описывая пріемъ, который сдѣлалъ ему въ 1636 г. нижегородскій воевода, дивится великолѣпію и важности, которыми послѣдній окружалъ себя дома. У воротъ посѣтителей встрѣтили два дворянина, которые провели ихъ длинными сѣнями въ переднюю комнату; здѣсь ждали ихъ два почтенные старца въ богатой одеждѣ, которые ввели гостей къ воеводѣ. Послѣдній былъ одѣтъ въ парчевое платье и окруженъ множествомъ важныхъ лицъ. Комната была убрана турецкими коврами и украшалась большимъ поставцомъ, который весь уставленъ былъ серебряною посудой **).

Мѣры правительства оказывались безсильными противъ обычая. Наказанія за лихоимство въ судѣ, отличавшіяся особенной суровостью, не много имѣли успѣха. Если судья бралъ подарки, его могли уличить собственные его слуги или подарившіе, которые, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло, нерѣдко пользовались этимъ противъ судьи, чтобъ возвратить свои подарки; даже посторонніе люди

*) О тотемскомъ воеводѣ авторъ посольствъ Карлиля замѣчаетъ: il etoit un homme fait à la mode des boyares, grand, gros et gras, comme sont d'ordinaire tous les gonverneurs des provinces. Стр. 106.

**) Маржер. 34 и 35. Olear. 152, 181, 277. Mayerb. I, 152 и 153.

могли доносить на взяточника. Уличенный въ лихоимствѣ долженъ былъ возвратить взятые подарки и подвергнуться правежу, пока не выплачивалъ назначенной пени въ 500, въ 1.000 или болѣе рублей, смотря по сану. Незначительнаго дьяка, уличеннаго въ лихоимствѣ, наказывали кнутомъ, привязавъ лихоимцу къ шеѣ взятую въ подарокъ вещь, кошелекъ съ деньгами, мѣхъ, даже соленую рыбу, потомъ отправляли наказаннаго въ ссылку. Взятки однакожь не истреблялись; хитрецы придумывали способъ обходить законъ: челобитчикъ входилъ къ судьѣ и привѣшивалъ подарки къ образамъ, будто на свѣчи. Были въ ходу и другія уловки: Олеарій говоритъ, что онъ зналъ въ Москвѣ сановниковъ, которые сами не брали посуловъ, но не мѣшали принимать ихъ своимъ женамъ *). Впрочемъ и законъ вынужденъ былъ дѣлать нѣкоторыя уступки укоренившимся обычаямъ: въ продолженіе Святой недѣли судьямъ позволено было, вмѣстѣ съ красными яицами, принимать въ даръ малоцѣнныя вещи и даже деньги отъ рубля до 12; но это не имѣло вида посулы. Всѣ судьи и чиновники должны были довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ государя. Эти извѣстія не позволяютъ считать преувеличенными отзывы иностранцевъ XVII в. о продажности суда въ Московскомъ государствѣ, о томъ что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступленія, которое не могло бы при помощи денегъ у скользнуть отъ наказанія; и такіе отзывы простираются не на одинъ судъ и не на одни второстепенные или отдаленные отъ центра органы управленія: иностранецъ, пріѣхавъ въ Москву, прежде всего узнавалъ, что здѣсь по средствомъ подарковъ можно всего добиться, даже при дворѣ **).

*) Olear. 229. Ср. Котош., гл. VII, ст. 28: «наказанія не страшатся (судьи), отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену или дочерь, или чрезъ сына и брата, не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ.»

**) Olear. 229: Lors que nous arrivasmes á Moscou, l'on nous fit

Такимъ образомъ черты, которыми описывали Московское управленіе иностранцы XVI в., повторяются въ описаніяхъ и XVII, съ тою разницей, что послѣднія больше говорятъ о строгости, съ которой преслѣдовались злоупотребленія. Въ этихъ описаніяхъ ясно видна борьба двухъ противоположныхъ стремленій, господствовавшихъ въ московскомъ управленіи того времени: съ одной стороны правительство старалось ввести понятіе о службѣ государству, какъ объ общественной должности, съ другой— старый обычай заставлялъ смотрѣть на нее только какъ на источникъ кормленія. Само правительство, не вполнѣ освободившись отъ вліянія этихъ старыхъ обычаевъ, дѣлало иногда уступки въ ихъ пользу. Это видно и на важномъ нововведеніи, сдѣланномъ въ чисто-государственномъ духѣ, на учрежденіи воеводствъ: воеводы не получали корма, собирали судебныя пошлины въ казну а не на себя; но служилый человѣкъ, просясь на воеводство, обыкновенно писалъ въ челобитной: „прошу отпустить покормиться“, — и правительство принимало такія просьбы, не видя въ этомъ противорѣчія съ характеромъ воеводскаго управленія; а извѣстія XVII вѣка показываютъ, что приведенныя слова не были одною только формой, удержавшейся по преданію отъ прежняго времени.

Но если органы управленія, подъ вліяніемъ стараго обычая, не во всемъ точно отвѣчали новымъ стремленіямъ и началамъ, которыя проводило государство, то по крайней мѣрѣ взглядъ общества на разныя общественныя явленія дѣлался нѣсколько яснѣе и строже. Олеарій и здѣсь не измѣняетъ своему правилу отмѣчать явленія, которыхъ не находили или не замѣчали предшествовавшіе ему путешественники въ Московію. Наказанія батогами, кнутомъ и т. п. прежде не считались позорными; въ обществѣ не чуждались людей, побывавшихъ за преступленія въ рукахъ заплечнаго мастера; наказаніе кнутомъ за неуголовныя преступленія считали даже царской милостью и наказанные

---

accroire qu'il n'y avait rien que l'on ne pust obtenir de la Cour par le moyens des presens.

благодарили за него царя; кто попрекалъ ихъ кнутомъ, тотъ самъ подвергался за это такому же наказанію. Послѣднее продолжалось и въ XVII в.; но въ обществѣ, какъ видно изъ словъ Олеарія, уже не такъ снисходительно смотрѣли на людей, побывавшихъ подъ кнутомъ или батогами. Подобная же перемѣна произошла, по словамъ Олеарія, и во взглядѣ на исполнителей наказаній. Должность заплечнаго мастера была очень выгодна: кромѣ царскаго жалованья онъ получалъ значительные доходы, тайно продавая водку содержавшимся подъ его надзоромъ арестантамъ и принимая отъ нихъ посулы за обѣщаніе полегче наказывать. Эта должность считалась даже почетною; оттого значительные купцы охотно покупали ее и чрезъ нѣсколько лѣтъ съ выгодой перепродавали другимъ. Олеарій говоритъ, что въ его время, когда Москвитяне начали ближе знакомиться съ болѣе мягкими нравами своихъ сосѣдей, званіе палача не пользовалось уже прежнимъ почетомъ и находило себѣ гораздо меньше охотниковъ *).

VI.

Доходы казны.

Во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія послѣдовали въ описываемое время важныя перемѣны, вызванныя новыми условіями и потребностями, въ которыя болѣе и болѣе вовлекалось Московское государство. Всѣ эти перемѣны, особенно въ войскѣ, усложняя государственныя отправленія, неизбѣжно требовали у государства бо́льшихъ средствъ, бо́льшихъ расходовъ. Мы знаемъ, какъ увеличились средства Московскаго правительства съ объединеніемъ сѣверовосточной Россіи; при всемъ томъ мы видимъ, съ какой заботливостью блюдетъ оно интересъ казны, не говоря уже о томъ, что Московскіе государи издавна отличались бережливостью и разсчетливостью.

*) Маржер. 37. — Olear. 232. — Korb. 203.

Іоаннъ III приказывалъ брать назадъ шкуры барановъ, отпускавшихся на содержаніе иностранныхъ пословъ. Съѣзжалъ намѣстникъ или волостель съ своего намѣстничества или волостельства, а на его мѣсто еще не являлся новый, — правительство спѣшитъ приказать, чтобы въ точности собраны были на государя всѣ кормы, которые слѣдовали намѣстнику или волостелю за этотъ промежутокъ времени. Понадобилось отмѣнить намѣстниковъ и волостелей за ихъ недобросовѣстность и поставить на мѣсто ихъ выборныхъ старостъ, которымъ приказано не брать никакихъ пошлинъ и кормовъ за службу, но эти пошлины и кормы нельзя было оставить совсѣмъ, — и вотъ тщательно высчитываются всѣ расходы города или волости, шедшіе на прежняго намѣстника или волостеля, и переводятся въ оброчную сумму, которую излюбленные головы ежегодно должны были доставлять въ Москву безъ недобору.

Изъ иностранныхъ писателей XVI в. Флетчеръ первый перечисляетъ, хотя далеко не полно, доходы московскаго государя *). Въ XVI в., какъ и въ XV-мъ, управленіе Московскаго государства сохраняло еще черты прежняго княжескаго вотчиннаго хозяйства, имѣло чисто-финансовый характеръ; главною цѣлью всѣхъ правительственныхъ учрежденій было собираніе доходовъ. Высшими изъ этихъ учрежденій, вѣдавшими разныя статьи государевыхъ доходовъ, во второй половинѣ XVI в. были: Дворцовый Приказъ, Четверти и Приказъ Большаго Прихода. Дворцовый Приказъ, или Приказъ Большаго Дворца, получалъ доходы съ городовъ и приписанныхъ къ нимъ селъ и волостей, составлявшихъ собственную отчину царя; эти доходы получались деньгами или натурой; иные крестьяне за пользованіе землей въ царской отчинѣ платили непосредственнымъ трудомъ, обработывая въ пользу царя извѣстное количество земли. Доходъ натурой шелъ на содержаніе двора и на дачу для царской чести, или на царское *жалованье*, излишекъ продавался по выгоднѣйшей цѣнѣ. Флетчеръ и Поссевинъ говорятъ, что въ этомъ случаѣ, для ско-

*) Флетчеръ, гл. 12-я.

рѣйшаго и выгоднѣйшаго сбыта, запрещалось купцамъ продавать такія же произведенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ распроданъ царскій товаръ. При Флетчерѣ отъ продажи этого излишка царская казна выручала до 230,000 рублей въ годъ *), но во время Грознаго, который жилъ роскошнѣе, не болѣе 60,000. По показанію Маржерета, въ Дворцовомъ Приказѣ обыкновенно хранилось отъ 120,000 до 150,000 рубл. наличными деньгами **).

Начальники Четвертей собирали чрезъ областныхъ правителей тягло и подать съ остальныхъ земель государства, распредѣленныхъ между этими приказами. Псковская область ежегодно платила тягломъ и податью около 18,000 рублей, область Новгорода Великаго 35,000, Тверская съ Торжкомъ 8,000, Рязанская 30,000, Муромская 12,000, Казанская 18,000, Устюжская 30,000, Ростовская 50,000, Московская 40,000, Сибирская 20,000, Костромская 12,000. Весь годовой итогъ этой статьи простирался до 400,000 рублей. Взносъ въ казну совершался къ 1-му сентября, т. е. къ началу года. По показанію Маржерета, которое впрочемъ трудно принять буквально, тягло и подать были очень высоки, именно съ выти или участка въ 7 или 8 десятинъ казенные крестьяне платили 10—15, даже 20 рублей, смотря по качеству почвы ***).

Приказъ Большаго Прихода принималъ всѣ пошлины, налоги и другіе сборы. Сумма торговыхъ сборовъ съ большихъ торговыхъ городовъ опредѣлялась напередъ и собиралась цѣловальниками или откупщиками. Столица платила ежегодно торговой пошлины 12,000, Смоленскъ 8,000 Псковъ 12,000, Новгородъ Великій 6,000, Старая Руса (отъ

---

*) По вычисленію Карамзина, около 1,150,000 нашихъ серебряныхъ рублей. Ист. Г. Р., т. X, примѣч. 406.

**) Маржер. 44.

***) Маржеретъ не точно опредѣляетъ выть. Въ выти считалось 12 четвертей посѣва, въ десятинѣ 2 четверти, слѣдоват. выть равнялась 6 десятинамъ. Онъ же говоритъ, что нѣкоторыя чети, какъ Казанская и Новая, пятая, вѣдавшая доходы отъ питейной продажи, сберегали 80—100 тыс. рубл. чистаго дохода.

соляной промышленности) 18,000, Торжокъ 800, Тверь 700, Ярославль 1,200, Кострома 1,800, Нижній 7,000 Казань, 11,000, Вологда 2,000. Пошлинный сборъ съ другихъ городовъ былъ не всегда одинаковъ. Въ тотъ же приказъ шелъ сборъ съ торговыхъ бань и кабаковъ, составлявшихъ монополію казны, также судныя пошлины, простиравшіяся ежегодно до 3,000 руб.; сюда же поступала изъ Разбойнаго Приказа половина имущества всякаго преступника, которая бралась въ пользу царя, и остатки отъ доходовъ другихъ приказовъ, какъ-то: Разряднаго, Стрѣлецкаго, Иноземскаго, Пушкарскаго, Помѣстнаго, Конюшеннаго, которые всѣ имѣли свои особые доходы. Помѣстный, раздавая земли, взыскивалъ за каждую запись по 2, по 3 и по 4 рубли, смотря по величинѣ отводимаго участка, и собиралъ доходы съ помѣстьевъ опальныхъ, пока государь не отдавалъ ихъ кому-нибудь другому *). Конюшенный Приказъ бралъ пошлины съ продаваемыхъ лошадей. Этому приказу доставлялъ большіе доходы конскій торгъ, производившійся въ Россіи Ногайскими Татарами; за каждую проданную лошадь взималось съ продовца и покупателя по 5 коп. на рубль. Какъ значительны были пошлины съ этого торга, можно заключить изъ того, что Ногаи ежегодно пригоняли лошадей въ Россію раза два или три, тысячъ по 40 вдругъ **). Сумма всего годоваго дохода, поступавшаго въ Приказъ Большаго прихода, по Флетчеру, простиралась до 800,000 рублей; при этомъ Флетчеръ ссылается на приходныя книги приказа.

Каждое изъ упомянутыхъ трехъ учрежденій передавало собранный имъ доходъ въ главное казначейство, находившееся въ оградѣ Кремля. Чистый годовой доходъ казны простирался до 1,430,000 рублей ***).

---

*) Ежегодный доходъ этого приказа во время Котошихина простирался до 2,000 рубл. Гл. VII, ст. 8.

**) Маржер. 46. Ср. Котоших., гл. VI, ст. 6. Средняя цѣна ногайской лошади, по показанію Маржерета, была 20 руб.

***) Любопытно сравнить показаніе Флетчера съ показаніемъ Котошихина о суммѣ денежныхъ доходовъ казны въ половинѣ XVII в.:

По свидѣтельству Герберштейна, торговой пошлины взималось со всякаго товара, привознаго и вывознаго, по цѣнѣ, съ рубля по 7 денегъ, кромѣ воска, съ котораго брали по цѣнѣ и вѣсу, по 4 деньги съ пуда *). Судной пошлины взималось по 20 денегъ съ рубля, или по 10% за всякое рѣшеніе по гражданскимъ дѣламъ; кромѣ того со всякаго имени, упоминаемаго въ выдававшихся судебными мѣстами бумагахъ, брали, по словамъ Флетчера, въ пользу царя по 5 алтынъ. Потомъ въ мѣстѣ, гдѣ хранилась меньшая печать, за бумагу платили столько же. — Поссевинъ, Флетчеръ и Гваньини говорятъ о невыносимыхъ податяхъ и налогахъ, которыми обременены были горожане и поселяне. Мы не имѣемъ основанія видѣть въ этихъ словахъ преувеличенія, зная, какія огромныя, небывалыя прежде военныя силы должно было выставлять Московское государство въ царствованіе Іоанна IV и на востокъ и на западъ, какихъ огромныхъ расходовъ требовали продолжительныя войны этого времени. Каждая важная статья расхода на войско вела къ установленію особаго налога: такъ явились „пищальныя деньги," „посошныя деньги", „емчужныя деньги" (на порохъ) и проч. Съ другой стороны, страшное напряженіе и потрясеніе, которое въ это время испытало государство, отъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, должно было вредно подѣйствовать на народное хозяйство и сдѣлать еще болѣе чувствительнымъ бремя, лежавшее на тягломъ народонаселеніи.

Кромѣ денегъ, подать шла и натурой, напр. мѣхами изъ Сибири, Перми и Печоры; по словамъ Герберштейна, въ Пермской области подать платили лошадьми и мѣхами. „Въ

«И всего денежныхъ доходовъ, говоритъ онъ, на всякой годъ въ царскую казну приходитъ во всѣ приказы, со всего государства, кромѣ того, что исходитъ въ городѣхъ, зъ десять сотъ съ триста съ одиннатцать тысячъ рублевъ, окромъ Сибирскіе казны.» См. гл. VII, ст. 48.

*) Въ концѣ XVI в. въ Москвѣ брали торговой пошлины по 8 денегъ съ рубля и эта пошлина называлась *малой*. Истор. Россіи, т. VII, стр. 382.

прошломъ (1688?) году, говоритъ Флетчеръ, собрано въ Сибири царской подати 446 сороковъ соболей, 5 сороковъ куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ". Сверхъ этихъ постоянныхъ доходовъ, по свидѣтельству того же иностранца, много собиралось отъ конфискаціи имущества опальныхъ и отъ чрезвычайныхъ поборовъ съ должностныхъ лицъ, монастырей и проч. По показанію Поссевина, митрополитъ и архіепископы также платили иногда царю подать, или *пособіе*, какъ они называли это.

Иностранцы предполагали у московскихъ государей огромныя богатства; Поссевинъ объясняетъ это тѣмъ, что они собирали все серебро и золото, привозимое въ государство изъ-за границы, и не позволяли вывозить его, кромѣ немногихъ случаевъ; даже у своихъ пословъ, ѣздившихъ за границу, они отбирали серебряныя и золотыя вещи, полученныя послами въ подарокъ отъ иностранныхъ государей. То же говоритъ и Герберштейнъ. Золото, серебро и драгоцѣнные камни считались при московскомъ дворѣ преимущественно заслуживающими пріобрѣтенія; Іоаннъ III постоянно наказывалъ своимъ посламъ искать и добывать ихъ, гдѣ можно. Московскіе государи вообще отличались бережливостью. Михалонъ говоритъ, что московскій государь отлично распоряжается домашнимъ хозяйствомъ; не пренебрегая ничѣмъ, такъ что продаетъ даже мякину и солому; на пирахъ его подаются большіе кубки, золотые и серебряные, называемые *соломенными*, т. е. сдѣланными на деньги, вырученныя отъ продажи соломы. Иностранцы дивились множеству всякой утвари, дорогихъ и красивыхъ одеждъ, находившихся въ царскихъ кладовыхъ; многія изъ этихъ одеждъ предназначались только для выдачи на прокатъ, за извѣстную плату, придворнымъ вельможамъ, когда послѣдніе хотѣли получше нарядиться по случаю какого-нибудь торжества, пріема иностранныхъ пословъ, пира съ друзьями, свадьбы и т. п.; если при возвращеніи одежды она оказывалась хотя немного запятнанною, бравшій ее вельможа долженъ былъ заплатить деньги по оцѣнкѣ и даже подвергнуться тѣлесному наказанію, чтобы впередъ этого не дѣлалъ. Оттуда же брали одежды Москов-

скіе послы, отправляясь за границу. Сокровища государевы хранились въ Москвѣ, на казенномъ дворѣ, а въ случаѣ непріятельскаго вторженія увозились на Бѣлое озеро или въ Ярославль; по словамъ Поссевина, въ послѣднихъ двухъ городахъ государь постоянно сталъ хранить часть своихъ сокровищъ, послѣ крымскаго разгрома 1571 года *).

Въ XVII в. нѣкоторыя статьи государственныхъ доходовъ должны были получить большее развитіе; возникли новые источники доходовъ; и то и другое было необходимо вслѣдствіе расширенія дѣятельности государства и увеличенія его расходовъ. Въ XVII в. издержки на войско еще болѣе увеличились въ сравненіи съ прежнимъ временемъ Мейербергъ называетъ его пропастью, которая поглощаетъ почти всѣ доходы московской казны. Способъ покрытія чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ сохранилъ прежній, случайный характеръ: возникала нужда въ деньгахъ,— государство вводило новый налогъ. Въ мирное время, говоритъ Олеарій, налоги не обременительны, но въ военное увеличивались въ огромныхъ размѣрахъ; такъ, на покрытіе издержекъ второй польской войны, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, взимали пятину, или пятую деньгу по всему государству; при Алексѣѣ Михайловичѣ брали въ началѣ войны двадцатую, а потомъ десятую деньгу; наконецъ также стали брать пятую.

Изъ постоянныхъ доходовъ казны, иностранцы XVII в., въ дополненіе къ извѣстіямъ XVI в., указываютъ между прочимъ слѣдующія статьи:

1) Торговыя пошлины съ Архангельска и Астрахани. По словамъ Олеарія, въ иные годы съ одного Архангельска получалось торговой пошлины больше 300.000 рублей. Когда уничтожены были привилегіи иностранныхъ купцовъ, эти пошлины должны были еще увеличиться: Кар-

*) Herberst. 44, 62 и слѣд., 11.—Possev. 24 и 90.—Михалонъ 57.—Guagnini въ Rer. Mosc. auct. var., p. 181.—Флетчеръ, гл. 12-я. Маржеретъ бывалъ на казенномъ дворѣ и сообщаетъ длинный перечень драгоцѣнныхъ вещей, которыя онъ тамъ видѣлъ. Сказ. Совр. о Дим. Самозв., ч. 3-я, стр. 47—49.

лиль въ рѣчи, произнесенной предъ царемъ, говорилъ, что съ того времени англійскіе купцы платили въ казну пошлины ежегодно по 6.000 рублей. Торговыя пошлины съ Астрахани не были такъ значительны какъ съ Архангельска: по Олеарію, казна получала съ нея больше 12,000 рублей ежегодно *).

2) Доходы отъ питейной продажи. Иностранцы представляли себѣ эти доходы въ огромныхъ, даже невѣроятныхъ размѣрахъ. Кабацкое дѣло въ XVII в. едва ли не было самою выгодною монополіей казны. Во время Олеарія съ трехъ кружечныхъ дворовъ въ Новгородѣ казна получала больше 6.000 ежегоднаго дохода **); если вѣрить Коллинсу, были дворы, приносившіе еще больше, по 10—20 тысячъ рубл. ежегодно. Олеарій говоритъ, что въ Московскомъ государствѣ было больше 1.000 кружечныхъ дворовъ, въ которыхъ продажа пива, меда и водки была исключительнымъ правомъ казны; но это показаніе нельзя принять и за приблизительное. Въ каждомъ небольшомъ городкѣ непремѣнно было по одному кружечному двору, въ нѣкоторыхъ по два, въ большихъ по нѣсколько. Такіе же дворы ставились и въ селахъ, даже отдѣльно, на дорогахъ: Олеарій, плывя по Окѣ, видѣлъ нѣсколько такихъ уединенныхъ дворовъ. Потому Штраусъ имѣлъ нѣкоторое основаніе сказать, что кабаковъ въ Московіи безконечное множество. Въ послѣдніе годы XVII в. казна получала отъ питейной продажи больше 200.000 рублей ежегодно.

3) Доходы отъ продажи соболей и другихъ мѣховъ, поступавшихъ въ казну въ видѣ подати и другими путями, преимущественно изъ Сибири („Сибирская казна“). Добываніе мѣховъ въ Сибири въ пользу казны производилось

---

*) Корбу, кажется, преувеличили количество пошлиннаго сбора съ обоихъ этихъ городовъ; въ его время, какъ сказывали ему, астраханскій и архангельскій порты доставляли казнѣ до 10 милліоновъ имперіаловъ или рублей. Стр. 184.

**) Штраусъ нѣсколько уменьшаетъ эту сумму, говоря что каждый изъ трехъ новгородскихъ дворовъ приносилъ казнѣ ежегодно по 10.000 ливровъ дохода.

ссыльными преступниками и солдатами, которые посылались туда полками обыкновенно на 7 лѣтъ. И тѣ и другіе должны были добыть въ каждую недѣлю извѣстное урочное количество мѣховъ *).

4) Особенный доходъ получался отъ пошлины на икру, которой много шло за границу. При Корбѣ одинъ голландскій купецъ ежегодно платилъ въ казну за право вывоза икры 80.000 рублей.

5) Доходъ отъ желѣзныхъ рудниковъ, который по показанію Невиля, въ концѣ XVII в. простирался до 50.000 рублей.

6) Казна сама была главнымъ купцомъ въ Московскомъ государствѣ; кромѣ продажи произведеній, поступавшихъ въ нее государственнымъ порядкомъ, она совершала и другіе выгодные обороты, скупая и перепродавая внутренніе и привозные товары. Коллинсъ говоритъ, что казна оптомъ скупала всѣ товары, которые привозили Греки и Персіяне, и перепродавала съ большими барышами. Она посылала также въ Архангельскъ огромное количество мѣховъ, масла, пеньки, льна, обмѣнивая ихъ тамъ на шелковыя ткани, бархатъ, парчу, сукно и другіе заграничные товары **). На московскихъ рынкахъ продавалось мясо, орѣхи, яблоки и холсты, принадлежавшіе казнѣ; продававшіе торговцы и торговки громко зазывали къ себѣ покупателей, крича что это царскіе товары. Одною изъ выгоднѣйшихъ статей доходовъ казны были также монетныя операціи. За неимѣніемъ своего серебра казна чеканила серебряную монету изъ привознаго металла; преимущественно употреблялись на это нѣмецкіе и голландскіе рейхсталеры, называвшіеся въ Москвѣ ефимками. Казна принимала отъ иноземныхъ купцовъ по 14 алтынъ или 42 коп.

---

*) Котош., гл. 7: «а сколько числомъ тоѣ (сибирской) казны придетъ въ году, того описати не въ память, а чаять тое казны приходу въ годъ болши шти сотъ тысечь рублевъ». Продажа самыхъ добрыхъ соболей, цѣной свыше 20 рубл. пара, принадлежала одной казнѣ.

**) Ср. Котоших., гл. XII, ст. 1.

ефимокъ, а московской монеты чеканила изъ него на 64 коп., т. е. получала отъ каждаго ефимка по 22 коп. прибыли.

Иностранцы имѣли вообще преувеличенное понятіе о богатствѣ московскй казны, не зная въ точности ея расходовъ. Въ XVII в. государственные доходы, конечно, увеличивались, но не въ такой мѣрѣ, какъ требовали того возраставшія потребности государства. Стоитъ только сравнить показаніе Флетчера о суммѣ денежныхъ доходовъ казны съ такимъ же показаніемъ Котошихина и потомъ взять въ разсчетъ хоть только денежное жалованье войску въ XVII в., чтобы видѣть что увеличеніе государственныхъ доходовъ не шло въ уровень съ возрастаніемъ государственныхъ нуждъ. Это заставляло правительство прибѣгать къ мѣрамъ, истиннаго смысла которыхъ трудно было не понять. Такова наприм., была въ царствованіе Алексѣя Михайловича попытка правительства прибѣгнуть къ кредиту для восполненія недостающихъ средствъ на покрытіе военныхъ издержекъ. Правительство стало выпускать въ обращеніе мѣдныя деньги, давая имъ одинаковую цѣнность съ серебряными *). Сначала операція пошла удачно; мѣдныя деньги ходили наравнѣ съ серебряными и въ продолженіе 5 лѣтъ выпущено было, по показанію Мейерберга, до 200.000 рублей мѣдной монеты. Но скоро обнаружились поддѣлки, производившіяся въ обширныхъ размѣрахъ, благодаря падкости на посулы царскаго тестя Ильи Даниловича Милославскаго и приказныхъ людей **). При Мейербергѣ (въ 1661 г.) въ московскихъ тюрьмахъ содержалось до 400 дѣлателей фальшивой монеты. Потомъ сама казна много повредила ходу мѣдныхъ денегъ, стараясь вытѣснить изъ обращенія и привлечь къ себѣ сереб-

---

*) Мейербергъ такъ опредѣляетъ прибыль, которую получала казна отъ этой операціи: «ayant dépensé cent soixante *copies* pour acheter du cuivre, il (царь) en fit á son profit cent rubles dans ses monnoies, de sorte qu' avec la meme depense dont il payait auparavant un soldat, il en payoit soixante. Mayerb. II, 128.

**) Мейербергъ говоритъ, что Милославскій даже самъ участвовалъ въ поддѣлкѣ монеты и выпустилъ ея на сумму 120.000 рубл. Ibid. p. 130.

ряныя деньги: подати и налоги собирались серебряною монетой, но жалованье ратнымъ людямъ и всѣ уплаты казны выдавалась мѣдною *). Мѣдныя деньги стали быстро падать; послѣдовала страшная дороговизна; хлѣбъ продавался въ 14 разъ дороже прежняго. Чернь начала волноваться и правительство принуждено было отказаться отъ неудачной операціи и изъять изъ обращенія мѣдную монету.

Указаніе на сумму всѣхъ доходовъ казны деньгами мы имѣемъ отъ конца предпослѣдняго десятилѣтія XVII в. Невиль говоритъ, что она не превышаетъ 7 или 8 милл. ливровъ, т. е. была почти та же, какую показываетъ Котошихинъ; слѣдовательно въ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени бѣгства послѣдняго изъ Московскаго государства, до конца правленія Софьи, въ государственныхъ доходахъ не послѣдовало значительнаго приращенія. Но денежные доходы далеко не опредѣляютъ государственныхъ доходовъ того времени; казна по прежнему получала многіе сборы натурой; опредѣлить стоимость такихъ доходовъ затрудняется даже Котошихинъ, такъ близко стоявшій къ дворцовой администраціи **).

Таковы извѣстія иностранцевъ объ устройствѣ и управленіи Московскаго государства. Въ XV в, мы находимъ у нихъ немногія бѣглыя замѣтки: государство еще не установилось, не всѣ стороны его опредѣлились и обозначились. Писатели XVI и XVII в. наблюдали его больше, говорятъ о немъ подробнѣе, но между тѣми и другими есть замѣтная разница. Писатели XVII в. меньше поражаются особенностями, которыя представляло Московское государство западному европейцу; они какъ будто уже привыкли къ нимъ, ихъ сужденія объ этомъ государствѣ становятся

*) Мейербергъ прямо указываетъ на это, какъ на одну изъ причинъ упадка мѣдной монеты: «il (народъ) remarqua qu'elle (дворъ) faisait peu d'etat de sa monnoie et il commensa de même d'en faire peu d'estime». Котошихинъ также указываетъ на то, что «въ государствѣ серебряными деньгами учала быть скудость».

**) Olear. 221, 275 и 319. — Mayerb. II, 119—121. — Carl. 62 и 257.— Tanner 41.—Struys 143.—Neuville 9, 216 и 217.—Korb. 184—186.

все спокойнѣе и сдержаннѣе; они видятъ въ немъ не одни темныя стороны, но охотно указываютъ и на многія свѣтлыя явленія, какія удалось имъ замѣтить, не безъ удовольствія привѣтствуютъ первые начатки преобразованій. Не то у писателей XVI в.; чѣмъ больше вглядываются они въ порядки Московскаго государства, тѣмъ жестче и мрачнѣе становятся ихъ отзывы. Герберштейнъ часто будто невольно прерываетъ свой ровный разсказъ сдержанною, но полновѣсной фразой порицанія и неудовольствія. У Поссевина и Гваньини рѣзкость отзывовъ доходитъ иногда до горечи и злости. Наконецъ Флетчеръ при каждомъ удобномъ случаѣ дѣлаетъ въ своемъ описаніи отступленія, полныя горькихъ и энергическихъ возгласовъ о деспотизмѣ, произволѣ и недобросовѣстности, на которыхъ, по его мнѣнію, основанъ весь государственный порядокъ въ Московскомъ царствѣ; во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ Московскаго правительства онъ видитъ одну цѣль — угнетеніе и разореніе народа, къ которому онъ прилагаетъ всевозможные жалкіе эпитеты. Это постепенное усиленіе рѣзкости и порицанія въ отзывахъ иностранцевъ XVI в., наиболѣе знакомыхъ съ описываемой страной, недостаточно объяснять только тѣмъ, что, ближе всматриваясь въ положеніе Московскаго государства, они яснѣе видѣли и темныя стороны, или тѣмъ, что съ развитіемъ самаго государства и темныя стороны усиливались и выказывались яснѣе. Темныхъ сторонъ, язвъ, которыми страдало государство, было много, и они понятны; понятны и тѣ явленія, которыя такъ непріятно поражали иностранцевъ XVI в. при Московскомъ дворѣ въ эпоху борьбы самодержавія съ дружинными преданіями: въ борьбѣ за жизнь не разбираютъ средствъ и мало думаютъ о приличіи манеръ. Понятно и неодобреніе, которое вызывали эти темныя стороны въ людяхъ съ лучшими понятіями, привыкшихъ къ лучшимъ порядкамъ. Но эти люди видѣли въ Московскомъ государствѣ болѣе, нежели только темныя стороны, исторически образовавшіяся: Поссевинъ и Флетчеръ видятъ во всѣхъ сторонахъ государственнаго устройства Московіи какую-то широкую, строго разсчитанную систему политическаго коварства,

соединеннаго съ произволомъ и насиліемъ. Московскіе государи, конечно, не были похожи на прежнихъ князей — вождей дружинъ, жившихъ день за день, какъ Богъ укажетъ; они рано привыкли заботливо думать о завтрашнемъ днѣ; но видѣть въ созданномъ ими государствѣ то, что видѣли іезуитъ или англійскій докторъ гражданскаго права, значитъ видѣть въ немъ слишкомъ много. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло было гораздо проще. Но, чтобы уяснить себѣ, какъ могъ составиться такой взглядъ, надобно имѣть въ виду тѣ впечатлѣнія, которыя образованный европеецъ прежде всего выносилъ изъ внимательнаго наблюденія надъ ходомъ дѣлъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Если бы онъ нашелъ страну въ первобытной дикости, то отнесся бы къ ней съ любопытствомъ,—и только. О степныхъ татарахъ иностранцы не отзываются съ такой горечью, какъ о Московіи, потому что съ нихъ нечего было и взыскивать, у нихъ не замѣчалось и явленій, которыя могли бы особенно сильно затронуть образованнаго европейца и вызвать въ немъ что-нибудь болѣе простаго любопытства. Татары прямо говорили, что ихъ родина — степь, и дивились, какъ можно жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ душныхъ городскихъ стѣнахъ. Но въ Московскомъ государствѣ XVI в. иностранцы замѣчали широкія претензіи стать наравнѣ съ другими, даже выше многихъ другихъ, замѣчали желаніе вписаться въ число потомковъ Августа и пристать къ семьѣ христіанско-европейскихъ государствъ, при первомъ случаѣ завязать съ ними сношенія, создать общіе интересы, — и при этомъ встрѣчали азіатскую подозрительность къ пришельцамъ изъ христіанской Европы, пренебреженіе, съ которымъ Московскій государь отзывался о западныхъ государяхъ, слышали, что этотъ государь моетъ руки послѣ пріема западно-европейскихъ христіанскихъ пословъ. Одни явленія не позволяли имъ отнестись къ московскому государству, какъ къ первобытной странѣ, а другія отнимали у нихъ желаніе судить о немъ снисходительно, какъ о государствѣ не окрѣпшемъ и не устроившемся окончательно, — и они, не задумываясь долго надъ исторіей, сочли себя въ правѣ приложить къ

нему мѣрку своихъ государствъ, предъ которой Московія, разумѣется, оказалась далеко несостоятельной. Допустивъ одну неправильность, они допустили и другую: недостатки неразвитаго, молодаго государства объяснили причинами, которыя дѣйствуютъ въ государствахъ изжившихся и дряхлѣющихъ. Эта неправильная точка зрѣнія не позволяла имъ видѣть именно ту сторону государства, которая могла дать болѣе простое и естественное объясненіе многихъ явленій, такъ непріятно поражавшихъ въ немъ наблюдательнаго европейца.

VII.

Видъ страны и ея климатъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію сообщаемыхъ иностранцами извѣстій о матеріальномъ состояніи страны и ея жителей, о качествѣ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ государство черпало средства для удовлетворенія своихъ съ каждымъ днемъ умножавшихся потребностей. Экономическая жизнь Московскаго государства занимаетъ въ извѣстіяхъ иностранцевъ гораздо меньше мѣста сравнительно съ другими его сторонами, но за то къ извѣстіямъ этого рода мы въ правѣ относиться съ большимъ довѣріемъ, нежели ко всякимъ другимъ извѣстіямъ иностранца. Факты внѣшней матеріальной жизни доступнѣе точному наблюденію; обсужденіе ихъ оставляетъ меньше простора личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, сильно сдерживаетъ привычку мѣрять явленія чужой жизни своими домашними понятіями. Московія, по описанію иностранцевъ, представляла видъ совершенной равнины, покрытой обширными лѣсами и пересѣкаемой по всѣмъ направленіямъ большими рѣками, обильными рыбой; можно сказать, что вся Московія не что иное, какъ сплошной лѣсъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ его выжгли для обращенія въ поле, годное къ обработкѣ. Поверхность этой равнины рѣдко подымается значительными возвышеніями; часто на обширномъ пространствѣ не встрѣтишь ни одного значительна-

го холма. Страна эта имѣетъ огромное протяженіе въ длину и ширину. Съ юга и частію съ востока она окружена неизмѣримыми пустынями, безлѣсными и скудными водою степями, а съ запада и сѣвера обширными дикими лѣсами или болотистыми мѣстностями.

Благодаря этому, трудно проникнуть въ нее или выйдти изъ нея окольными путями, и каждый долженъ держаться большихъ дорогъ, чтобъ не зайдти въ непроходимыя лѣсистыя или болотистыя мѣста. Крымскіе Татары не даромъ называли лѣса для Московскаго государства „великими крѣпостями“. Лѣса богаты пушными звѣрями, невѣроятно высокими соснами, превосходнымъ дубомъ и кленомъ. Московія казалась западнымъ европейцамъ другой частію свѣта, по выраженію Кампензе, не по одному отдаленному своему положенію на границахъ Азіи и Европы, не по одному своему дикому, пустынному виду, но и по многимъ особенностямъ своей природы, своего климата, отличавшагося рѣзкими противоположностями въ явленіяхъ зимы и лѣта. Западные путешественники съ удивленіемъ разсказываютъ о чудесахъ, которые творитъ тамъ морозъ: отъ его суровости земля трескается, образуя широкія разсѣлины, деревья раскалываются сверху до корня; часто лошади привозятъ сани съ замерзшими сѣдоками; хищные звѣри, гонимые голодомъ и стужей, выбѣгая изъ лѣсовъ и нападая на селенія, врываются въ дома жителей, которые отъ страха разбѣгаются и мерзнутъ подлѣ своихъ жилищъ. Зима смѣняется совершенно другими явленіями. Большія рѣки, пересѣкающія Московію, поднимаясь отъ тающихъ весною снѣговъ, во многихъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, иногда непросыхающею до тѣхъ поръ, пока рѣки опять не покроются льдомъ и болота не окрѣпнутъ отъ мороза на столько, чтобы по нимъ можно было безопасно ходить. Благодаря множеству лѣсовъ, рѣкъ и озеръ, обилію растеній, страна бываетъ чрезвычайно пріятна и прекрасна весной и въ началѣ лѣта; но неумѣренные лѣтніе жары, подобно зимнимъ холодамъ, дѣлаютъ невыносимымъ путешествіе по

странѣ, и сопровождаются печальными явленіями: подъ вліяніемъ знойнаго солнца, отъ громадныхъ лѣсовъ и безчисленныхъ стоячихъ водъ зараждается такое множество комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, что съ трудомъ можно защититься отъ нихъ. Рѣки и источники во многихъ мѣстахъ высыхаютъ, трава и хлѣбъ выгараютъ на лугахъ и поляхъ, отъ чего происходитъ страшная дороговизна жизненныхъ припасовъ *). Такіе жары сильно способствовали пожарамъ, и Герберштейнъ видѣлъ, какъ горѣли деревни, лѣса и поля, покрытыя созрѣвавшимъ хлѣбомъ, весь округъ наполнялся мракомъ и дымомъ, страшно разъѣдавшимъ глаза.

Въ первой четверти XVI в. встрѣчаемъ краткія указанія на то, что глухія лѣсныя пространства начали уступать усиліямъ осѣдлаго населенія, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ можно предполагать большое развитіе промышленной дѣятельности и большую степень населенности. Іовію разсказывали, что лѣса, наполняющіе большую часть Московіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже разчищены и заселены, и теперь не представляютъ такихъ страшныхъ и непроходимыхъ дебрей, какъ прежде. Герберштейнъ также видѣлъ въ Московской области множество пней большихъ деревьевъ и заключаетъ изъ этого, что недавно страна была еще лѣсистѣе **). Воздухъ вообще, особенно въ центральныхъ областяхъ, хорошъ и здоровъ, такъ что тамъ мало слышно о заразительныхъ болѣзняхъ, которыя происходили бы собственно отъ климата. Оттого, когда въ 1654 г. въ Смоленскѣ появилась моровая язва, всѣ были изумлены, тѣмъ болѣе, что никто не помнилъ ничего подобнаго ***).

---

*) Герберштейнъ разсказываетъ, что въ 1525 г. вслѣдствіе засухи хлѣбъ такъ вздорожалъ, что мѣру, стоившую 3 деньги, продавали по 20 и по 30 денегъ. (стр. 45).

**) G. de Lannoy 21. Барбаро 62. Контарини 102, 117. Кампензе 27—31. Іовій 23. Heлbeлst. 45. Oleaл. 18, 121.

***) По словамъ Коллинса, эта язва истребила въ 1655 г. около 800.000 человѣкъ. Петрей замѣчаетъ, что моровая язва чаще появ-

Иногда впрочемъ сильно свирѣпствуетъ и здѣсь болѣзнь, похожая на язву, отъ которой страдаютъ внутренности и голова; Москвитяне называютъ ее „огнива“; заболѣвающіе этой болѣзнью скоро умираютъ, немногіе выздоравливаютъ *).

Пни, видѣнные иностранцами, были остатками вырубленнаго или выжженнаго лѣса: такъ мирный трудъ постепенно завоевывалъ себѣ почву.

VIII.

Почва и произведенія.

Большая часть земель, которыми въ XV и XVI вв. владѣлъ трудъ осѣдлаго Московскаго народонаселенія, далеко не принадлежала къ самымъ плодороднымъ мѣстностямъ восточной европейской равнины. Эти самыя плодородныя мѣстности и въ XVI в., какъ въ X, были притономъ кочевниковъ, и хотя во второй половинѣ XVI в. длиннаи полоса ихъ по Волгѣ вошла въ составъ Московскаго государства, но большей частію была еще недоступна мирному осѣдлому труду, и эти степи лежали впустѣ, продолжая быть спорною землей между Европой и Азіей. Только по нѣкоторымъ угламъ этихъ степей земля обработывалась и являлась во всей силѣ своего плодородія. Въ мѣстахъ по нижнему теченію Дона, гдѣ въ XV в. Татары, не переставая кочевать, занимались немного и земледѣліемъ, даже и при ихъ небрежномъ способѣ обработки, пшеница очень крупная зерномъ, по свидѣтельству очевидца, родилась самъ 50-тъ, а просо самъ 100, и иногда жатва была такъ обильна, что кочевники не знали, куда дѣвать хлѣбъ, и часть его по необходимости оставляли на мѣстѣ **). Но хо-

---

лялась на границахъ Московскаго государства, нежели во внутреннихъ областяхъ. Коллинсъ 177. Petr. 317.

*) Герберштейнъ называетъ эту болѣзнь Calor, Гваньини переводитъ словами «ognyowa febris». Сравн. Petr. 317.

**) Барбаро 37.

тя почва Московскаго государства далеко не могла равняться въ плодородіи съ почвою этихъ степныхъ пространствъ, однако же она большею частію вознаграждала трудъ земледѣльца, и, истощаясь въ однихъ мѣстахъ, представляла въ другихъ нетронутыя нивы, обѣщавшія, по крайней мѣрѣ въ первые годы по выходѣ изъ подъ лѣса, богатую жатву. Мейербергъ рѣшается сказать, что едва ли есть въ мірѣ страна, которой Московія могла бы позавидовать какъ въ доброкачественности воздуха, такъ и въ плодородіи полей. О почвѣ Московскаго государства, замѣчаетъ Олеарій, можно сказать вообще, что она производитъ больше хлѣба и корма для скота, чѣмъ сколько потребляетъ страна. Голландцы не даромъ признавались, что Московія для нихъ тоже, чѣмъ была Сицилія для Рима. О дороговизнѣ тамъ рѣдко слышно. Притомъ въ краяхъ отдаленныхъ отъ судоходныхъ рѣкъ, откуда слѣдовательно трудно возить хлѣбъ на продажу, жители обработываютъ землю только въ такихъ размѣрахъ, чтобы можно было просуществовать въ продолженіи года, не заботясь объ излишкѣ и запасѣ, ибо они знаютъ, что земля всегда дастъ имъ необходимое. Оттого тамъ много прекрасныхъ, но нетронутыхъ или запущенныхъ земель, на которыхъ растетъ одна трава, да и ту не стараются косить, потому что скотъ и безъ того имѣетъ достаточно корма. Описаніе Герберштейна даетъ намъ возможность сравнить качество почвы и зависѣвшее отъ этого развитіе земледѣлія въ разныхъ краяхъ Московскаго государства. По его словамъ, почва собственно московской области не отличается особеннымъ плодородіемъ, потому что почти вездѣ песчанистая, и убиваетъ жатву при малѣйшемъ излишкѣ влажности или сухости. Хлѣбъ и обыкновенныя овощи московская область производитъ въ достаточномъ количествѣ, но ей не достаетъ хорошихъ садовыхъ плодовъ. Почва владимірской и нижегородской области гораздо плодороднѣе: одна мѣра пшеницы на ней даетъ иногда 20, даже 30 мѣръ; но въ этихъ областяхъ тянутся обширныя лѣса. Юговосточная часть владимірской области по р. Клязьмѣ отличается особеннымъ плодородіемъ, въ противоположность менѣе

плодородной и населенной сѣверозападной части. Эти области занимаютъ по плодородію и обилію произведеній второе мѣсто послѣ рязанской области, которая считается самою плодородною изъ всѣхъ областей Московскаго государства; по разсказамъ, каждое зерно даетъ тамъ по два колоса и больше, отчего нивы лѣтомъ такъ густы, что съ трудомъ пройдетъ лошадь и перепела не могутъ вылетѣть изъ чащи колосьевъ.

Такимъ же плодородіемъ отличаются поля, лежащія по теченію Оки. Въ сѣверной странѣ почва, гдѣ обработывается, даетъ хорошій урожай, но такихъ мѣстъ немного; тамъ и сямъ попадаются обширныя пустыни; особенно много лѣсовъ; вокругъ Брянска тянется огромный лѣсъ, имѣющій 24 мили въ ширину; страна подвержена постояннымъ набѣгамъ Татаръ.

Вокругъ Смоленска лежатъ плодородныя возвышенія, но область большею частію покрыта лѣсами. По ту сторону верхней Волги, въ новгородской, вологодской и частію тверской области почва неплодородна; это страны обильныя водой, во многихъ мѣстахъ болотистыя, скудныя хлѣбомъ, и этимъ онѣ рѣзко отличаются отъ странъ по сю сторону Волги, болѣе сухихъ и почти вездѣ имѣющихъ плодородную почву. Ѣхавшій изъ Новгорода въ Москву рѣзко чувствовалъ это различіе двухъ областей въ образованіи поверхности и въ качествѣ почвы: начиная съ средины разстоянія между Вышнимъ-Волочкомъ и Торжкомъ, съ того пункта, гдѣ проходила граница прежнихъ Новгородскихъ владѣній и московской области, по направленію къ Волгѣ, земля становилась замѣтно ровнѣе, плодороднѣе, воздѣлывалась тщательнѣе и повсюду представляла больше хлѣбныхъ полей. Въ ростовской и ярославской области почва еще довольно плодородна, особенно въ мѣстахъ прилежащихъ къ Волгѣ; но далѣе, на сѣверъ, въ областяхъ бѣлозерской, вологодской и устюжской лежатъ обширныя, неплодородныя и невоздѣланныя пространства, наполненныя лѣсами, рѣками и частыми болотами. Это страны пушнаго, рыбнаго и солянаго промысла; земледѣліе находится здѣсь въ самомъ жалкомъ состояніи, въ

большей части мѣстъ здѣсь не знаютъ хлѣба или очень рѣдко употребляютъ его. Тѣми же самыми чертами отличается почва и на сѣверо-востокъ отъ средняго теченія Волги, въ областяхъ вятской, пермской и т. д. Государство присоединяло ихъ къ своимъ владѣніямъ безъ особеннаго труда, но трудно завладѣвало ими мирное населеніе государства; въ XVI в. здѣсь среди лѣсовъ и болотъ много еще бродило хищныхъ кочевниковъ. Герберштейнъ прямо говоритъ, что эти страны пустынны отъ сосѣдства съ Татарами. О вятской и пермской области извѣстія и XVI и XVII вв. говорятъ, что земледѣліе здѣсь не распространено, что туземцы живутъ охотой и рыболовствомъ, не заботясь о хлѣбѣ. Но замѣчательно извѣстіе о горныхъ Черемисахъ и Мордвѣ, жившихъ на правомъ берегу средняго теченія Волги: это также грубые люди, платящіе дань мѣхами; но они народцы осѣдлые, непохожіе на своихъ заволжскихъ сосѣдей, неимѣющіе такой наклонности къ разбойничеству, какъ послѣдніе, и заботливо занимающіеся земледѣліемъ. Такимъ образомъ мы можемъ принять верхнее и среднее теченіе Волги за черту, далѣе которой къ сѣверу и востоку въ XVI в. замѣтно падали успѣхи земледѣлія и культуры*). Иностранныя извѣстія не даютъ намъ указаній на успѣхъ, съ какимъ распространялось земледѣліе на сѣверъ и востокъ отъ Волги въ XVII в. сравнительно съ прежнимъ временемъ. Съ конца XVII в. вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ земледѣліе стало распространяться и по ту сторону Камня, но есть ясныя указанія, что и во второй половинѣ XVII в. земледѣльческій промыселъ находился въ Сибири, какъ и въ Перми съ Вяткой, исключительно въ рукахъ русскихъ поселенцевъ, что туземцы рѣчной области Тобола продолжали попрежнему обходиться безъ хлѣба, питаясь охотой и рыболовствомъ. По описанію Флетчера, плодородныя мѣста лежали между Вологдой и Москвою и далѣе, на югъ, до крымской грани-

*) Herberst. 44—63. Ulfeld. 26. Mayerb. II, 42, 60, 79. Oleer. 118.

цы, между Рязанью и Новгородомъ, между Москвою и Смоленскомъ *).

Извѣстія о земледѣльческомъ хозяйствѣ, впрочемъ немногія, указываютъ, что въ немъ сохранялись еще простые, можно сказать первобытные пріемы. Пахали деревянными орудіями безъ желѣзныхъ сошниковъ; дальнѣйшее разрыхленіе производилось сучковатыми вѣтвями, кой-какъ сколоченными между собою; эту нехитрую борону лошадь возила по полю, разбивала комы вспаханной земли. При такой простотѣ обработки нельзя отказать въ долѣ правды извѣстію Маржерета, что мальчикъ 12 или 15 лѣтъ могъ съ одною лошадью обработать въ день одну или двѣ десятины. Сжатый хлѣбъ располагали кучами или складывали въ видѣ шалашей съ уступами на подобіе ступенекъ, чтобы вѣтеръ свободнѣе могъ проникать въ снопы и просушивать ихъ. Предъ молотьбой хлѣбъ просушивали въ натопленныхъ шалашахъ (овинахъ); такую просушку считали выгодной въ томъ отношеніи, что отвердѣвшія въ дыму и теплѣ зерна могли долго лежать, не подвергаясь порчѣ.

Для молотьбы крестьяне выравнивали передъ овиномъ землю (токъ), въ зимнее время поливали ее водой, и когда такимъ образомъ токъ покрывался льдомъ, на немъ раскладывали снопы и молотили.

Мельницъ водяныхъ и вѣтряныхъ было немного; въ бо́льшемъ употребленіи были домашнія ручныя мельницы, состоявшія изъ двухъ круглыхъ жернововъ, посредствомъ которыхъ каждое крестьянское семейство мололо себѣ столько муки, сколько ему нужно. Озимымъ хлѣбомъ была только рожь; остальные хлѣба сѣялись весной. Рожь сѣяли въ началѣ или половинѣ августа, пшеницу и овесъ, смотря по продолжительности зимы, въ апрѣлѣ или маѣ, ячмень въ концѣ мая. Въ сѣверныхъ частяхъ Россіи сѣяли только за три недѣли до Иванова дня, и меньше чѣмъ чрезъ два мѣсяца хлѣбъ уже поспѣвалъ, благодаря солнечному жару, такъ что въ 9 недѣль успѣвали посѣять,

*) Флетчеръ гл. 2-я.

сжать и свозить хлѣбъ на гумна. Если въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ торговыхъ путей, оставалось безъ употребленія много хорошей земли, удобной для обработки, то, разумѣется, не могли много хлопотать объ удобреніи почвы. Маржеретъ впрочемъ слышалъ, что кой-гдѣ это удобреніе существовало, разумѣя при этомъ, безъ сомнѣнія, центральныя мѣстности государства, гдѣ при бо́льшей густотѣ населенія и сравнительно меньшемъ плодородіи земли съ ней не могли обращаться такъ небрежно, какъ по юговосточнымъ окраинамъ. Коллинсъ замѣчаетъ даже, что въ его время лучшія земли мало приносили дохода, потому что имъ не давали отдыхать, а другія земли отъ недостатка въ людяхъ оставались необработанными *).

Главное произведеніе такой преимущественно земледѣльческой страны, какою было Московское государство, составлялъ, разумѣется, хлѣбъ. Въ Московіи, говоритъ Іовій, нѣтъ ни винограда, ни другихъ нѣжныхъ растеній, но поля покрыты пшеницей, просомъ и другими хлѣбными растеніями, а также всякаго рода зеленью **). Главныя изъ этихъ растеній суть: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, горохъ, греча, просо. Они произрастаютъ даже въ изобиліи, и потому очень дешевы; четверть пшеницы, по свидѣтельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына.

Съ земледѣліемъ тѣсно связывалось скотоводство; оно доставляло важные продукты для заграничной торговли — кожи и сало; оно особенно развито было, по свидѣтельству Флетчера, въ областяхъ Смоленской, Ярославской, Углицкой, Вологодской, Городецкой. Важное мѣсто занимали продукты, которые доставляли лѣсъ и воды. Герберштейнъ во всѣхъ почти областяхъ Московскаго государства указываетъ на добываніе мѣховъ, меда, воска и рыбы; жители почти всѣхъ центральныхъ областей, послѣ земледѣлія, болѣе всего промышляли этими предметами, а въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ земледѣліе было ме-

*) P. a Buchau 249, 310. Маржер. 13, 75. Olear. 118. Carl. 31. Коллинсъ 178.

**) Іовій 39.

нѣе развито, мѣховой и рыбный промыселъ являлись на первомъ планѣ; къ этому еще присоединялось добываніе соли. Потому здѣсь чувствовался сильный недостатокъ въ хлѣбѣ. Пермяки, по свидѣтельству Флетчера, иногда пекли себѣ хлѣбъ изъ корня и коры сносноваго дерева. По словамъ Іовія, природа за недостатокъ драгоцѣнныхъ металловъ щедро вознаградила Московію рѣдкими мѣхами, высоко цѣнившимися за границей. Лѣса областей, ближайшихъ къ центру государства, — Владимірской, Смоленской, Сѣверской и въ мѣстностяхъ по Окѣ, отличались обиліемъ горностаевъ, бѣлокъ и куницъ.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу и сѣверовостоку, тѣмъ болѣе увеличивалось пушное богатство. По свидѣтельству Флетчера, лучшіе собольи мѣха добывались въ областяхъ Печорской, Югорской и Обдорской; низшихъ сортовъ—въ Сибири, Перми и проч. Мѣха черныхъ и красныхъ лисицъ добывались въ Сибири, а бѣлыхъ и бурыхъ въ Печорской и Двинской области; лучшіе мѣха россомахи на Печорѣ и въ Перми, а лучшіе куньи въ Сибири, Муромѣ, Перми и Казани; лучшіе бѣличьи, рысьи и горностаевые шли изъ Галича и Углича, также въ большомъ количествѣ изъ областей Новгородской и Пермской. Лучшіе бобры водились на Мурманскомъ прибрежьѣ, близъ Колы. По свидѣтельству Герберштейна, въ приморскихъ краяхъ Двинской области добывали и отвозили въ Москву много мѣховъ бѣлыхъ медвѣдей. Сибирь, вошедши въ составъ Московскаго государства, заняла почетное мѣсто въ его мѣховой промышленности. Мѣха, особенно куньи, которыхъ, если вѣрить Коллинсу, ниоткуда кромѣ Сибири не вывозили въ его время, были главнымъ предметомъ торговли сибирскихъ жителей. Они ѣздили на охоту толпами, недѣль на 6 или на 7, отправляясь на саняхъ, запряженныхъ въ 30 или 40 собакъ *). Кромѣ туземцевъ, въ XVII в. звѣриный промыселъ былъ обязанностью ссылавшихся въ Сибирь преступниковъ. Лѣсъ доставлялъ и строевой матеріалъ,—необыкновенно высокія сосны, превосходный дубъ и кленъ. Но самыми главными послѣ

*) Коллинсъ 575.

мѣховъ произведеніями Московской земли, которыя доставлялъ лѣсъ, были медъ и воскъ. По словамъ Іовія и Кампензе, вся страна изобиловала плодовитыми пчелами, которыя клали отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, а въ дуплахъ деревьевъ, безъ всякаго присмотра. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ, говоритъ Іовій вѣтви часто бываютъ усѣяны роями пчелъ, и часто можно видѣть, какъ они сражаются между собою и далеко преслѣдуютъ другъ друга. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ и передаютъ ихъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападеній дикихъ пчелъ. Въ древесныхъ дуплахъ часто находятъ большіе соты стараго меда, оставленнаго пчелами; иногда встрѣчаются очень толстые пни, наполненные медомъ. Русскій посолъ разказывалъ Іовію, какъ одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло; тщетно ожидая помощи въ глухомъ лѣсу, онъ два дня питался однимъ медомъ и выведенъ былъ изъ этого затруднительнаго положенія медвѣдемъ, который опустился задними лапами въ то же дупло: поселянинъ схватилъ его руками за хвостъ и закричалъ такъ громко, что испуганный медвѣдь быстро выскочилъ изъ дупла и вытащилъ вмѣстѣ съ собою крестьянина *). Медъ въ значительномъ количествѣ шелъ изъ Мордвы и Кадома, близь земли Черемисъ, также изъ областей Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской **). Рѣки Московіи, говорятъ иностранцы, наполнены рыбой; слѣдовательно развитіе рыболовства, въ извѣстной степени, можно предполагать во всѣхъ областяхъ Московскаго государства. Но рыболовство вмѣстѣ съ звѣроловствомъ усиливалось въ томъ же направленіи, въ которомъ уменьшалось земледѣліе, т. е. къ сѣверу и сѣверовостоку.

Нѣкоторыя рѣки извѣстны были особеннымъ обиліемъ и достоинствомъ своей рыбы. Первое мѣсто между рѣками относительно обилія рыбы занимала Волга. По качеству наи-

*) Кампензе 31. Іовій 39 и слѣд.

**) Флетчеръ гл. 3-я.

болѣе цѣнилась въ торговлѣ Окская рыба, особенно пойманная около Мурома, также рыба изъ Шексны; эта рѣка отличается тою особенностью, что заходящая сюда изъ Волги рыба дѣлается тѣмъ лучше, чѣмъ долѣе остается здѣсь; потому опытные рыбаки, поймавъ рыбу въ Волгѣ, сейчасъ узнаютъ, была ли она и долго ли была въ Шекснѣ. Города, замѣчательные по рыбному промыслу, были: Ярославль, Нижній, Астрахань, Казань, Бѣлоозеро *). Около Астрахани рыболовство производилось въ большихъ размѣрахъ. Вверхъ и внизъ отъ нея по Волгѣ добывалось множество карповъ, стерлядей и бѣлугъ. Штраусъ описываетъ способъ ловли послѣднихъ: въ рѣкѣ вбиваютъ ряды кольевъ въ видѣ треугольниковъ, оставляя небольшіе входы; попавъ сюда, бѣлуга не можетъ выйдти, даже повернуться въ узкомъ пространствѣ. Тогда рыбаки бьютъ ее дротиками и вынимаютъ изъ нея икру; самую бѣлугу солятъ и отправляютъ въ Москву, гдѣ ее покупаетъ простой народъ. Икру, добывавшуюся изъ бѣлуги и осетра, клали въ огромные мѣшки съ солью и, продержавъ тамъ нѣсколько времени, сжимали ее и набивали въ боченки. Астраханская икра славилась въ Европѣ; особенно много вывозили ее въ Италію **).

Солевареніе преимущественно развито было въ сѣверныхъ областяхъ,—Новгородской, Двинской и проч; лучшая соль, и въ большомъ количествѣ, добывалась въ старой Русѣ, гдѣ было много соловаренъ. Герберштейнъ оставилъ краткое извѣстіе о способѣ добыванія здѣсь соли: запрудивъ соляную рѣчку въ большой ямѣ, промышленники проводили воду каналами, каждый къ своей соловарнѣ, и здѣсь выварывали соль. Соль также добывалась въ Перми, Тотьмѣ, на Вычегдѣ, по берегу Бѣлаго моря, на Соловкахъ. Въ двухъ миляхъ отъ Нижняго также было много солеваренъ, представлявшихъ видъ цѣлаго городка; за нѣсколько лѣтъ до Герберштейна онѣ были сожжены Татарами, но при немъ возстановлены по указу государя ***). Ниже Казани

*) Herberst. 44—65. Флетчеръ гл. 3-я.

**) Straus 53.

***) Herberst. l. cit.

извѣстна была по добыванію соли Соляная гора, на правомъ берегу Волги, недалеко отъ впаденія въ нее р. Усы. При подошвѣ горы построено было нѣсколько хижинъ, въ которыхъ жили промышленники; они извлекали соль изъ горы, вываривали ее, потомъ выставляли на солнце и по Волгѣ отправляли въ Москву *) Страна по нижнему теченію Волги занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ московской промышленности по богатству соли. Въ степяхъ на западъ отъ Астрахани было много озеръ, доставлявшихъ превосходную соль. Извѣстнѣйшія изъ нихъ были *Mozakowski* — въ 10 верстахъ, *Kainkowa* — въ 15 и *Gwostoffski* — въ 30 верстахъ отъ Астрахани. Озера эти имѣютъ соляныя жилы, изъ которыхъ соль выплываетъ на поверхность воды слоями, на подобіе льдинъ, толщиною въ палецъ, и отъ солнечнаго жара дѣлается чистою, какъ кристаллъ. Всякій могъ добывать ее, платя въ казну по полукопѣйки съ пуда **). Эта соль имѣетъ запахъ фіалки; Москвитяне добывали ее во множествѣ, свозя ее кучами на берегъ Волги и отсюда переправляя въ другія мѣста. Въ Смоленской и Двинской области въ большомъ количествѣ гнали деготь; въ Угличѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ добывали селитру; по Волгѣ въ маломъ количествѣ добывали сѣру, но не умѣли очищать ее. По словамъ Герберштейна, на разстояніи перелета стрѣлы отъ Бѣлаозера есть сѣрное озеро; вытекающая изъ него рѣчка много уносила сѣрной пѣны, но отъ неумѣнья жителей эта сѣра пропадала безъ пользы. Герберштейнъ указываетъ на добываніе желѣза въ Серпуховѣ, а при Флетчерѣ много добывали его въ Кореліи, Каргополѣ и Устюгѣ. Изъ другихъ произведеній царства ископаемаго въ XVI вѣкѣ добывалась слюда на Сѣверной Двинѣ подлѣ Архангельска и въ Корельской области изъ мягкой скалы. Въ XVII в. рудокопное дѣло въ Россіи приняло большіе размѣры. Къ помянутымъ желѣзнымъ рудникамъ прибавились рудники, открытые, незадолго до пріѣзда Олеарія въ Москву, недалеко отъ Тулы, на границахъ Татаріи; ихъ раз-

*) Olear. 295.
**) Olear. 316.

работывали мастера, высланные царю Саксонскимъ курфюрстомъ. Работами заправлялъ извѣстный Петръ Марселисъ, который устроилъ тамъ плавильню, по условію съ царемъ, и ежегодно поставлялъ ему извѣстное число желѣзныхъ полосъ и огнестрѣльнаго оружія. Пріисканіемъ и разработкой рудниковъ во все описываемое время занимались исключительно иностранцы. Еще въ концѣ XV вѣка нѣмецкіе мастера открыли серебряную и мѣдную руду на рѣкѣ Цымнѣ, въ семи дняхъ пути отъ р. Печоры; но въ XVII в. эти рудники или были оставлены, или разработывались въ незначительныхъ размѣрахъ, такъ что иностранные путешественники почти до конца XVII в. продолжаютъ повторять, что, кромѣ желѣзныхъ, никакихъ другихъ рудниковъ не разработывается въ Московскомъ государствѣ *). Однакожь въ попыткахъ отыскать другіе металлы не было недостатка. Олеарій разсказываетъ, что лѣтъ за 15 до него царю дали знать, что въ одной области непремѣнно найдется золото, если употребить на этотъ предметъ трудъ и деньги; царь поддержалъ предпріятіе, но оно не удалось и повело къ разоренію предпринимателя. Такихъ попытокъ было нѣсколько; постоянная неудача ихъ научила правительство не довѣрять имъ и оно не иначе соглашалось поддерживать ихъ какъ при надежномъ ручательствѣ. Въ бытность Олеарія въ Москвѣ, одинъ англійскій промышленникъ, надѣясь открыть въ одномъ мѣстѣ золото, уговорилъ нѣкоторыхъ своихъ друзей поручиться правительству за сумму, которую онъ испросилъ у него для своего предпріятія. Но попытка опять не удалась, искателя золота посадили въ тюрьму, а поручители принуждены были заплатить за него.

Только во второй половинѣ XVII в. царь приказалъ нѣсколькимъ иностранцамъ осмотрѣть горы за Казанью, по направленію къ Сибири, гдѣ найдены пріиски золотой и серебряной руды **).

---

*) Только Рейтенфельсъ коротко замѣчаетъ, что гдѣ-то у Новгорода добывается мѣдь.

**) Флетчеръ, гл. 3-я. Oleaг. 123 и слѣд. Рейтенф. 47.

Путешественники XVII в. оставили нѣсколько извѣстій о садоводствѣ и огородничествѣ въ Россіи. Герберштейнъ не видѣлъ въ Москвѣ ни хорошей вишни, ни орѣховъ, кромѣ простыхъ лѣсныхъ и, судя по климату, даже не считаетъ страну способной производить хорошіе садовые плоды. Почти всѣ путешественники XVII в. находили противное, указывая на успѣшное разведеніе въ Московіи садовыхъ и огородныхъ растеній. Они пишутъ, что въ областяхъ, не слишкомъ удаленныхъ къ сѣверу, особенно около города Москвы, родятся превосходные плоды, между прочимъ яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина; на огородахъ растутъ разнаго рода овощи и поваренныя травы, огурцы, коренья, дыни и арбузы; особенно много луку и чесноку. Олеарій видѣлъ такіе бѣлые и прозрачные яблоки, что если смотрѣть сквозь нихъ на солнце, безъ труда можно пересчитать въ нихъ зерна. Дыни растутъ въ очень большомъ количествѣ, очень вкусны и иногда бываютъ необыкновено велики: Олеарію подарили въ Москвѣ дыню въ пудъ вѣсомъ; дыни вѣсомъ въ полпуда встрѣчались часто. За то и разведеніемъ ихъ занимались съ особеннымъ стараніемъ и умѣньемъ: сѣмена клали на двое сутокъ въ молоко или въ овечій навозъ, растворенный дождевою водой, чтобы дать имъ размокнуть. Грядки дѣлали для нихъ изъ лошадинаго навоза, который покрывали самой хорошей землей. Въ такія грядки углубляли сѣмена настолько, чтобъ они могли быть не только безопасны отъ холода и при этомъ воспринимать дѣйствіе солнечныхъ лучей, но и пользоваться теплотой, которую доставлялъ имъ снизу навозъ; на ночь, а иногда и днемъ ихъ покрывали постилками *). Олеарій говоритъ, что красивые садовые цвѣты и травы появились въ Москвѣ недавно; здѣсь даже считали ихъ смѣшной забавой; царь Михаилъ Ѳедоровичъ первый началъ украшать свой садъ дорогими травами и растеніями. До этого времени въ Москвѣ знали только дикую розу; гамбургскій купецъ Петръ Марселисъ первый привезъ въ Москву бархатную розу, которая хорошо принялась. Око-

* Olear. 119. Lyseck 53.

ло того же времени голландскіе и нѣмецкіе купцы начали разводить въ Москвѣ спаржу, которая во время Олеарія росла въ изобиліи, въ палецъ толщиной. О салатѣ въ Москвѣ также не имѣли прежде понятія и даже смѣялись надъ иностранцами, что они ѣдятъ траву какъ животныя; но во время Олеарія и въ Москвѣ начинали находить въ немъ вкусъ. Во второй половинѣ XVII вѣка рѣдко можно было встрѣтить въ Москвѣ сколько-нибудь порядочный домъ, садъ котораго не былъ бы наполненъ цвѣтами и салатомъ. Астрахань особенно извѣстна была своими садовыми плодами, яблоками, персиками, дынями, но преимущественно арбузами. Татары привозили ихъ въ городъ возами и продавали по копѣйкѣ пару и больше. Какъ въ Москвѣ западные купцы распространили спаржу и салатъ, такъ и въ Астрахани около того же времени персидскіе купцы положили начало разведенію винограда: одинъ монахъ посадилъ привезенныя ими виноградныя лозы въ своемъ монастырѣ подлѣ города; онѣ принялись, и въ 1613 г., по царскому приказу, тотъ же монахъ устроилъ цѣлый виноградникъ. Дѣло пошло съ такимъ успѣхомъ, что въ 1636 г., когда пріѣхалъ въ Астрахань Олеарій, тамъ не было почти дома, въ которомъ бы не занимались этимъ производствомъ, и оно было такъ выгодно, что иному владѣльцу виноградника приносило болѣе 50 р. дохода. Изъ своего винограда Астрахань выдѣлывала до 60 бочекъ превосходнаго вина *).

IX.

Народонаселеніе.

Иностранцы, писавшіе о Московскомъ государствѣ съ чужихъ словъ, какъ Кампензе и Климентъ, говорятъ, что Московія, не смотря на свою обширность, очень хорошо населена; но принявъ въ соображеніе только то, что въ одной, бо́льшей половинѣ Московской земли преобладали

*) Olear. 317. Tanner 71 Struys 121.

лѣсъ и болото, а въ другой—открытая степь, сосѣдственная съ хищными кочевниками, иностранецъ могъ уже заключить, что эта страна не только не богата, но даже бѣдна населеніемъ. Это замѣтили всѣ иностранцы, бывшіе въ Московіи и внимательно наблюдавшіе ея состояніе. Если бы, говоритъ Флетчеръ, всѣ владѣнія Русскаго царя были заселены такъ, какъ нѣкоторыя мѣста, то онъ превзошелъ бы всѣхъ сосѣднихъ государей своимъ могуществомъ. Подъ этими нѣкоторыми мѣстами англійскій посланникъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, немногія центральныя области государства и немногіе другіе пункты, которые имѣли особенно благопріятныя условія для умноженія народонаселенія. У него и у другихъ иностранцевъ мы находимъ прямыя указанія на скудость населенія по обширнымъ окраинамъ государства, и мы видимъ, какъ близко къ центру подходили эти окраины. Земли по Днѣпру въ настоящее время, говоритъ Кампензе, очень мало населены по причинѣ частыхъ набѣговъ Татаръ *). Та же причина малонаселенности и пустынности указывается иностранцами и въ Сѣверской области. Изъ словъ Барбаро и Контарини видно, что дорога отъ Москвы до Трокъ, въ концѣ XV вѣка, шла пустынными, мало населенными мѣстами, гдѣ изрѣдка мелькали деревеньки. Такъ же дика и пустынна была дорога отъ Москвы до Новгорода, тогда какъ пространство отъ Новгорода до Пскова было заселено нѣсколько гуще и имѣло много деревень и селъ, вслѣдствіе чего путешественники, ѣхавшіе изъ Польши въ Москву, предпочитали путь на Псковъ и Новгородъ, хотя болѣе длинный, прямому и кратчайшему пути на Смоленскъ. Княжество Суздальское и прилежащія къ нему страны въ конецъ разорены и обезлюдѣли отъ постоянныхъ набѣговъ Татаръ **). Если такъ близко къ центру Московскаго государства лежали пустынныя мѣста, то понятно, что населеніе было еще рѣже далѣе за Волгой, къ сѣверу и сѣверовостоку, въ странахъ, гдѣ условій безлюдности было больше и дѣйствовали

*) Кампензе 19.

**) Камп. 25. Іовій 38. Rer. Mosc. auct. var., p. 207.

они сильнѣе нежели въ центральныхъ областяхъ. По словамъ Герберштейна, на луговой сторонѣ средней Волги, противъ земли горныхъ Черемисъ и Мордвы, жилыя мѣста рѣже нежели у послѣднихъ. Англичане писали, что на всемъ пространствѣ отъ Ярославля до Москвы встрѣчаются многолюднѣйшія села; Поссевинъ также говоритъ, ссылаясь на очевидцевъ, что край къ сѣверу отъ Москвы до Вологды вообще имѣетъ сравнительно болѣе густое населеніе, благодаря тому, что сюда не доходятъ татарскіе набѣги; но за то, по свидѣтельству Флетчера, по ту сторону Волги, по дорогѣ между Вологдой и Ярославлемъ, на пространствѣ почти 200 верстъ, встрѣчается по крайней мѣрѣ 50 деревень, въ полмили, даже въ цѣлую милю длиной, совершенно оставленныхъ, такъ что въ нихъ нѣтъ ни одного жителя; тоже можно видѣть и въ другихъ частяхъ государства,—добавляетъ Флетчеръ,—какъ разсказывали люди, которые путешествовали въ этой странѣ болѣе меня. Согласно съ этимъ и Поссевинъ говоритъ, что во владѣніяхъ Московскаго государя иногда на пространствѣ 300.000 шаговъ путешественникъ не встрѣчаетъ ни одного жителя хотя и находитъ пустыя деревни *). Поэтому можно уже, судить о степени населенности въ болѣе отдаленныхъ краяхъ государства **). Герберштейнъ говоритъ, что села въ Двинской области разбросаны на огромныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга ***). Англійскій посолъ Рандольфъ и другіе Англичане, неоднократно ѣздившіе по Сѣв. Двинѣ, говорятъ, что здѣсь по берегамъ только этой рѣки встрѣчались значительныя селенія; вообще же бо́льшая часть этого края, по ихъ словамъ, была вовсе необитаема, покрыта лѣсами, среди которыхъ изрѣдка попадались луга и

*) Possev. 12 и 16. Флетчеръ, гл. 13.

**) Въ первой половинѣ XVI в. въ Двинской области находили мѣста съ хорошими угодьями, «въ которыхъ дворовъ и пашней не бывало никогда, отъ волости они за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ и никакихъ волостей угодья къ тѣмъ мѣстамъ не пришли». Ист. Россіи, т. V, стр. 430.

***) Herberst. 59.

пашни *). Тоже самое, если не въ сильнѣйшей степени, можно было сказать и о странахъ къ востоку отъ средней Волги. Герберштейнъ полагаетъ на огромныхъ пространствахъ отъ Перми до Иртыша, въ земляхъ Тюменьскихъ Татаръ, не болѣе 10,000 жителей. Скорѣе можно заподозрить это показаніе въ преувеличеніи нежели въ чемъ другомъ, зная, что во второй половинѣ XVI в. ближе къ Волгѣ, по Камѣ Строгановы нашли мѣста пустыя, простиравшіяся на 146 верстъ, „на которыхъ пашни не пахиваны, дворы не стаивали, которыя въ писцовыхъ книгахъ, въ купчихъ и правежныхъ не писаны ни у кого“ **). Подобныя же извѣстія находимъ и у путешественниковъ XVII в. На пути отъ Новгорода до Москвы Олеарій также встрѣчалъ большія, но опустѣлыя селенія. Карлиль замѣчаетъ, что бо́льшая часть странъ, подвластныхъ Московскому государству, вовсе не имѣетъ населенія, что даже въ мѣстахъ наиболѣе населенныхъ, по которымъ онъ ѣхалъ, видны только безконечные лѣса. Во второй половинѣ XVII в. между Можайскомъ и Вязьмой путешественникъ долженъ былъ ѣхать 130 верстъ сплошнымъ лѣсомъ, и на этомъ пространствѣ встрѣчалъ только одно селеніе — Царево-Займище. Подобные лѣса тянулись и дальше къ Смоленску, представляя иногда еще свѣжіе слѣды недавно проложенныхъ здѣсь дорогъ. Въ этихъ лѣсахъ изрѣдка встрѣчались деревни, состоявшія изъ 3 — 4 хижинъ ***).

По мнѣнію Поссевина, главною причиной малонаселенности южныхъ и юговосточныхъ окраинъ Московскаго государства были постоянные набѣги Татаръ и другихъ сосѣднихъ кочевниковъ. Кромѣ того онъ говоритъ, что въ царствованіе Іоанна Грознаго населеніе всѣхъ вообще областей значительно уменьшилось: встрѣчавшіяся во многихъ мѣстахъ опустѣлыя деревни, брошенныя поля и молодые лѣса, растущіе тамъ, гдѣ были прежде пашни,—всё это, по его словамъ, служитъ признакомъ, что недавно эти

*) Hakl. I. 422.

**) Herberst. 74. Исторія Россіи, т. VI, стр. 414.

***) Carl. 61. Mayerb. II, 150 — 152. Tanner 42.

мѣста были гораздо населеннѣе. Причиною такой убыли онъ считаетъ продолжительныя и тяжелыя войны Іоанна IV, погубившія много людей. На ту же причину можно было указать и дѣйствительно указывали и въ XVII в.: Коллинсъ завѣряетъ, что въ послѣднее десятилѣтіе (до 1667 г.) русскія области сильно пострадали отъ войнъ, такъ что и въ 40 лѣтъ не поправятся; онъ даже опредѣляетъ, какъ велики были потери въ людяхъ, понесенныя Московскимъ государствомъ отъ этихъ войнъ; онъ не сомнѣвается, что народонаселеніе страны убавилось въ это время по крайней мѣрѣ на двѣ пятыя доли *).

И войны и нападенія степныхъ кочевниковъ, безъ сомнѣнія, сильно мѣшали умноженію населенія, особенно по окраинамъ государства. Но была еще другая причина, незамѣченная, по крайней мѣрѣ ясно не указанная ни Поссевиномъ, ни Коллинсомъ, ни другими иностранцами, которая издавна, но преимущественно со второй половины XVI в., мѣшала умноженію населенія во внутреннихъ областяхъ государства; эта причина—колонизація. На долю Московскаго государства выпала тяжелая задача дать исторію обширнымъ глухимъ пространствамъ, простиравшимся на сѣверъ, сѣверовостокъ и юговостокъ отъ него. Во второй половинѣ XVI в. эти пространства до Камня считались уже въ числѣ владѣній московскаго государя; но чтобъ стать здѣсь твердою ногой, мало было пройдти эти страны съ ратными людьми; надо было ратнымъ людямъ остаться здѣсь и ставить городки, чтобы удерживать окрестныхъ жителей въ повиновеніи и защищать страну отъ бродячихъ сосѣдей. Но чтобы довести свое дѣло до конца, правительству недостаточно было наставить городковъ съ ратными людьми: характеръ новоприобрѣтенныхъ странъ и ихъ первобытныхъ обитателей требовалъ еще мѣръ совсѣмъ другаго рода для окончательнаго присоединенія ихъ къ государству. Въ этихъ странахъ, — пишетъ Матвѣй Мѣховскій, — ни пашутъ, ни сѣютъ, не употребляютъ ни хлѣба, ни денегъ, питаются лѣсными звѣря-

*) Коллинсъ 176 и 592.

ми, пьютъ одну воду, живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, въ шалашахъ изъ прутьевъ; лѣсная жизнь сдѣлала и людей похожими на звѣрей неразумныхъ; одѣваются они въ грубыя звѣриныя шкуры, сшитыя вмѣстѣ какъ ни попало; бо́льшая часть ихъ коснѣетъ въ идолопоклонствѣ, поклоняясь солнцу, лунѣ, звѣздамъ, лѣснымъ звѣрямъ и всему, что̀ ни попадется *). Изъ этой, можетъ-быть, нѣсколько утрированной картины видно, что̀ предстояло государству сдѣлать въ этихъ странахъ по ихъ завоеваніи: надо было подлѣ городковъ съ ратными людьми поселить рабочихъ, пашенныхъ людей, которые утвердили бы здѣсь начала осѣдлаго труда и гражданскаго общежитія. Вотъ причина, отъ которой пустѣли многія деревни, видѣнныя иностранцами, которая постоянно вытягивала населеніе изъ старыхъ областей государства, и безъ того имъ небогатыхъ. Къ концу XVI в. такихъ пространствъ, требовавшихъ населенія, было уже очень много, когда къ нимъ присоединились еще обширныя пустыни за Камнемъ, въ Сибири, съ тѣми же требованіями. На основаніи всего этого мы можемъ предполагать, что движеніе колонизаціи должно было усилиться во второй половинѣ XVI в. Но если иностранцы не видѣли ясно этого движенія и его значенія для внутреннихъ областей государства, то они не могли не замѣтить нѣкоторыхъ явленій, которыми оно обнаруживалось. Герберштейнъ говоритъ, что изъ Рязанской области, по ея присоединеніи къ Москвѣ, много жителей было выведено и разсѣяно по разнымъ колоніямъ. Описывая состояніе русской церкви, тотъ же Герберштейнъ замѣчаетъ, что русскіе пустынники, обратившіе уже многихъ идолопоклонниковъ къ вѣрѣ Христовой, и въ его время продолжали это дѣло, безъ всякихъ корыстныхъ разчетовъ, съ единственною цѣлью сдѣлать угодное Богу, отправлялись въ разныя страны на сѣверъ и востокъ, перенося голодъ и всевозможныя лишенія, даже подвергая жизнь свою опасности, распространяли тамъ слово Божіе и иногда запечатлѣвали его собственною кровію. По словамъ того же иностранца, въ пермскихъ лѣсахъ

*) Rer, Moscovit. auct. varii, p. 209.

и послѣ Св. Стефана оставалось еще много язычниковъ, но иноки, отправляясь туда изъ московскихъ областей, доселѣ не перестаютъ выводить ихъ изъ тьмы заблужденій *). По словамъ Матвѣя Мѣховскаго, въ московскихъ владѣніяхъ переводятъ людей съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну, на новые поселки, замѣщая выведенныхъ другими **). Поссевинъ и Флетчеръ говорятъ, что завоевавъ царства Казанское и Астраханское, Московскій государь построилъ по западному берегу Волги нѣсколько крѣпостей и поставилъ въ нихъ гарнизоны, чтобы тѣмъ удобнѣе было удерживать покоренныхъ въ повиновеніи ***). Флетчеръ говоритъ также, что для удержанія жителей Перми, Печоры и Сибири въ повиновеніи, царь поселяетъ въ этихъ областяхъ столько же Русскихъ, сколько тамъ туземцевъ, и еще гарнизоны, и что въ Сибири, гдѣ продолжаются еще завоеванія, число ратныхъ людей въ построенныхъ тамъ крѣпостяхъ простирается до 6.000 человѣкъ изъ Русскихъ и Поляковъ, въ подкрѣпленіе которымъ царь отправляетъ новыя партіи для поселенія въ новоприобрѣтаемыхъ странахъ. У Герберштейна встрѣчаемъ любопытныя слова, бросающія нѣкоторый свѣтъ и на результаты колонизаціи: описывая Бѣлозерскую область, онъ говоритъ, что туземцы имѣютъ свой языкъ, но теперь почти всѣ говорятъ по-русски; въ Устюжской области туземцы также имѣютъ свой языкъ, но большею частію говорятъ по-русски ****). Это извѣстіе застаетъ финскихъ туземцевъ въ тотъ моментъ, когда они, еще сохраняя черты своей особности, мирно и постепенно сливались съ жившимъ между ними русскимъ населеніемъ. О туземцахъ Перми и Печоры онъ говоритъ только, что они имѣютъ особенный языкъ, непохожій на русскій; но если онъ читалъ въ русскомъ описаніи пути къ Оби, что въ первой четверти XVI в. христіанство проникло даже къ простодушнымъ дикарямъ, жившимъ при

*) Herbert. 48, 31 и 32, 62.

**) Rer. Mosc. auct. varii, p. 209.

***) Possev. 60. Флетчеръ гл. 2-я и 18-я.

****) Herberst 57, 59.

устьяхъ Печоры, то къ концу вѣка мирный подвигъ московскаго населенія не могъ не оставить здѣсь, какъ и въ Перми, еще болѣе замѣтныхъ слѣдовъ по себѣ, которые могли хотя нѣсколько оправдать преждевременно сдѣланное Мѣховскимъ замѣчаніе, что какъ Вогулы, такъ и обитатели Вятки—Русскіе, говорятъ порусски и имѣютъ одну религію съ Русскими *).

Позднѣйшіе писатели сообщаютъ нѣсколько другихъ извѣстій о распространеніи вліянія Московскаго государства на сѣверѣ и сѣверовостокѣ. Агентъ Англійской компаніи Бёрроу доносилъ въ 1576 г., что несмотря на соперничество шведскаго и датскаго королей, московскій царь имѣетъ рѣшительный перевѣсъ во вліяніи на Лопарей, которые принимаютъ его законы и платятъ ему пошлины и налоги. Они язычники, но если кто-нибудь изъ нихъ захочетъ принять христіанскую вѣру, то принимаетъ её отъ Русскихъ, по русскому обряду. Указывается и одинъ изъ проводниковъ этого вліянія: между Кегоромъ и предѣлами Финнмарка есть монастырь Печинго (на р. Печенгѣ), настоятель котораго назначается изъ Москвы. Если между Лопарями возникаетъ тяжба, они обращаются за рѣшеніемъ къ царскимъ чиновникамъ, а если послѣдніе не рѣшатъ дѣла, отправляются въ Москву, къ царю **). Съ конца XVI в. въ Сибири, вмѣстѣ съ распространеніемъ тамъ русскаго населенія, стало распространяться и земледѣліе, и одинъ за другимъ основывались русскіе города ***). Описывая эти города, Мейербергъ указываетъ на нѣкоторыя черты отношеній русскихъ колонистовъ къ туземцамъ. Въ городахъ Тобольскѣ и Тюмени живутъ только Русскіе; туземцамъ здѣсь не позволяютъ жить, и они селятся небольшими мѣстечками подлѣ города, обыкновенно на противоположномъ

*) Rer. Mosc. auct. varii, p. 208.

**) Hakl. I, 467.

***) До начала XVII в. основаны были въ Сибири Тобольскъ въ 1587 году, Пелымъ, Березовъ въ 1592, Тара въ 1594, Нарымъ и Кетскій острогъ въ 1596. Къ концу XVI в. въ Сибири считалось уже 94 города. Карамз. X, примѣч. 44.

берегу рѣки, на которой стоитъ городъ. Въ извѣстное время года сюда собираются туземцы изъ окрестныхъ мѣстъ, чтобы вымѣнять свои мѣха на товары, привозимые изъ Архангельска. Туземцы занимаются звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ, но не воздѣлываютъ земли; послѣднимъ занимаются исключительно русскіе колонисты и ратные люди, поселенные въ городахъ *). Колонисты скоро двинулись за Обь и поселяясь тамъ, привлекали своимъ примѣромъ туземцевъ къ осѣдлости **).

Медленно, но безостановочно шло заселеніе пустынныхъ пространствъ на сѣверовостокѣ; насельникамъ надо было выдерживать упорную борьбу съ природой, но по крайней мѣрѣ здѣсь не предстояло такой же борьбы съ людьми. Колонизація южныхъ и юговосточныхъ степей представляла больше затрудненій и шла еще медленнѣе. Извѣстія XVI вѣка говорятъ о построеніи городковъ по западному берегу Волги, на Мокшѣ, при устьѣ Суры; значитъ, колонизація, хотя медленно, но все-таки овладѣвала теченіемъ Волги, двигаясь по ея горному берегу. Но Донъ оставался пустыннымъ, жилыя мѣста осѣдлаго народонаселенія оканчивались по нему не далеко отъ истоковъ. Герберштейнъ упоминаетъ о монахахъ и пустынникахъ, приносившихъ христіанство къ дикимъ, но не отличавшимся особенною воинственностію сѣвернымъ народцамъ. Необходимость упорной борьбы съ хищными кочевниками южныхъ степей вызывала для колонизаціи дѣятелей другаго рода — казаковъ, воинственныхъ пролагателей путей. Герберштейнъ называетъ Вятскую область убѣжищемъ бѣглыхъ рабовъ; но мы знаемъ, что вообще люди, „которые изъ городовъ и селъ выбиты“, безземельные и бездомные, которыхъ было не мало въ Московскомъ государствѣ, стремились преимущественно въ другую сторону, къ степнымъ окраинамъ государства. Такіе же пролагатели путей выходили и изъ

*) Mayerb. II, 59 и 60.

**) Avril 162: Les Moscovites ont attirez plusieurs de ces peuples errans qui aprés s'être fixez à leur imitation, ont pris goût insensiblement au commerce.

другаго государства, облегавшаго степь съ сѣверозапада; наконецъ магометанскій міръ, навстрѣчу московскимъ и литовскимъ казакамъ, высылалъ своихъ казаковъ съ юга, по нижнему Дону. Такъ съ трехъ сторонъ высылались передовыя воинственныя дружины на эту издавна спорную землю, чтобъ открыть дорогу другимъ, болѣе мирнымъ поселеніямъ: такія поселенія нужны были каждой сторонѣ, чтобъ обезопасить свои границы. У Г. де-Ланноа находимъ любопытный разсказъ, какъ во время его пребыванія въ Монкастро (при устьѣ Днѣстра) въ 1421 г., въ пустынное мѣсто въ степи, неподалеку отъ этого города, гдѣ не было ни лѣса, ни камня, прибылъ подольскій правитель съ 12.000 человѣкъ и 4000 возовъ съ камнемъ и лѣсомъ, и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ построилъ совершенно новую крѣпость, отъ имени Витовта, противъ сосѣднихъ степныхъ кочевниковъ *). Въ половинѣ XV вѣка Барбаро, во время пребыванія своего на Дону, подымался далеко вверхъ по этой рѣкѣ, но изъ его разсказа не видно, чтобы здѣсь гдѣ-нибудь были постоянныя жилища; онъ видѣлъ только бродячихъ Татаръ, которые повременамъ останавливались для посѣва и снятія жатвы **). Въ первой четверти XVI вѣка, когда здѣсь уже владѣли Турки, пространства отъ Волги до Днѣпра были по прежнему пустынны; но на берегу Дона, въ 4-хъ дняхъ пути отъ Азова, былъ уже, по словамъ Герберштейна, городъ Ахасъ, а по Донцу жили осѣдлые Татары, занимавшіеся земледѣліемъ ***).

По слѣдамъ казаковъ изъ Московскаго государства шло въ южныя степи земледѣльческое населеніе.

Въ первой половинѣ XVI вѣка русскія поселенія не шли далеко южнѣе Тулы. Въ началѣ XVII вѣка Маржеретъ говоритъ, что южныя степи населяются болѣе и болѣе, что русскіе построили тамъ много городовъ и крѣпостей. Съ этой стороны Россія обитаема до Ливенъ, т.-е. на 700 верстъ отъ Москвы.

---

*) G. de Lannoy 39.

**) Барбаро 9 и 37.

***) Herberst 74.

Подъ прикрытіемъ ратныхъ людей русское земледѣльческое населеніе шло и дальше, до рѣкъ Псела и Донца, возвращаясь такимъ образомъ въ страну, которую нѣкогда оно должно было бросить на волю степныхъ кочевниковъ. Но здѣсь оно еще ступало робко, жалось къ опорнымъ пунктамъ, гдѣ можно было найдти защиту отъ этихъ кочевниковъ. Тотъ же Маржеретъ замѣчаетъ, что не смотря на плодородіе края, жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ *). Условія Волжскаго края не позволяли русскому земледѣльческому населенію распространяться въ немъ съ такою же быстротой, съ какою заняло его государство. Благодаря торговымъ сношеніямъ западной Европы съ Персіей чрезъ Московское государство, мы имѣемъ отъ XVI и XVII вѣковъ нѣсколько описаній путешествія по Волгѣ, которыя живыми чертами рисуютъ состояніе этого края со времени его завоеванія и мѣры, которыя принимало Московское государство для закрѣпленія его за собой. Въ то время по берегамъ Волги сохранялись еще свѣжіе слѣды стихавшей борьбы съ азіатскимъ востокомъ. Между Казанью и Астраханью путешественнику показывали на обоихъ берегахъ Волги развалины когда-то бывшихъ здѣсь большихъ городовъ, съ которыми связывались болѣе или менѣе сказочныя преданія о татарскихъ завоевателяхъ, преимущественно о Тамерланѣ **) Но вмѣсто этихъ исчезнувшихъ городовъ

*) Маржеретъ 12.

**) Христ. Берроу, плывшему по Волгѣ въ 1579 году, на половинѣ пути между Казанью и Астраханью указывали на высокомъ холму мѣсто, гдѣ стояла прежде каменная крѣпость Oueak (Овечій бродъ) и вокругъ нея городъ, который Русскіе называли Содомомъ; по разсказамъ Русскихъ, этотъ городъ и часть крѣпости были поглощены землей за преступленія жителей. Hakl. I, 472.—Олеарій перечисляетъ слѣдующіе города, когда-то стоявшіе по Волгѣ: Uneroſskoга, исчезнувшій татарскій городъ въ 65-ти верстахъ къ югу отъ Тетюши; далѣе два города, разрушенные Тамерланомъ, изъ которыхъ одинъ назывался Simbersка-gora; за ними на горѣ Arbeuchet видны слѣды города того же имени; за нимъ на правой сторонѣ рѣки видны плодородныя равнины, покрытыя высокою травой, но совершенно не-

путешественники чѣмъ дальше тѣмъ рѣже встрѣчали по Волгѣ жилыя мѣста. Хр. Бёрроу не указываетъ между Казанью и Астраханью ни одного значительнаго поселенія на берегу Волги. Изрѣдка попадались путешественникамъ хижины рыбаковъ и показывались въ прибрежныхъ степяхъ орды кочевниковъ, тащившихъ съ собою на верблюдахъ по нѣскольку сотъ кибитокъ, которыя издали показались Дженкинсону какимъ-то страннымъ подвижнымъ городомъ (*).

Между тѣмъ на концѣ пустыннаго воднаго пути государство стало твердою ногой и принимало дѣятельныя мѣры, чтобы связать этотъ отдаленный пунктъ съ центральными своими областями. Вскорѣ послѣ занятія Астрахани, въ 1558 году, Дженкинсонъ видѣлъ въ Нижнемъ отъѣздъ воеводы, назначеннаго въ Астрахань; онъ отправлялся въ сопровожденіи 500 большихъ кораблей, изъ которыхъ одни были нагружены жизненными припасами, оружіемъ и ратниками, а другіе везли купеческіе товары и пристали къ первымъ, какъ надежной защитѣ. По словамъ Дженкинсона, въ Астрахань ежегодно посылались транспорты съ людьми, жизненными припасами и лѣсомъ на постройку крѣпости (**). Гарнизонъ Астрахани долженъ былъ постоянно держаться на-готовѣ, потому что очень обыкновенны были явленія, подобныя тому, которое описываетъ Бёрроу, бывшій очевидцемъ его во время своего пребыванія въ Астрахани въ 1580 г. 7-го марта въ городѣ поднялась тревога: появились ногайскіе и крымскіе Татары, числомъ до 1500, и стали по обоимъ берегамъ Волги, верстахъ въ 2-хъ отъ острова, на которомъ расположена была Астрахань. На другой день Татары отправили къ воеводѣ гонца съ

обитаемыя; видны лишь слѣды городовъ и селъ, разрушенныхъ Тамерланомъ. Въ 7-ми верстахъ къ югу отъ Царицына видны развалины построеннаго Тамерланомъ (sic) Царева-города (Сарая) съ остатками кирпичныхъ стѣнъ; кирпичи эти возили въ Астрахань на постройку церквей, монастырей и стѣнъ. Olear. 292—307.

*) Hakl. I, 364.

**) Ibid. 365.

извѣстіемъ, что они придутъ къ нему въ гости; послѣдній отвѣчалъ, что онъ готовъ принять ихъ, и взявъ пушечное ядро, велѣлъ гонцу передать своимъ, что у него не будетъ недостатка въ этомъ угощеніи. На третій день пошелъ слухъ, что Татары рѣшились напасть на городъ и готовили фашины изъ тростника, чтобы переплыть на островъ. Но простоявъ еще два дня, Татары ничего не сдѣлали и удалились *). Для вѣрнѣйшаго закрѣпленія за собой Астрахани, государству надо было обезопасить самый удобный путь къ ней по Волгѣ, гдѣ свободно разбойничали окрестные кочевники и казаки,—тѣ самые козаки, которые пролагали государству путь въ эти страны. Дженкинсонъ, проѣзжая въ Астрахань въ 1558 году, еще не видѣлъ по Волгѣ военныхъ поселеній; Берроу, проѣзжая туда же въ 1579, насчитываетъ между Переволокой и Астраханью шесть такихъ поселеній или карауловъ, расположенныхъ по берегамъ и островамъ Волги: первый находился въ семи верстахъ къ югу отъ Переволоки и состоялъ изъ 50 стрѣльцовъ, охранявшихъ это мѣсто въ продолженіе лѣта; второй находился въ 113 верстахъ отъ перваго, третій въ 50 верстахъ отъ втораго, четвертый въ 120 верстахъ отъ третьяго, пятый въ 50 верстахъ отъ четвертаго, наконецъ шестой въ 30 верстахъ отъ пятаго и въ такомъ же разстояніи отъ Астрахани **). Скоро эти караулы одинъ за другимъ стали превращаться въ городки, не теряя своего прежняго значенія сторожевыхъ постовъ: двигаясь среди степей по теченію Волги, государство выводило на правомъ ея берегу рядъ этихъ городковъ и такимъ образомъ связывало съ своимъ центромъ крайній пунктъ волжскаго пути. Не развитіе промышленности и народонаселенія въ центральныхъ областяхъ, а чисто государственныя соображенія создали эти сторожевыя поселенія: здѣсь, какъ и

*) Hakl. I, 473.

**) Первый находился на островѣ Tsaristna, второй назывался Cameni Carawool, третій Stupino, четвертый Palooy (Polowon у Олеарія), пятый Keezeyur (Копаный Яръ у Олеарія), шестой Ichkebre на томъ же мѣстѣ у Олеарія островъ Itziburski). Hakl. I, 472.

на другихъ окраинахъ государства, торговый человѣкъ и земледѣлецъ шли по слѣдамъ стрѣльца и подъ его защитой. Любопытно сравнить приведенное извѣстіе англійскаго купца о волжскихъ караулахъ въ послѣдней четверти XVI в. съ замѣтками, которыя сообщаетъ о городкахъ по нижней Волгѣ Олеарій, проѣхавшій здѣсь во второй четверти XVII вѣка. Саратовъ расположенъ на равнинѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Волги, и населенъ одними московскими стрѣльцами подъ начальствомъ воеводы, котораго посылаетъ туда царь для охраненія страны отъ Калмыковъ, разбойничающихъ значительными толпами въ степяхъ между этимъ городомъ и Астраханью. Въ 350-ти верстахъ ниже, на холму, стоитъ городокъ Царицынъ, построенный въ видѣ параллелограмма, съ 5-ю деревянными бульверками и башнями; все его населеніе состоитъ изъ 400 стрѣльцовъ, которые сторожатъ страну отъ набѣговъ Татаръ и казаковъ и провожаютъ суда, плывущія по Волгѣ. Въ 300 верстахъ отъ Царицына, на высокомъ прямомъ берегу, построенъ городокъ Черный-Яръ, обнесенный оградой изъ толстыхъ досокъ, съ 8-ю деревянными башнями; живутъ въ немъ одни ратные люди, числомъ до 400, которые охраняютъ страну отъ набѣговъ казаковъ и Калмыковъ. Городокъ имѣетъ видъ квадрата, и на каждомъ углу его возвышается караульня, построенная на 4-хъ высокихъ столбикахъ, откуда во всѣ стороны открывается видъ на безпредѣльныя ровныя и безлѣсныя степи. Этотъ городокъ построенъ 9 лѣтъ тому назадъ *), съ цѣлью противодѣйствовать разбоямъ казаковъ, которые не задолго передъ тѣмъ разбили здѣсь торговый караванъ, состоявшій изъ 1500 Москвитянъ, несмотря на охранявшій его конвой стрѣльцовъ **). Спустя 33 года послѣ Олеарія (въ 1669 г.), по тому же пути проѣхалъ Штраусъ, который, повторяя извѣстія Олеарія о городкахъ по Волгѣ, добавляетъ, что въ Черномъ-Яру гарнизонъ составляетъ половину населенія этого города и что при впаденіи рѣки Камышенки въ

*) Олеарій ѣхалъ по Волгѣ въ 1636 году.

**) Olear. 301, 307 и 310.

Волгу за годъ до него построенъ городокъ того же имени, съ цѣлью прекратить разбои донскихъ казаковъ, которые спускались по рѣкѣ Камышенкѣ въ Волгу и разбивали здѣсь торговыя суда. Казаки впрочемъ не унимались и умѣли обходить городъ, перетаскивая свои лодки сухимъ путемъ на колесахъ изъ р. Камышенки въ Волгу *).

Иностранныя извѣстія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь кочевниковъ этого края и на отношенія, въ которыя становилось къ нимъ государство, чтобы подчинить ихъ своему вліянію. Вскорѣ послѣ занятія Астрахани московскими войсками, въ 1558 г., въ приволжскихъ степяхъ, вслѣдствіе междоусобій кочевниковъ, появился голодъ, сопровождавшійся страшнымъ моромъ, который истребилъ, если вѣрить Дженкинсону, до 100,000 человѣкъ; Русскіе, добавляетъ тотъ же путешественникъ, были очень довольны этой смертностью, помогавшею имъ вытѣснить кочевниковъ изъ занимаемыхъ ими степей. Бѣдствіе распространилось и на Астрахань. Дженкинсонъ, пріѣхавшій тогда въ Астрахань, былъ свидѣтелемъ сценъ, какія происходили въ этомъ городѣ и около него. Мучимые голодомъ и язвой, Ногаи во множествѣ подступили къ Астрахани, отдаваясь на волю Русскихъ и прося у нихъ хлѣба. Но въ Астрахани приняли ихъ дурно: многіе изъ нихъ были распроданы Русскими, бо́льшая часть погибла отъ голода, не получивъ просимой помощи; жалко было смотрѣть, пишетъ Дженкинсонъ, на груды мертвыхъ тѣлъ, лежавшихъ по всему острову вокругъ города; остальныхъ прогнали назадъ въ степи. Въ это время, добавляетъ тотъ же путешественникъ, было бы очень легко обратить это злое племя въ христіанскую вѣру **). Съ теченіемъ временн Москва завязывала черезъ Астрахань болѣе дружелюбныя сношенія съ приволжскими кочевниками, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми ихъ ордами. Здѣсь, какъ и на другихъ окраинахъ государ-

*) Struys 163 и 164.

**) Hakl. I, 364: At that time it had bene an easie thing to have converted that wicked nation to the christian faith, if the Russes themselves had bene good christians.

ства, кочевникамъ не позволяли селиться въ самыхъ городахъ, подлѣ московскихъ горнизоновъ. Мирные Ногаи лѣтомъ кочевали по астраханскимъ степямъ *), а съ наступленіемъ зимы подходили къ Астрахани и располагались около нея ордами, не подалеку одна отъ другой, огораживая свои шатры плетнями, что̀ давало поселенію видъ отдѣльнаго города. Этотъ временный ногайскій городъ, или юртъ, по свидѣтельству Хр. Бёрроу, въ 1580 году находился въ трехъ четвертяхъ мили отъ Астраханской крѣпости и заключалъ въ себѣ приблизительно до 7,000 жителей. Зимой, когда замерзали рѣки, на этихъ Ногаевъ часто нападали Калмыки съ Яика. Чтобы дать юртовымъ Ногаямъ возможность защищаться отъ этихъ разбойниковъ, астраханское начальство выдавало имъ на зиму оружіе изъ царскаго арсенала, которое они обязаны были возвратить съ наступленіемъ весны, когда откочевывали въ степи. Они не платили податей царю, но были обязаны служить ему на его недруговъ, что̀ они исполняли охотно, въ надеждѣ поживиться на походѣ добычей. Они имѣли своихъ князей, или мурзъ, но въ обезпеченіе вѣрности царю нѣкоторые изъ послѣднихъ содержались въ Астрахани заложниками **). Въ послѣдней четверти XVII в. юртъ мирныхъ Ногаевъ около Астрахани увеличился; въ его оградѣ была одна мечеть; Авриль насчитываетъ въ немъ до 2,000 шалашей, построенныхъ изъ камыша; по островамъ и берегамъ Волги, въ окрестностяхъ Астрахани, также видно было много ногайскихъ поселеній. Москвитяне, по словамъ Аврила, обходились съ этими Ногаями скорѣе какъ съ союзниками нежели какъ съ подвластными людьми. Москва завязывала дружественныя сношенія и съ Калмыками, мирила ихъ съ Ногаями. При Аврилѣ первые каждую зиму уже мирно приходили изъ-за Яика къ Астрахани и кочевали съ стадами въ степяхъ между Астраханью и Каспійскимъ моремъ. Этихъ гостей бывало больше 100,000.

*) Olear. 319: c'est pourquoi les Moscovites les appellant *Poloutski*, c'est à dire des vagabonds.

**) Hakl. I, 473. — Olear. 319 и 320.

Авриль описываетъ, какъ астраханское начальство встрѣчало „чудовищную толпу этихъ бродягъ“, шедшихъ на зимовку къ Астрахани. Едва заслышавъ объ ихъ приближеніи, воевода посылалъ къ мурзамъ увѣрить ихъ въ скорой доставкѣ поминковъ, а потомъ отправлялъ множество возовъ съ хлѣбомъ, арбузами, водкой и табакомъ, что̀ составляло какъ бы ежегодную дань кочевникамъ, которою откупались отъ ихъ разбоевъ. Зимой Калмыки приходили въ самую Астрахань и продавали здѣсь мѣха и лошадей съ большою выгодой для астраханскихъ купцовъ *).

Движеніе государства въ степяхъ, отдаленныхъ отъ водныхъ путей, шло, разумѣется, медленнѣе нежели по берегамъ большихъ рѣкъ. Направляясь изъ Астрахани къ Москвѣ, Авриль ѣхалъ отъ Саратова трое сутокъ сухимъ путемъ, по пустынѣ, простиравшейся въ длину миль на 40 или даже больше, въ которой онъ нигдѣ не встрѣчалъ ни лѣса, ни человѣческаго жилья. Эта пустыня кончалась не доходя нѣсколько миль до городка Pinzer **). Но начиная отъ этого мѣста, по направленію къ Москвѣ, путешественникъ встрѣчалъ много городковъ и деревень. Въ этихъ мѣстахъ, говоритъ Авриль, землю стали обрабатывать съ недавняго времени. Въ послѣднія войны съ Польшей Москвитяне брали множество плѣнныхъ, которыхъ и поселили въ этомъ краѣ; имъ давали здѣсь нетронутыя земли для разчистки и обработки, и теперь, добавляетъ Авриль, эти земли принадлежатъ къ лучшимъ въ государствѣ ***).

Государство, а за нимъ и русское народонаселеніе утверждалось болѣе и болѣе въ приволжскихъ степяхъ. Иностранные путешественники XVI и XVII в. живыми чертами рисуютъ этотъ полумагометанскій, полуязыческій приволжскій міръ: видно, что это былъ тогда еще первобытный, темный міръ, котораго едва начинало касаться вліяніе гражданственности и культуры. Во второй половинѣ

*) Avril 100.

**) Не Пенза ли, которая означена и на картѣ Авриля вмѣстѣ съ Verchnilomen, Саранскомъ и Кадомомъ.

***) Avril 152 и 153.

XVI в. приволжскіе Татары смѣялись надъ христіанами за то, что они ѣдятъ верхушки травы и пьютъ сдѣланные изъ нихъ напитки *). Для насъ особенно любопытны немногія указанія на слѣды, которые оставляло здѣсь вліяніе завладѣвшаго этимъ міромъ государства. Въ первой половинѣ XVII в. самымъ употребительнымъ языкомъ въ приволжскомъ краѣ былъ русскій. Астраханскіе Ногаи были магометане, но, по свидѣтельству Олеарія, было довольно и такихъ, которые принимали отъ Москвитянъ христіанство. Есть впрочемъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія другаго рода, показывающія, какъ дикіе обитатели приволжскихъ степей и лѣсовъ относились къ обычаямъ и понятіямъ сосѣдняго хрістіанскаго народа. Олеарій передаетъ свой любопытный религіозный разговоръ съ Черемисомъ, котораго онъ встрѣтилъ въ Казани, — съ человѣкомъ бывалымъ и неглупымъ, знавшимъ русскій языкъ. Олеарій сказалъ ему, что безумно поклоняться животнымъ и другимъ тварямъ, какъ дѣлаютъ его соплеменники. Черемисъ отвѣчалъ на это, что поклоняться животнымъ все-таки лучше нежели деревяннымъ расписаннымъ богамъ, которые висятъ на стѣнахъ у Москвитянъ **). Проѣзжая изъ Саратова страною Мордвы, іезуитъ Авриль жалуется на недостатокъ въ Москвитянахъ ревности къ обращенію этихъ язычниковъ, на то, что Мордва, спокойно живя въ своихъ лѣсахъ, доселѣ остается погруженною во мракъ идолопоклонства, и никто не дастъ себѣ труда извлечь ее изъ него. Но вліяніе сосѣдняго народа проникло и сюда: наканунѣ Николина дня Мордва пьянствовала, какъ и Москвитяне ***).

*) Hakl. I, 363.

**) Olear. 281 и 283. Я спросилъ его, говоритъ Олеарій, можетъ ли онъ сказать мнѣ, кто создалъ небо и землю. Собесѣдникъ отвѣчалъ: *tzort snait.*

***) Avril 154—156.

X.

Города.

Между тѣмъ какъ съ распространеніемъ Московскаго государства и народа строились новые городки въ пустынныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, иностранныя извѣстія показываютъ, въ какомъ незавидномъ положеніи находился городъ въ старыхъ областяхъ государства. Мы видѣли, какія особенности должны были броситься въ глаза западному европейцу въ сѣверовосточной Европѣ: въ формѣ поверхности преобладаніе равнины и лѣса, въ формѣ жилыхъ мѣстъ преобладаніе села, деревни. Россію и доселѣ называютъ страною селъ и деревень; тѣмъ лучше шло это названіе къ Московскому государству XVI или XVII в. Когда-то скандинавскія сказанія называли полосу земли по водному пути изъ Варягъ въ Греки „страною городовъ;“ и въ XVI в. эта рѣчная полоса не теряла права на такое названіе; къ ней присоединились еще другія рѣчныя полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не замѣтить, что наибольшее количество городовъ, и наиболѣе значительныхъ, лежитъ по большимъ рѣкамъ, Днѣпру, Окѣ, Волгѣ; но назвать всю область Московскаго государства страною городовъ въ XVI в. было бы слишкомъ неточно какъ по отношенію количества городовъ къ пространству страны, такъ и по характеру самихъ городовъ, изъ которыхъ многіе и очень многіе только носили громкое имя города, но имѣли видъ и значеніе большаго села. XV-й и XVI-й вѣка были временемъ политическаго упадка старыхъ русскихъ городовъ, вслѣдствіе новыхъ историческихъ условій, среди которыхъ они тогда очутились. Старинныя вѣча этихъ городовъ давно замолкли; дольше всѣхъ слышался ихъ голосъ въ Новгородѣ и Псковѣ; наконецъ пали и эти послѣдніе остатки вѣчеваго быта, одинъ въ концѣ XV, другой въ началѣ XVI в. Въ то же время въ нихъ происходитъ усвоеніе чужихъ формъ устройства, раз-

личныхъ по различію историческихъ судебъ, которыя они испытали. Эти историческія судьбы раздѣлили ихъ на двѣ стороны: одни пристали къ Литвѣ и потомъ соединились съ Польшей, другіе отошли къ Московскому государству. Этимъ опредѣлились и тѣ формы устройства, которыя они должны были принять волей или неволей со стороны, такъ какъ свои оказались несостоятельными или несогласными съ тѣми новыми началами, которымъ они должны были подчиниться. Западные и югозападные города чрезъ Польшу принимаютъ во второй половинѣ XV-го и въ первой XVI-го в. Магдебургское право; Новгородъ и Псковъ принимаютъ устройство низовыхъ городовъ Московскаго государства. Но одновременно съ тѣмъ какъ падаютъ старые вѣчевые города, въ сѣверовосточной Россіи поднимаются новые, великокняжескіе. Во главѣ послѣднихъ явилась Москва, которая какъ по географическому положенію, такъ и по значенію стала центромъ государственнаго развитія.

Почти всѣ иностранцы, писавшіе о Московскомъ государствѣ, сообщаютъ намъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія о его столицѣ; самое обстоятельное описаніе ея въ XVI в. находимъ у Герберштейна, который приложилъ къ своимъ комментаріямъ и планъ Московскаго Кремля. По словамъ послѣдняго, городъ Москва лежитъ далеко на востокъ, и если не въ Азіи, то по крайней мѣрѣ на самомъ краю Европы. Іовій говоритъ, что по выгодному положенію своему въ самой населенной странѣ, въ срединѣ государства, по своему многолюдству и *удобству водяныхъ сообщеній*, Москва есть лучшій городъ въ государствѣ, преимущественно предъ другими заслуживаетъ быть его столицей и, по мнѣнію многихъ, никогда не потеряетъ своего первенства. Такъ думали въ XVI в. московскіе люди и думали справедливо; только относительно удобства водяныхъ сообщеній Герберштейнъ замѣчаетъ, что судоходство по Москвѣ-рѣкѣ, между городами Москвой и Коломной, затрудняется извилинами рѣки. Самый городъ весь почти деревянный и очень обширенъ, но издали кажется еще обширнѣе. Это происходитъ отъ того, что почти при каждомъ домѣ есть обширный садъ и дворъ; кромѣ того на краю

города длинными рядами тянутся зданія кузнецовъ и другихъ мастеровъ, употребляющихъ огонь при своихъ работахъ; между этими зданіями также находятся обширныя поля и луга. Поссевинъ приблизительно опредѣляетъ пространство, которое занимала Москва до сожженія ея Татарами (въ 1571 г.), въ 8.000 или 9.000 шаговъ. По Флетчеру, она имѣла тогда до 30 миль въ окружности. Этимъ объясняется, почему Мѣховскій говоритъ, что Москва вдвое больше Флоренціи и Праги, а Англичанамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію въ 1553 году, она показалась съ Лондонъ *); Флетчеръ считаетъ Москву съ слободой Наливками даже больше Лондона. Съ начала XVI в., кажется, стало заселяться и Замоскворѣчье: по словамъ Герберштейна, за нѣсколько лѣтъ до его пріѣзда въ Москву великій князь Василій велѣлъ построить тамъ новую слободу Нали (отъ слова „налей“, infunde) для своихъ тѣлохранителей, которымъ позволено было держать и пить водку, медъ и пиво во всякое время, тогда какъ прочимъ жителямъ это разрѣшалось только въ большіе праздники; поэтому, чтобы другіе не заражались примѣромъ государевыхъ тѣлохранителей, послѣднимъ выстроили жилища за рѣкой, внѣ города. Гваньини прибавляетъ къ этому, что здѣсь же имѣли пребываніе наемные солдаты и пріѣзжіе иностранцы, которые пользовались тою же привилегіей относительно питей. Городъ широко раскидывался большею частью по ровной мѣстности, не сдерживаясь никакими предѣлами, ни рвомъ, ни стѣнами, никакими другими укрѣпленіями. Улицы на ночь загораживались поперекъ положенными бревнами **); какъ только зажигались вечеромъ огни, около этихъ загородокъ становились сторожа, которые никому не позволяли ходить по улицамъ позже урочнаго часа, а кто попадался, того караульные били и обирали или бросали въ тюрьму. Но если шелъ ночью какой-нибудь извѣстный и знатный человѣкъ, сторожа провожали его до

*) Лондонъ въ XV в. имѣлъ не больше 50.000 жителей.

**) «Рѣшетками», которыя вмѣстѣ съ рѣшеточными прикащиками заведены въ Москвѣ въ 1494 году.

дома. Ходить ночью по городу позволено было только по крайней нуждѣ и непремѣнно съ фонаремъ. Такіе же сторожа ставились по той сторонѣ города, съ которой находился открытый входъ въ него, потому что съ другихъ сторонъ городъ окруженъ рѣками Москвой и Яузой; черезъ послѣднюю трудно было переходить, по высотѣ ея береговъ; на ней стояло множество мельницъ. На Москвѣ рѣкѣ было нѣсколько мостовъ. Зимой, когда она покрывалась твердымъ льдомъ, купцы ставили на немъ свои лавки, прекращая почти совсѣмъ торговлю въ городѣ. Сюда свозили на продажу хлѣбъ, дрова, сѣно и битую скотину. Любо смотрѣть, восклицаетъ Контарини, на это огромное количество мерзлой скотины, совсѣмъ уже ободранной и стоящей на льду на заднихъ ногахъ. Здѣсь же происходили конскія скачки и другія увеселенія, откуда многіе возвращались съ сломанными шеями. Городъ въ дождливое время былъ очень грязенъ, потому на площадяхъ и улицахъ строились кой-гдѣ мосты. По словамъ Климента, улицъ было очень много, но расположены онѣ безпорядочно. Флетчеръ упоминаетъ о мостовой, состоявшей изъ обтесанныхъ бревенъ, положенныхъ одно подлѣ другаго безъ всякой связи. Среди города стоитъ крѣпость, омываемая съ одной стороны рѣкой Москвой, а съ другой Неглинной, которая, вытекая изъ болотъ, у верхней части крѣпости разливалась въ видѣ пруда; вытекая отсюда, наполняла рвы крѣпости, на которыхъ стояли мельницы, и наконецъ подъ самою крѣпостью впадала въ Москву. Крѣпость очень велика: въ ней кромѣ обширныхъ дворцовыхъ зданій находились дома митрополита, братьевъ великаго князя (по извѣстію Герберштейна), вельможъ и многихъ другихъ лицъ; кромѣ того въ ней было много церквей, такъ что все это вмѣстѣ давало крѣпости видъ отдѣльнаго, довольно значительнаго города. Въ XV в., по словамъ Барбаро, крѣпость со всѣхъ сторонъ окружена была рощами, но писатели XVI в. о нихъ не упоминаютъ. Путешественники XV в. не сообщаютъ никакихъ извѣстій о стѣнахъ крѣпости. Герберштейнъ говоритъ, что до Іоанна III она окружена была бревенчатыми стѣнами; но мы знаемъ, что каменную

стѣну начали строить еще при Димитріѣ Донскомъ и послѣ неоднократно обновляли. По извѣстіямъ XVI в., крѣпость окружали кирпичныя стѣны съ башнями и бойницами, построенныя итальянскими мастерами, о чемъ Поссевинъ прочиталъ надпись надъ одними изъ кремлевскихъ воротъ, подъ образомъ Богоматери. Во время пребыванія Ченслера въ Москвѣ, здѣсь строились стѣны изъ кирпичей въ 18 футовъ толщиной. По извѣстіямъ конца XVI в., къ главной крѣпости, называвшейся большимъ городомъ, примыкалъ Китай - городъ *), также обнесенный стѣнами, въ которомъ Поссевинъ видѣлъ новыя лавки (вѣроятно, вновь построенныя послѣ 1571 года), расположенныя улицами, по родамъ товаровъ; но эти лавки были такъ малы, что, по выраженію Поссевина, въ одномъ венеціанскомъ магазинѣ найдется больше товаровъ нежели въ цѣломъ ряду московскихъ лавокъ. Барбаро и Контарини говорятъ, что всѣ зданія въ Москвѣ деревянныя, хотя послѣдній засталъ уже здѣсь Аристотеля, и съ конца XV вѣка столица начала украшаться каменными зданіями. Впрочемъ каменныя постройки распространялись медленно. Въ первой половинѣ XVI в. на посадѣ было очень немного каменныхъ домовъ, церквей и монастырей; даже въ Кремлѣ дома и церкви были большею частью деревянные; изъ церквей каменныя были Архангельскій и Успенскій соборы. При Герберштейнѣ начинали строить и другія каменныя церкви. Во второй половинѣ XVI в. ихъ было уже довольно, но изъ домовъ вельможъ было только три каменныхъ. Всѣхъ церквей въ Кремлѣ, по показанію того же иностранца, было 16. На посадѣ было очень много церквей, и многія изъ нихъ, по словамъ Поссевина, стояли, кажется, больше для украшенія города нежели для богослуженія, потому что большую часть года были заперты. Дома были не очень велики и внутри довольно просторны, отдѣлялись другъ отъ друга длинными заборами и плетнями, за которыми жители держали весь домашній скотъ, что, говоритъ Поссевинъ, даетъ имъ видъ нашихъ сельскихъ домиковъ. Дома строи-

*) Построенъ въ 1534 году.

лись очень скоро и дешево; порядочный домъ можно было построить рублей за 20 или 30. Герберштейну сказывали, что въ Москвѣ всѣхъ зданій болѣе 41.000; но онъ самъ называетъ это число едва вѣроятнымъ. Это показаніе повторяетъ и Флетчеръ. О числѣ жителей въ Москвѣ у Герберштейна нѣтъ извѣстія; по показанію Поссевина, ихъ считалось не болѣе 30.000; но при Поссевинѣ, 11 лѣтъ спустя послѣ разгрома 1571 года, Москва была далеко не тѣмъ, чѣмъ была она при Герберштейнѣ. Вокругъ города видно было нѣсколько монастырей, изъ которыхъ каждый казался издали небольшимъ городомъ. Городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ пространными полями, за которыми видны были обширные лѣса *).

Съ бо́льшими подробностями говорятъ о Москвѣ путешественники XVII вѣка. Иностранцы съ любопытствомъ осматривали этотъ большой городъ, давшій имя цѣлой странѣ, тянувшій къ себѣ всю ея жизнь. Наиболѣе полное описаніе Москвы въ XVII в. находимъ у Олеарія и Таннера. Москва лежала въ самой срединѣ государства, почти въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ его границъ, приблизительно во 120 миляхъ, по показанію Олеарія. Издали Москва производила выгодное впечатлѣніе на путешественника своими безчисленными церквами и бѣлыми стѣнами Кремля, возвышавшимися надъ громадной черной массой домовъ. Авриль замѣчаетъ, что видъ на Москву издали есть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, когда-либо имъ видѣнныхъ, по величинѣ и великолѣпію города. Но очарованіе исчезало, какъ скоро путешественникъ въѣзжалъ въ самый городъ: ему представлялись здѣсь неправильныя, неопрятныя улицы, маленькія церкви и множество невзрачныхъ, бѣдныхъ домиковъ; городъ, по замѣчанію Олеарія, казавшійся издали великолѣпнымъ Іерусалимомъ, внутри являлся бѣднымъ Виѳлеемомъ. Улицы были широки, но неровны и бо́льшею частью немощены; въ ненастное время на нихъ вязли по

*) Барбаро 58. — Контарини 108 и слѣд.—Кампензе 23.—Іовій 33—37.—Herberstein 45 и 46.—Clem. Ad. 147.—Guagn. 155.—Possev. 14—17.—Флетчеръ, гл. 4-я.

колѣно въ грязи, хотя кой-гдѣ клались, какъ ни попало, бревна и небольшіе мосты. Нѣкоторыя улицы вымощены были досками и круглыми бревнами, положенными поперекъ улицы съ насыпанной въ промежуткахъ землей; оттого по нимъ обыкновенно ѣздили на некованныхъ лошадяхъ. По замѣчанію Рейтенфельса, на этихъ улицахъ въ лѣтнее время было или пыльно или грязно, но за то зимой — гладь. Только при кн. В. В. Голицынѣ и по его распоряженію весь городъ былъ вымощенъ досками; но со времени опалы этого вельможи мостовая его, по словамъ Невиля, поддерживалась только на главныхъ улицахъ. Неопрятность улицъ заставляла иногда принимать мѣры, которыя очень удивляли иностранцевъ: во время крестныхъ ходовъ, впереди духовенства и образовъ шло до 100 человѣкъ съ метлами, которые разчищали улицы и усыпали ихъ пескомъ. Путешественники XVII в. говорятъ, что городъ наполненъ деревянными домами. Дома казались иностранцамъ низкими и некрасивыми, строились обыкновенно въ два жилья, изъ сосновыхъ или еловыхъ брусьевъ, крылись тесомъ или берестой, которую иногда обкладывали сверху еще дерномъ. Только у вельможъ, нѣкоторыхъ ботатыхъ купцовъ и нѣмцевъ были каменные дома, но съ маленькими окнами, къ которымъ придѣлывались жестяные или желѣзные ставни, для защиты дома на случай пожара. Съ тою же цѣлью дома ставились на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго; при каждомъ былъ обширный дворъ и садъ. Каменныя постройки особенно усилились во второй половинѣ XVII в. Мейербергъ говоритъ, что съ нѣкотораго времени появилось въ городѣ значительное число каменныхъ зданій; особенно распространялъ каменныя постройки въ Москвѣ В. В. Голицынъ; при немъ, по свидѣтельству Невиля, построено было въ Москвѣ больше 3,000 каменныхъ домовъ. Впрочемъ распространенію каменныхъ домовъ мѣшало между прочимъ и то, что они считались нездоровыми; оттого каменныя стѣны внутри комнатъ обшивали тесомъ, подкладывая подъ него мохъ. Украшеніемъ улицъ и всего города были церкви. Въ началѣ XVII в., по свидѣтельству Маржерета, было еще очень много деревянныхъ церквей,

хотя, добавляетъ тотъ же иностранецъ, съ нѣкотораго времени построено довольно и каменныхъ. Во второй половинѣ XVII в., если вѣрить Рейтенфельсу, почти всѣ церкви были уже каменныя. Каменныя церкви были всѣ круглыя, пятиглавыя, съ широкими куполами, покрытыми жестью. Колокола помѣщались и на колокольняхъ, и внизу, въ церковной оградѣ, на столбахъ; Олеарій говоритъ даже, что чаще встрѣчалось послѣднее. При каждой церкви было по крайней мѣрѣ 6 колоколовъ, но бо́льшею частію они вѣсили не болѣе 4 или 5 пудовъ. Иностранцевъ изумляло множество церквей въ Москвѣ; весь городъ наполненъ ими, говоритъ Таннеръ; сами жители сознаются, что они не знаютъ точнаго ихъ числа; по свидѣтельству Олеарія, на каждые пять домовъ приходилось по церкви. Всѣхъ церквей въ городѣ и предмѣстьяхъ съ монастырями считали во время Олеарія больше 2,000 *). Такое множество церквей Олеарій объясняетъ тѣмъ, что въ Москвѣ всякій сколько-нибудь знатный господинъ имѣлъ при домѣ свою церковь, гдѣ онъ одинъ только съ своими родственниками слушалъ божественную службу. Впрочемъ церкви были очень небольшія; многія имѣли, по словамъ Олеарія, не болѣе 15 пядей въ ширину. Не меньше изумляла иностранцевъ и обширность пространства, на которомъ раскинулась Москва. Въ XVII в. это пространство далеко не могло равняться тому, какое занимала Москва въ половинѣ XVI в.: такіе годы, какъ 1571 и 1611, не могли не оставить на городѣ глубокихъ слѣдовъ, которые трудно было загладить. Съ трудомъ поправлялась Москва; но уже не достигала прежнихъ объемовъ: до конца XVII в. мы встрѣчаемъ у иностранцевъ замѣчаніе, что, по словамъ самихъ жителей Москвы, прежде она была гораздо обширнѣе и многолюднѣе. Несмотря на это, и въ XVII в. городъ былъ очень обширенъ и принадлежалъ къ числу самыхъ большихъ городовъ Европы **);

*) По Буссову по крайней мѣрѣ 3,000, по Петрею даже около 4,500, по Таннеру и Штраусу 1,700, по Корбу больше 200.

**) Olearius: il est certain, que c'est aujourd'huy une des plus grandes villes de l'Europe.

по свидѣтельству Олеарія, онъ имѣлъ въ окружности около 3 миль, а по Мейербергу около 19 верстъ *). О размѣрахъ города можно заключать также по числу домовъ, какое показываютъ иностранцы XVII в., и по обширности пустыхъ мѣстъ между домами и улицами. Несмотря на разгромъ 1611 года, уже во второй четверти XVII в. въ Москвѣ считалось болѣе 40,000 домовъ. Писатели второй половины XVII в. показываютъ еще больше; по Лизеку, домовъ въ Москвѣ было больше 42,000, а по Штраусу около 95,000. О числѣ жителей также имѣемъ нѣсколько несходныхъ показаній; но всѣ почти иностранцы говорятъ, что оно соотвѣтствовало обширности города. Изъ одного мѣста въ лѣтописи Буссова видно, что до польскаго разгрома въ смутное время не только Русскіе, но и Поляки полагали въ Москвѣ около милліона жителей. Позднѣйшія извѣстія значительно уменьшаютъ это число: по Рейтенфельсу и Аврилю, жителей въ Москвѣ было около 600,000, по Невилю — отъ 500,000 до 600,000. Кромѣ Русскихъ, въ Москвѣ жило очень много Грековъ, Персіянъ, Нѣмцевъ, Турокъ и Татаръ, но Жидовъ не было вовсе, ибо ихъ не терпѣли не только въ столицѣ, но и въ предѣлахъ государства.

Исторія государства положила рѣзкую печать на всю физіономію его столицы, на ея расположеніе и укрѣпленія: видно было, что этотъ городъ росъ медленно, расширяясь отъ центра во всѣ стороны, захватывая окрестныя селенія, слагался подъ вліяніемъ постоянныхъ внѣшнихъ опасностей. По описанію Олеарія, городъ состоялъ изъ 5 главныхъ частей; три изъ нихъ имѣли видъ особыхъ городовъ, огибавшихъ одинъ другой: это были Китай-городъ съ Кремлемъ, Бѣлгородъ и Земляной городъ. Китай-городъ занималъ средину и былъ окруженъ толстою каменною стѣной, которую называли *Красной стѣной*. Съ юга эту часть омывала рѣка Москва, а съ сѣвера Неглинная. Почти половину

*) Буссовъ говоритъ, что до пожара въ 1611 году столица имѣла въ окружности больше 4-хъ миль. Ск. Соврем. о Димитр. Самозв., ч. 1-я, стр. 208.

Китая-города занималъ царскій замокъ Кремль *); онъ расположенъ въ самой серединѣ города, составляя какъ бы его сердце, по выраженію Таннера, и окруженъ былъ тройною толстою каменною стѣной и глубокимъ рвомъ **). Въ Кремль вели 5 воротъ; тѣ, которыя выходили въ Китай-городъ и Бѣлгородъ, затворялись каждыя тремя дверьми. У этихъ воротъ, съ внѣшней стороны Кремля, сдѣланы были черезъ ровъ мосты на сваяхъ. Надъ одними изъ воротъ, ведшихъ въ Китай-городъ (Фроловскими), возвышалась башня съ часами, показывавшими время по московскому счисленію; когда царь уѣзжалъ изъ Кремля, эти ворота запирались. Въ самомъ Кремлѣ вниманіе наблюдателя прежде всего останавливали на себѣ двѣ башни, возвышавшіяся на серединѣ его: одна изъ нихъ, Иванъ-Великій, очень высокая, со множествомъ колоколовъ ***); другая была замѣчательна по висѣвшему на ней громадному колоколу, слитому при Борисѣ Годуновѣ и имѣвшему 346 центнеровъ вѣса; въ него звонили только по большимъ праздникамъ и во дни придворныхъ торжествъ; его раскачивали 24 человѣка, которые стояли внизу, на площади ****). Въ Кремлѣ было два монастыря, мужской и женскій, и больше 50 каменныхъ церквей; Коллинсъ насчитываетъ ихъ даже до 80; башенки на нихъ, какъ и на Ивановской колокольнѣ, покрыты были густо-вызолоченною мѣдью, которая, блестя на солнцѣ, представляла издали очень красивый видъ. Въ углубле-

---

*) Иначе называемый у Олеарія и другихъ *Крымъ-городъ*.

**) Таннеръ принялъ этотъ ровъ за другой рукавъ Неглинной.

***) По опасенію Таннера, на этой колокольнѣ было 37 колоколовъ, висѣвшихъ по окнамъ четырехъ ярусовъ колокольни въ гармоническомъ порядкѣ, подробное описаніе котораго см. у Таннера на стр. 59—61.

****) При Алексѣѣ Михайловичѣ слитъ былъ другой колоколъ, еще больше, подъ которымъ, говоритъ Мьежъ, могли помѣститься 40 человѣкъ. Изъ этого колокола при Аннѣ Іоанновнѣ слитъ былъ тотъ, который нынѣ лежитъ около Ивановской колокольни. Сказ. Современник. ч. 5-я, примѣч. 59. Рейтенфельсъ видѣлъ второй колоколъ и говоритъ, что онъ вѣсилъ 320.000 фунт.

ніи Кремля расположены были многочисленныя царскія палаты; передъ ними, на Красной площади, Таннеръ видѣлъ до 200 пушекъ, разставленныхъ рядами; незадолго до Олеарія построенъ былъ великолѣпный каменный дворецъ (Теремный) въ италіянскомъ вкусѣ, но царь продолжалъ жить въ деревянныхъ хоромахъ, находя ихъ болѣе здоровыми. Въ Кремлѣ же находились домы многихъ бояръ *); но выше всѣхъ ихъ поднимались великолѣпныя каменныя палаты патріарха, находившіяся подлѣ царскаго дворца. Кромѣ того, въ Кремлѣ находилась царская казна, провіантскій и пороховой дворъ и приказы, большая часть которыхъ расположена была между Спасскими воротами и Архангельскимъ соборомъ; при В. В. Голицынѣ здѣсь построено было огромное зданіе для приказовъ, состоявшее изъ четырехъ корпусовъ, со множествомъ залъ **). Вся крѣпость застроена была царскими и боярскими хоромами, церквами и другими зданіями, такъ что въ ней почти не оставалось пустаго мѣста. Кромѣ царской придворной служни, въ Кремлѣ находилось постоянно, по свидѣтельству Лизека, до 20.000 царскихъ тѣлохранителей ***).

Внѣ Кремля, въ отдѣленіи Китая-города, вниманіе иностранцевъ прежде всего останавливали на себѣ церковь Св. Троицы (Василій Блаженный), которую московскіе Нѣмцы называли обыкновенно Іерусалимомъ; она удивляла иностранцевъ оригинальностью своей архитектуры, и нѣкоторые называютъ ее очень изящной. Подлѣ этого храма, на площади, лежали на землѣ двѣ огромныя пушки, обращенныя на пловучій москворѣцкій мостъ и на улицу, откуда обыкновенно нападали Татары. Прямо передъ зам-

*) При Коллинсѣ здѣсь были хоромы Черкасскаго, Морозова, Трубецкаго, Милославскаго, Одоевскаго и др.

**) Прежде приказы помѣщались «dans quelques granges», по выраженію Невиля.

***) Домы патріарха и бояръ исчезали въ массѣ дворцовыхъ зданій, такъ что намъ понятна неточность нѣкоторыхъ иностранцевъ, говорившихъ, что весь Кремль есть не что иное какъ дворецъ царя: Cremelinum civitas est, quam solus czarus inhabitat. Lyseck 62.

комъ находился обширный рынокъ, главный въ городѣ, со множествомъ купеческихъ лавокъ. Этихъ лавокъ считали здѣсь до 40.000; онѣ наполняли рынокъ и всѣ соприкасавшіяся съ ними улицы; для каждаго товара назначены были особыя мѣста и лавки. Торговки холстомъ помѣщались на срединѣ рынка *). Передъ самымъ Кремлемъ, на обширной четыреугольной площади не позволялось ставить лавки; но здѣсь кипѣла разносная торговля. Корбъ пересчитываетъ слѣдующіе ряды съ товарами, расположенные одинъ за другимъ по направленію отъ Кремля: 1) шелковый, 2) суконный, 3) серебряный (съ золотыми и серебряными вещами), 4) мѣховой, 5) сапожный, 6) холстинный, 7) рядъ, гдѣ продавались образа **), 8) рядъ готоваго платья, 9) овощной, 10) рыбный, 11) птичій. Были и другіе товары, для которыхъ также назначены были особыя мѣста. На обширномъ ровномъ мѣстѣ между храмомъ Св. Троицы и Красной стѣной, по направленію къ Москвѣ-рѣкѣ, находился обширный гостинный дворъ, называвшійся Персидскимъ, который былъ наполненъ лавками Персіянъ, Армянъ и Татаръ, числомъ до 200, съ золотыми и серебряными издѣліями, драгоцѣнными камнями и другими восточными товарами. Около этого двора, въ Красной стѣнѣ находились ворота, которыя вели къ пловучему мосту на Москвѣ-рѣкѣ. Кромѣ этого Персидскаго двора, въ Китаѣ-городѣ было еще два гостинныхъ двора для иностранныхъ купцовъ: въ одномъ, старомъ, продавались, по словамъ Рейтенфельса, товары для ежедневнаго употребленія; въ другомъ, новомъ и самомъ обширномъ, помѣщались нѣмецкіе товары и платилась вѣсчая пошлина. Эти три двора

*) Olear. 108: où il se trouve encore une autre sorte de marchandes, qui tiennent des bagues dans la bouche et debitent avec leurs rubis et leurs turquoises une autre marchandise que l'on ne voit point. Ср. Tann. 64.

**) Таннеръ опредѣляетъ положеніе послѣдняго: est platea peramplа, quam ipse dux quoquoversum pergat, pertransit; haec a Krimgorod porrigitur, non aliis quam pictoribus habitata. Hi quia divorum effigies venales faciunt, platea Divina dici meruit a Moscis. P. 64.

были каменные. Въ другой части Китая, съ той стороны, гдѣ онъ омывался рѣкой Неглинной, находилось до 200 погребовъ съ медами и заграничными винами. Около Казанскаго собора Олеарій указываетъ ножевой рядъ *). Здѣсь же, близь площади, находился городской судъ. Неподалеку отъ Посольскаго двора находилось мѣсто, уставленное множествомъ хижинокъ и называвшееся *вшивымъ рынкомъ*; здѣсь производилась стрижка волосъ, которые лежали тутъ кучами, такъ что, говоритъ Олеарій, проходя этимъ рынкомъ, ступаешь точно по подушкамъ. На Красной площади всегда стояло до 200 извощиковъ съ маленькими санями или телѣжками въ одну лошадь. Площадь съ утра до вечера кипѣла народомъ; болѣе всего было на ней, замѣчаетъ Олеарій, холопей и праздношатающихся. Особенно оживлены были тѣ мѣста, гдѣ продавали нитки, холсты, кольца и т. п. товары: женщины, продававшія и покупавшія эти товары, по словамъ Олеарія, подымали такой шумъ, что съ непривычки можно было подумать, что горитъ городъ или случилось что-нибудь необыкновенное. Иностранцы второй половины XVII в. говорятъ, что почти всѣ зданія въ Китаѣ были каменныя; между ними особенно отличались размѣрами и красотой Посольскій дворъ, зданіе типографіи, Греческій дворъ, также вышеупомянутые гостинные дворы и дома нѣкоторыхъ вельможъ, наприм. князя Грузинскаго и др. Въ Китаѣ жило много бояръ, а также гостей или лучшихъ купцовъ. При Маскѣвичѣ Красная стѣна имѣла 6 воротъ, а на ней было 10 башенъ; на башняхъ и по стѣнѣ разставлено было множество пушекъ. Улицы въ Китаѣ, какъ и въ другихъ частяхъ Москвы, вымощены были круглыми бревнами; только двѣ главныя, — одна противъ Спасскихъ воротъ, по которой обыкновенно царь выѣзжалъ изъ города, а другая у посольскаго дома, — выложены были обтесанными брусьями.

Вторую часть города составлялъ Бѣлгородъ; по словамъ

*) Olear. 256: auprès de la rue, où les marchands coustelliers ont leurs boutiques.

Таннера, прежде онъ назывался Царевымъ городомъ *), Бѣлымъ же сталъ называться съ того времени, какъ были поправлены и выбѣлены его стѣны. Эта часть Москвы огибала въ видѣ полумѣсяца Китай-городъ съ Кремлемъ и окружена была высокою и толстою каменною стѣной, которая называлась *Бѣлой*; эта стѣна шла отъ Москвы-рѣки вокругъ Красной и Кремлевской стѣны, пересѣкая рѣку Неглинную, и наконецъ возвращалась къ Москвѣ-рѣкѣ по другую сторону Кремля. По свидѣтельству Таннера, Бѣлгородъ былъ впятеро больше Китая. Въ этой части города жило много князей и бояръ, сыновей боярскихъ, или дворянъ-значительныхъ купцовъ и ремесленниковъ, особенно булочниковъ; каждый ремесленникъ вывѣшивалъ на окнѣ вещь, указывавшую на его ремесло: сапожникъ вывѣшивалъ сапогъ, портной лоскутки разныхъ матерій и т. п. Между ремесленниками, дѣлавшими обувь, особенно много было такихъ, которые плели лапти для простаго народа. Здѣсь было много мясныхъ лавокъ, распространявшихъ невыносимый запахъ отъ множества испорченнаго мяса, которое лежало передъ лавками на солнцѣ непокрытымъ. Здѣсь находился скотный рынокъ и было много кружалъ съ водкой, медомъ и пивомъ, а также множество лавокъ съ квасомъ, мукой и другими товарами. Кромѣ лавокъ здѣсь было два большихъ завода, одинъ пороховой, другой литейный, на которомъ лили пушки и колокола; мѣстность по берегу Неглинной, гдѣ стоялъ этотъ заводъ, называлось Поганымъ прудомъ. Недалеко отъ него, на другой сторонѣ Неглинной, находились двѣ царскія конюшни, въ которыхъ содержалось до 1000 лошадей; тамъ же была аптека и двѣ тюрьмы, въ которыхъ, по свидѣтельству Таннера, всегда сидѣло до 2000 плѣнныхъ Турокъ, Татаръ и др. Остальное пространство Бѣлгорода застроено было церквами, домами разныхъ служилыхъ и посадскихъ людей, съ обширными садами; между этими домами было много красивыхъ, каменныхъ и деревянныхъ, принадлежавшихъ боярамъ и Нѣмцамъ; при Рей-

*) Маскѣвичъ называетъ его еще Ивангородомъ. Ср. Дом. бытъ русск. царей, И. Забѣлина, стр. 16.

тенфельсѣ особеннымъ изяществомъ архитектуры отличались палаты Артамона Сергѣевича Матвѣева *). Ряды зданій начинались на значительномъ разстояніи отъ стѣнъ; незастроенными оставались также небольшія площади у воротъ, которыя вели въ Кремль и Китай-городъ.

Третья часть города называлась Скородомомъ; она огибала Бѣлгородъ съ востока, сѣвера и запада; чрезъ нее протекала рѣка Яуза. До пожара въ 1611 году Скородомъ былъ обнесенъ деревянной стѣной, тянувшейся миль на 7 (35 верстъ), какъ сказывали Маскѣвичу, и въ три копья вышиной. Эта стѣна простиралась и за Москву — рѣку, такъ что послѣдняя пересѣкала ее въ двухъ мѣстахъ. Эта деревянная ограда имѣла множество воротъ, между которыми возвышались на ней по двѣ и по три башни, а на башняхъ стояло по 4 и по 6 большихъ орудій, кромѣ полевыхъ пушекъ, которыхъ было на стѣнѣ такъ много, что и перечесть трудно, по выраженію Маскѣвича. Вся ограда была обшита тесомъ; башни и ворота, весьма красивыя, стоили, вѣроятно, многихъ трудовъ и времени, добавляетъ Маскѣвичъ. Церквей было здѣсь множество, каменныхъ и деревянныхъ, — и все это, самодовольно восклицаетъ Маскѣвичъ, въ три дня обратили мы въ пепелъ! При царѣ Михаилѣ (въ 1637) вмѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ стѣнъ насыпанъ былъ высокій земляной валъ, который, по словамъ Коллинса, обложенъ былъ досками и бревнами; съ того времени Скородомъ сталъ называться Земляным городомъ. Подлѣ вала шелъ глубокій ровъ, наполненный водой **). Таннеру сказывали въ Москвѣ, что этотъ валъ простирался миль на 5. Скородомъ былъ самою большою частью города, но за то много уступалъ двумъ описаннымъ частямъ и въ красотѣ зданій и въ зажиточности населенія. Онъ былъ густо застроенъ бѣдными деревянными домиками, въ которыхъ жили мелкіе ремесленники и другіе по-

*) Любопытное описаніе внутренняго убранства палатъ Матвѣева см. у Лизека на стр. 75 и слѣд.

**) Слѣды прежнихъ деревянныхъ стѣнъ видны были еще при Таннерѣ; при Корбѣ Земляной городъ окруженъ былъ тыномъ и валомъ.

садскіе люди; кромѣ нихъ въ Скородомѣ жило очень немного служилыхъ людей низшихъ чиновъ. Здѣсь находились рынки, на которыхъ продавали лѣсъ и готовые дома; эти рынки были завалены дровами, бревнами, досками, даже мостами, башнями и домами, совсѣмъ уже готовыми.

Три описанныя части находились въ прямой связи между собою и составляли собственно городъ. Къ нимъ примыкали еще двѣ части, расположенныя отдѣльно; это были слободы Стрѣлецкая и Нѣмецкая. Основаніемъ Стрѣлецкой слободы послужила слобода Налейки или Наливки, построенная великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ для иностранныхъ солдатъ; потомъ здѣсь поселены были стрѣльцы. Эта часть города лежала на другой сторонѣ Москвы-рѣки, противъ Кремля и Китая-города; со стороны послѣдняго къ ней велъ плавучій мостъ на судахъ. Стрѣлецкая слобода подраздѣлялась на 8 частей; съ одной стороны ее въ видѣ полумѣсяца огибала Москва-рѣка, а съ другихъ сторонъ она окружена была валомъ и деревянными укрѣпленіями, которыя соединялись съ укрѣпленіями Земляного города. Стрѣлецкая слобода была передовымъ укрѣпленіемъ Москвы противъ Крымскихъ Татаръ, которые съ этой стороны производили свои нападенія на столицу. Кромѣ стрѣльцовъ, въ Стрѣлецкой слободѣ жили мелкіе торговцы и другіе люди изъ простаго народа. Подлѣ слободы, по берегу Москвы-рѣки тянулись длинные сады и обширные луга, на которыхъ паслись царскіе кони.

Въ верстѣ отъ Скородома, за Покровскими воротами, находилось другое предмѣстье, составлявшее 5-ю часть Москвы и называвшееся Нѣмецкою слободой, или Кокуемъ. Эта слобода отдѣлялась отъ Скородома небольшимъ полемъ и состояла изъ деревянныхъ домовъ нѣмецкой архитектуры. Таннеръ передаетъ слышанные имъ въ Москвѣ разсказы о возникновеніи этой слободы. Когда иноземные солдаты и мастера, привлеченные въ Москву, не могли мирно ужиться съ Москвичами въ самомъ городѣ, ихъ поселили за Москвой-рѣкой, въ слободѣ Наливкахъ. Но иноземцамъ и тамъ не дали покоя: москвичи постоянно кололи

имъ глаза названіемъ ихъ новаго мѣстожительства, упрекая ихъ въ пьянствѣ; чтобъ избавиться отъ насмѣшекъ и оскорбленій, иноземцы выпросили у царя позволеніе поселиться въ другомъ мѣстѣ подлѣ города. Здѣсь они построили нѣсколько красивыхъ деревянныхъ домиковъ, и это новое поселеніе названо было Нѣмецкою слободой, которая, по словамъ Таннера, вполнѣ имѣла видъ и устройство маленькаго нѣмецкаго города. Незадолго до пріѣзда Олеарія, туда же переселены были, вслѣдствіе разныхъ непріятностей, иноземные купцы и офицеры, жившіе прежде въ Бѣлгородѣ. Олеарій разсказываетъ, что жены иноземныхъ купцовъ, не желая уступить женамъ иноземныхъ офицеровъ, которыя большею частью были прежде служанками, однажды подрались съ послѣдними въ лютеранской церкви, находившейся въ Бѣлгородѣ, вслѣдствіе чего патріархъ приказалъ перенести ихъ церковь въ Скородомъ. Къ этому присоединились и другія непріятности. Чтобы не подвергаться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны москвичей, иноземцы, по словамъ Олеарія, стали одѣваться по-русски; но патріархъ, замѣтивъ при одномъ церковномъ торжествѣ, что иноземцы, вмѣшавшись въ толпу Русскихъ, непочтительно относятся къ обрядамъ православной церкви, испросилъ у государя указъ, чтобы иностранцы ходили въ своемъ, а не русскомъ платьѣ. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большимъ насмѣшкамъ и обидамъ со стороны Русскихъ, и чтобъ избавиться отъ этого, выселились, съ разрѣшенія царя, изъ города и основали особое предмѣстье, Иноземную слободу, подлѣ старой Нѣмецкой, съ которой она скоро и слилась въ одно предмѣстье *). Населеніе Нѣмецкой слободы представляло довольно пеструю смѣсь націй и вѣроисповѣданій. Больше всего было Нѣмцевъ-лютеранъ: Олеарій говоритъ, что ихъ было больше 1.000 семействъ. Они пользовались свободой богослуженія и имѣли два храма. Были также кальвинисты

*) О другихъ причинахъ выселенія Нѣмцевъ см. Истор. Россіи т. IX, стр. 423 и 424.

разныхъ націй; у нихъ былъ одинъ храмъ *). Меньше было католиковъ, Итальянцевъ и Французовъ; они не пользовались правомъ публично отправлять свое богослуженіе и не имѣли храма. Иностранные писатели говорятъ единогласно, что въ Москвѣ ни къ какимъ иностранцамъ не относились съ такимъ отвращеніемъ и недовѣріемъ, какъ къ католикамъ. Многіе изъ иностранцевъ принимали въ Москвѣ православную вѣру. Рейтенфельсъ указываетъ около Нѣмецкой слободы особое предмѣстье Басмановку, гдѣ жили иностранцы, принявшіе русскую вѣру, отчего это предмѣстье и называлось „слободою перекрестовъ.“ По словамъ Таннера, большинство иностранцевъ Нѣмецкой слободы носило платье нѣмецкихъ дворянъ; даже служанокъ своихъ, русскихъ или татарокъ, они одѣвали по-нѣмецки. Близъ Нѣмецкой слободы находились три завода — стеклянный, желѣзоплавильный и бумажный, послѣдній на рѣкѣ Яузѣ; на нихъ работали иностранцы. На равнинѣ около Нѣмецкой слободы при Алексѣѣ Михайловичѣ были два большіе и красивые сада, куда царь, по словамъ Таннера, каждую недѣлю ѣздилъ гулять въ хорошую погоду.

Иностранные писатели не сообщаютъ намъ подробностей объ экономической жизни столицы, объ интересахъ и отношеніяхъ разныхъ классовъ ея населенія; но у нихъ есть замѣтки о повседневной жизни этого города, какъ она являлась на улицѣ; они указываютъ на обычныя явленія этой жизни, которыя помогаютъ измѣрить уровень общежитія и гражданственности въ образцовомъ городѣ Московскаго государства. День начинался рано; лѣтомъ съ восходомъ солнца, а зимой еще до свѣта пробуждалось городское движеніе; въ Китаѣ-городѣ раздавался уже среди толпы набатъ боярина, ѣхавшаго въ Кремль ударить челомъ государю. Москвитяне, замѣчаетъ Невиль, любятъ ходить пѣшкомъ и ходятъ очень быстро. Но это замѣчаніе могло относиться только къ людямъ изъ простаго народа: служилый человѣкъ считалъ неприличнымъ для сво-

*) Такъ по Таннеру; Рейтенфельсъ говоритъ, что въ Нѣмецкой слободѣ было 3 лютеранскихъ храма и 2 кальвинскихъ.

его званія являться на улицу пѣшкомъ; даже отправляясь недалеко, дома за три, онъ бралъ лошадь и если не ѣхалъ на ней, то приказывалъ вести ее за собою. Лѣтомъ боринъ ѣздилъ обыкновенно верхомъ, а зимой въ саняхъ, запряженныхъ въ одну рослую, обыкновенно бѣлую лошадь, съ сорокомъ соболей на хомутѣ; ею правилъ конюхъ, сидя верхомъ, безъ сѣдла. Сани выстилались внутри медвѣжьей шкурой, у богатыхъ бѣлой, у другихъ черной; о коврахъ не было и помину. Передки у саней были обыкновенно такъ высоки что изъ саней едва можно было видѣть голову конюха. Множество слугъ провожало боярина; одни стояли на передкахъ, другіе посрединѣ, бокомъ къ боярину, а нѣкоторые сзади, прицѣпившись къ санямъ. Лѣтомъ впереди боярина, ѣхавшаго верхомъ, также шло много слугъ. Еще пышнѣе и наряднѣе являлась на улицѣ благородная женщина, зимой въ саняхъ, лѣтомъ въ небольшой колымагѣ, покрытой краснымъ сукномъ и запряженной также въ одну лошадь, увѣшанную мѣхами или лисьими хвостами, что̀ считалось лучшимъ украшеніемъ лошади, хотя, по отзывамъ иностранцевъ, это давало ей странный, безобразный видъ. На лошади сидѣлъ парень въ косматомъ полушубкѣ и часто босоногій. Въ экипажѣ сидѣла дородная госпожа въ широкой, нигдѣ не стянутой одеждѣ и такъ густо набѣленная, что съ перваго взгляда, по замѣчанію Таннера, можно было подумать, что лицо ея обсыпано мукой *). Въ ногахъ у нея помѣщалась служанка, замѣнявшая для нея скамейку **). Все это въ соединеніи съ тряской, какую производила московская мостовая, дѣлало изъ поѣзда дородной госпожи картину, потѣшавшую иностранца ***). Знатную

*) Olearius: elles (женщины) n'oublient point de se farder le visage, le col et les bras.

**) Tanner: in curru serva scabelli munus peragit, cui praepinguis domina pro lubito et commoditate pedes suos supra caput et humeros superponit.

***) Ibid.: spectaculum perjucundum fuit videre, quod ad minutissimum quemlibet currus motum foemineae pondus pinguedinis assidue agitaretur.

боярыню провожала многочисленная толпа слугъ, часто доходившая до 30—40 человѣкъ. Еще большей странностью поражало иностранца появленіе въ городѣ царицына поѣзда. Когда, говоритъ Маржеретъ, царица прогуливается, за ея каретою слѣдуетъ нѣсколько женщинъ, которыя сидятъ на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины; на нихъ бѣлыя поярковыя шляпы, похожія на епископскіе клобуки, длинныя платья изъ алой матеріи, съ большими рукавами шириной болѣе 3 футовъ. — Хотя, говоритъ Невиль, въ Москвѣ болѣе полумилліона жителей, однакожь найдется не болѣе 300 каретъ (колымагъ); но за то тамъ по всѣмъ площадямъ стоитъ болѣе 1,000 извощиковъ съ маленькими телѣжками или санями въ одну лошадь; за деньгу, говоритъ Маскѣвичъ, извощикъ скачетъ, какъ бѣшеный, съ одного конца города на другой, и поминутно кричитъ во все горло: гись, гись, а народъ разступается во всѣ стороны. Но въ извѣстныхъ мѣстахъ извощикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другой деньги. Встрѣтясь съ другимъ извощикомъ, онъ согласится скорѣе сломать у себя ось или колесо нежели свернуть съ дороги. Въ полдень, въ обѣденное время, движеніе стихало, лавки закрывались; передъ ними видны были спящіе купцы или ихъ прикащики. Въ это время ни съ кѣмъ нельзя было вести никакого дѣла, все засыпало, какъ въ полночь; нѣтъ, говоритъ Олеарій, московитянина, какого бы ни былъ онъ состоянія, который не спалъ бы послѣ обѣда. Много некрасивыхъ явленій замѣчалъ иностранецъ днемъ на московской улицѣ; особенно поражало его постоянное употребленіе бранныхъ словъ, хотя это было запрещено царскимъ указомъ. По словамъ Олеарія, по рынкамъ ходили особые пристава, которые хватали и тутъ же на мѣстѣ наказывали виновнаго; но и они уставали наказывать на каждомъ шагу ругающійся и бранящійся народъ. Еще больше темныхъ явленій совершалось ночью. День оканчивался рано, какъ рано и начинался; длинная ночь, при плохомъ устройствѣ городской полиціи, давала широкій просторъ для промысла лихимъ людямъ, которыхъ много было въ огромной столицѣ Московскаго государства. Ночью на площадяхъ и

перекресткахъ стояла стража, смотрѣвшая за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ безъ фонаря; всякій, ѣхавшій или шедшій ночью безъ огня, считался воромъ или лазутчикомъ и немедленно отправлялся въ Стрѣлецкій приказъ для розыска и расправы. Всякій разъ, какъ били часы на Спасскихъ воротахъ, стоявшіе здѣсь караульщики ударяли палками по доскѣ столько разъ, сколько пробило часовъ. При домахъ бояръ и богатыхъ купцовъ также стояли сторожа, которые съ прочими городскими дозорами, услышавъ стукъ у Спасскихъ воротъ, вторили ему, давая этимъ знать, что они не спятъ. Между тѣмъ иностранцы единогласно говорятъ, что въ Москвѣ не проходило ночи безъ убійствъ и грабежей; они указываютъ и на главную причину этихъ безпорядковъ. Дворяне, говоритъ Маржеретъ, измѣряютъ здѣсь свое богатство числомъ служни, а не количествомъ денегъ; поэтому каждый изъ нихъ держитъ множество холопей; по свидѣтельству Олеарія, число ихъ въ нѣкоторыхъ боярскихъ домахъ доходило до 100. Но господа не давали своимъ холопямъ пищи, а платили имъ кормовыя деньги и въ такомъ маломъ количествѣ, что холопи едва могли кормиться на нихъ и оттого часто промышляли дурными средствами. Ночные сторожа служили плохою помѣхой лихимъ людямъ, напротивъ, даже помогали имъ и дѣлили съ ними добычу. Еще менѣе можно было обижаемому ждать помощи отъ обывателей: ни одинъ домохозяинъ, говоритъ Олеарій, не рѣшится высунуть голову изъ окна, а тѣмъ менѣе выйдти изъ дома на помощь человѣку, подвергшемуся нападенію ночныхъ разбойниковъ, боясь, что послѣдніе сдѣлаютъ и съ нимъ то же или еще хуже, подожгутъ его домъ. Коллинсъ указываетъ и на другое явленіе: обыватель боялся подать помощь умирающему, котораго находилъ на улицѣ, зная, что если застанутъ его около мертваго тѣла, сейчасъ поволокутъ въ Земскій приказъ, а тамъ скоро не раздѣлаешься. Оттого ночью по Москвѣ нельзя было ходить безъ оружія и провожатыхъ. Почти каждое утро на московскихъ улицахъ поднимали нѣсколько труповъ; количество ихъ страшно увеличивалось въ праздники и особенно на масляницу, когда къ разбоямъ присоединялись многочисленные

смертные случаи отъ пьянства. По замѣчанію Коллинса, въ Москвѣ не проходило масляницы безъ того, чтобы не подняли на улицахъ отъ 200 до 300 человѣкъ, погибшихъ отъ той или другой причины *). Въ праздники множество пьяныхъ валялось по улицамъ, никто не прибиралъ ихъ и на другой день многіе изъ нихъ оказывались мертвыми. Поднятые на улицѣ трупы отвозили на дворъ Земскаго приказа, гдѣ выставляли ихъ на три или на четыре дня, чтобы родственники или друзья погибшихъ могли взять и похоронить ихъ; когда же никто не являлся, трупы отвозили въ одинъ изъ „убогихъ домовъ“, бывшихъ въ Москвѣ **); тамъ ихъ складывали въ общую яму, въ концѣ мая отпѣвали и хоронили всѣхъ вмѣстѣ, иногда труповъ по 300, по словамъ Коллинса. Лихіе люди часто прибѣгали къ особенному средству поживиться на чужой счетъ: они поджигали дома зажиточныхъ людей, прибѣгали на пожаръ будто для спасенія имущества и воровали въ обширныхъ размѣрахъ. Оттого пожары въ Москвѣ чаще случались по ночамъ, вспыхивали вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Ночныя убійства, воровство и пожары—вотъ обычныя явленія московской жизни, отмѣченныя иностранцами ***). Кромѣ злаго умысла, пожары происходили и отъ неосторожности. Записки иностранныхъ путешественниковъ о Москвѣ наполнены извѣстіями о пожарахъ. Не проходило почти недѣли безъ того, чтобы не сгорали цѣлыя улицы. Пожары были, такъ-сказать, привычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ, къ которому относились довольно равнодушно; если по-

---

*) Neuville: le desordre est si grand dans ce temps-lá que les étrangers qui logent dans les fauBourgs n'oseroient quasi sortir et venir à la ville; car ils (Москвичи) s'enyurent et s'assomment comme des bêtes sauvages.

**) См. объ этихъ домахъ Сказ. Соврем. о Димитр. Самозванцѣ, ч. I, примѣч. 41 и Adelung-Uebersicht etc. II, 69.

***) Въ дневникѣ Корба постоянно встрѣчаются извѣстія о Москвѣ въ родѣ слѣдующаго: exitiali incendio multae aedes perierunt; inventi etiam publicis in plateis duo Mosci, quibus capita nefando crimine erant abscissa.

жаръ истреблялъ сотню или двѣ домовъ, о немъ и не говорили много; только тотъ пожаръ считался въ Москвѣ большимъ и оставлялъ по себѣ память, который истреблялъ по крайней мѣрѣ 7,000 или 8,000 домовъ. Пріѣхавъ въ Москву въ 1634 г., Олеарій увидѣлъ въ Бѣлгородѣ обширныя пустыри съ остатками сгорѣвшихъ зданій; незадолго передъ тѣмъ пожаръ обратилъ въ пепелъ до 5,000 домовъ; погорѣвшіе жили на пепелищѣ въ шалашахъ и палаткахъ. Для предупрежденія подобныхъ несчастій ночью ходили по городу стрѣльцы и сторожа съ топорами, которыми въ случаѣ пожара ломали сосѣднія зданія, домовъ 20, пока не доходили до ближняго угла или площади, и отвозили дерево дальше отъ огня; если же какое-нибудь зданіе надо было сберечь, его покрывали воловьей кожей, которую поливали водой. Впрочемъ о сгорѣвшихъ домахъ и не жалѣли много: что было подороже изъ имущества, хранилось въ подземныхъ кладовыхъ, а дома скоро покупались совсѣмъ готовые на рынкѣ, гдѣ ихъ продавали тысячами; въ короткое время и безъ особенныхъ издержекъ ихъ разбирали, перевозили въ назначенное мѣсто и опять складывали. Въ Москвѣ были плотники, которые въ одни сутки ставили и отдѣлывали домъ. Легко понять, что это были за дома *). Лизекъ даже видѣлъ на рынкѣ продававшуюся старую колокольню. Кромѣ того, въ обширныхъ лѣсныхъ рядахъ продавалось столько строеваго лѣса, что изъ него можно было, по выраженію Мьежа, выстроить цѣлый городъ **).

Первое мѣсто между городами Московскаго государства послѣ столицы въ XVI в. принадлежало Новгороду Великому. Ланноа еще засталъ его такимъ, какимъ былъ онъ въ лучшее время своей жизни, и такъ описываетъ его на-

---

*) Neuville: chacune de ces maisons ne vaut guères plus qu'une étable à cochon en Allemagne ou en France.

**) Avril 158. Маржер. 34. Буссовъ 79, 95, 100. Mayerb. I, 42, 99. Carl. 80, 286. Olear. 106, 256, 269, 158, 167, 25. Lys. 95, 62. Struys. 117 — 120. Neuville 185, 198, 179, 189, 14, 190. Korb. 194. Маскѣв. 70 — 74, 64. Tanner 52. Кол. 175. Рейтенфельсъ 18 — 24.

ружный видъ: „Городъ необыкновенно обширенъ, расположенъ на прекрасной равнинѣ, окруженной лѣсами; но огороженъ онъ плохими стѣнами, состоящими изъ плетней (de cloyes) и земли, хотя башни на нихъ каменныя; на берегу протекающей среди города рѣки расположена крѣпость, въ которой находится главная въ городѣ церковь св. Софіи; здѣсь живетъ епископъ города“ *). Одерборнъ говоритъ, что нѣкогда одно имя этого города приводило въ страхъ сосѣдей и что новгородская поговорка „кто противъ Бога и Великаго Новгорода“ очень часто повторялась у Саксонцевъ. Иностранцы говорятъ объ огромныхъ богатствахъ независимаго Новгорода, бывшихъ слѣдствіемъ его обширной торговли: по словамъ Кампензе и Герберштейна, московскій государь, завоевавъ Новгородъ, вывезъ оттуда болѣе 300 возовъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ и другими дорогими вещами. Несмотря на страшныя бури, которыя пронеслись надъ Новгородомъ во второй половинѣ XV в., въ XVI его продолжаютъ называть знаменитѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ Московскаго государства послѣ столицы. Къ нему съ большею справедливостью, нежели къ Москвѣ, можно было приложить замѣчаніе Іовія объ удобствѣ водныхъ сообщеній, и Англичане не безъ основанія называли его лучшимъ торговымъ городомъ въ государствѣ: хотя государь, пишетъ Ченслеръ, утвердилъ свой столъ въ Москвѣ, но положеніе при рѣкѣ, открывающей путь къ Балтійскому морю, даетъ Новгороду первенство предъ столицей въ торговлѣ, привлекая къ нему больше купцовъ. О наружномъ видѣ его въ XVI в. иностранцы сообщаютъ немного свѣдѣній. По словамъ Іовія, Новгородъ славился безчисленнымъ множествомъ зданій; въ немъ было много богатыхъ и великолѣпныхъ монастырей и изящно-изукрашенныхъ церквей. Зданія впрочемъ почти всѣ были деревянныя. Англичане доносили, что уступая Москвѣ въ достоинствѣ, онъ значительно превосходилъ ее обширностью. Новгородскій кремль имѣлъ почти круглый видъ и былъ окруженъ высокими стѣнами съ баш-

*) G. de Lannoy 19.

нями *); кромѣ собора и зданій подлѣ него, въ которыхъ жилъ архіепископъ съ духовенствомъ, въ немъ почти не было другихъ зданій. За годъ до пріѣзда Поссевина въ Новгородъ одинъ иностранный архитекторъ окружилъ кремль новой, земляной стѣною, на которой поставилъ нѣсколько бойницъ съ пушками. Въ письмѣ къ начальнику іезуитскаго ордена Поссевинъ прибавляетъ, что въ кремлѣ, кромѣ упомянутыхъ зданій, было еще нѣсколько деревянныхъ хижинокъ, а около города по Ильменю и съ другихъ сторонъ было много монашескихъ обителей; Поссевинъ считаетъ въ Новгородѣ въ мирное время не болѣе 20.000 жителей: такова была разница между Новгородомъ XVI-го и Новгородомъ XIV-го вѣка, когда въ немъ считали до 200.000 жителей. Кромѣ матеріальныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ XV и XVI в., иностранцы указываютъ и потери нравственныя: Герберштейнъ замѣчаетъ, что жители его отличались прежде бо́льшею мягкостью нравовъ и прямотою характера, но что съ тѣхъ поръ какъ поселились въ немъ болѣе грубые и криводушные жители изъ московскихъ областей, нравы города сильно испортились. Въ XVII в. Новгородъ продолжалъ сохранять важное значеніе въ торговлѣ Московскаго государства; но о томъ, какимъ былъ онъ прежде, во время своего процвѣтанія, можно было только догадываться по скуднымъ остаткамъ: вокругъ города видны были еще слѣды прежнихъ стѣнъ, а также развалины церквей и монастырей, бывшихъ нѣкогда въ чертѣ города **).

Псковъ, этотъ младшій братъ Новгорода, подобно ему много потерпѣлъ отъ Москвы, но и въ XVI вѣкѣ сохранялъ еще важное значеніе въ Московскомъ государствѣ. Въ концѣ этого вѣка онъ особенно сталъ извѣстенъ иностранцамъ, благодаря знаменитой осадѣ его Ст. Баторіемъ, и считался первою крѣпостью въ государствѣ. Лан-

*) Камменный дѣтинецъ построенъ въ Новгородѣ въ 1491 году.

**) Oderbornii—Vita Ioann. Basil. въ Rer. Mosc. auct. varii, p. 243. Кампензе 22. Iob. 36. Herberst. 54. Possev. 15, 17 и слѣд. Ulfeld. 13. Suppl. ad hist. Russ. Mon. № CLXII. Olear. 90. Carl. 304.

ноа, проѣздомъ изъ Новгорода посѣтившій и Псковъ, ограничивается относительно послѣдняго немногими словами, что онъ очень хорошо укрѣпленъ каменными стѣнами съ башнями и имѣетъ очень большой замокъ, въ который никто изъ иностранцевъ не смѣетъ входить, въ противномъ случаѣ подвергается смерти *). Затѣмъ о внѣшнемъ видѣ Пскова мы не встрѣчаемъ у иностранцевъ извѣстій почти до конца XVI в. Герберштейнъ замѣчаетъ только, что Псковъ—единственный городъ въ государствѣ, который весь окруженъ стѣнами. Болѣе обстоятельное описаніе его сообщаетъ Поссевинъ, долго жившій въ польскомъ лагерѣ предъ Псковомъ. По его словамъ, Псковъ окруженъ каменной стѣною съ башнями, матеріалъ для которой доставляло русло рѣки (Великой); по срединѣ города, имѣющаго видъ продолговатаго треугольника, проходитъ другая стѣна, при которой расположены одинъ за другимъ три замка **). Ульфельду сказывали въ Псковѣ, что этотъ городъ имѣетъ 300 церквей и 150 монастырей; и тѣ и другіе почти всѣ каменные. По описанію Вундерера, посѣтившаго Псковъ въ 1589 году, городъ былъ очень многолюденъ и дѣлился на 4 части, имѣвшія видъ особыхъ городовъ, окруженныхъ каменными стѣнами. Здѣсь жило много иностранныхъ купцовъ и ремесленниковъ; люди каждаго ремесла жили особо; жилища кузнецовъ и другихъ мастеровъ, употребляющихъ огонь при своихъ работахъ, расположены были длинными рядами вдали отъ другихъ. Дома простыхъ гражданъ въ Псковѣ были большею частью деревянные и окружались заборами, плетнями, деревьями и огородами; надъ воротами каждаго дома висѣлъ литой или писанный образъ. Въ этомъ городѣ, биткомъ набитомъ, по выраженію Поссевина, деревянными зданіями, по сомнительному показанію Вундерера, считалось до 41.500 домовъ. Въ одномъ изъ замковъ Вундереръ видѣлъ очень красивый дворецъ государя, въ которомъ всѣ

*) G. de Lannoy 22: où nul francq crestien ne peut entrer qu'il ne lui faille morir.

**) Эти три замка были Кремль, Средній городъ и Большой городъ.

покои убраны были краснымъ бархатомъ. Подлѣ за́мка стоялъ большой каменный домъ, называвшійся Pachmar, въ которомъ иностранные купцы выставляли свои товары, продавали, покупали и мѣняли. Потомъ Вундереру показывали другое зданіе, въ которомъ держали нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, бѣлыхъ волковъ и буйволовъ для боя *). Несмотря на множество зданій, какое показываютъ въ Псковѣ Вундереръ и Поссевинъ, послѣдній и въ немъ, какъ въ Новгородѣ, считаетъ въ мирное время не болѣе 20.000 жителей. По словамъ Герберштейна, Псковитяне отличались прежде обходительностью, торговыя дѣла вели добросовѣстно, безъ хитрости и обмана; но со времени поселенія между ними Москвитянъ нравы въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, измѣнились къ худшему **). Въ XVII в. Псковъ сохранялъ еще значительные размѣры, имѣлъ въ окружности, по свидѣтельству Штрауса, болѣе 2-хъ миль, но вблизи представлялъ жалкій видъ; дома въ немъ были по прежнему почти всѣ деревянные, а стѣны хотя и каменныя, но съ плохими башнями, улицы нечистыя и немощеныя, кромѣ главной, выходившей на торговую площадь; эта улица вымощена была вдоль положенными бревнами ***).

Москва, Новгородъ и Псковъ имѣли каменныя крѣпости. Къ такимъ же крѣпостямъ причисляются во второй половинѣ XVI в. Порховъ, Старица, Нижній, Александровская слобода, Бѣлозерская крѣпость и другіе города. Построенная при Іоаннѣ III каменная крѣпость на ливонской границѣ—Ивань-городъ во второй половинѣ XVI в. отходила на нѣкоторое время къ Шведамъ. Но большая часть крѣпостей и въ XVI в. состояла изъ деревянныхъ укрѣпленій. Въ началѣ этого вѣка Московское государство пріобрѣло важную деревянную крѣпость Смоленскъ ****), за ко-

*) Darnach führt mann uns in ein ander Hausz, in dem unter der Erde ettlich weisz Beeren, weisz Wölff und Uhrochse zum Kempfen ernehret werden. Frankf. Archiv für ältere deutsche Litter. etc., herausgegeb. von Fichard, B. II, S. 202.

**) Possev. 18. Herberst. 56. Ulfeld. 12.

***) Struys 106.

****) Clavis Moscuae, по выраженію Таннера.

торую шла давняя борьба между двумя сосѣдними государствами; эта борьба продолжалась и послѣ присоединенія Смоленска къ Московскому государству, весь XVI и даже XVII вѣкъ. По описанію Герберштейна, городъ расположенъ въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ холмами и лѣсами; въ окрестностяхъ его видны развалины многихъ каменныхъ монастырей. Кобенцелю Смоленскъ показался величиной съ Римъ; зданія въ немъ всѣ деревянныя, кромѣ соборнаго храма въ крѣпости на горѣ. Крѣпость, расположенная на лѣвомъ берегу Днѣпра, на возвышеніи, была застроена домами и имѣла видъ отдѣльнаго города; съ одной стороны она омывалась рѣкой, а съ другой окружена была глубокимъ рвомъ и заостренными бревнами (тыномъ). Поссевинъ не упоминаетъ о тынѣ, но говоритъ, что крѣпость окружена насыпью, обдѣланной плетнемъ, въ отверстіяхъ которой поставлены пушки. Въ правленіе Бориса Годунова крѣпость обведена была новою, каменною стѣной; по описанію Маскѣвича, присутствовавшаго при осадѣ Смоленска въ 1609 году, эта стѣна имѣла три сажени толщины и 3 копья вышины; на ней было 38 четыреугольныхъ и круглыхъ башенъ, на разстояніи 200 саженъ другъ отъ друга. Въ городѣ до польской осады въ 1609 г. было около 8.000 домовъ; но раззореніе, какое потерпѣлъ онъ во время этой осады, было такъ велико, что еще при Мейербергѣ онъ представлялъ однѣ развалины. Проѣзжая чрезъ Смоленскъ въ 1678 году, Таннеръ замѣтилъ въ крѣпости оживленную дѣятельность: достроивали новыя каменныя стѣны. Въ городѣ между товарами на рынкѣ Таннеръ замѣтилъ больше всего горшковъ и деревянной, красиво выточенной посуды *).

Нѣкоторые города, по свидѣтельству Поссевина, были окружены бревнами, сложенными въ четыреугольники, которые наполнялись землей или пескомъ, отчего ихъ труд-

*) Herberst. 52. Кобенц. 140. Possev. 19. Бусс. 29. Маскѣв. 19. Mayerb. II, 154. Tanner 32. Neuv. 4. Лизекъ называетъ Смоленскъ inexpugnabile patriae totius antemurale et potentissimum Borysthenis frenum (стр. 26).

но было разбивать, а чтобы они не легко загорались, ихъ обмазывали глиной *). Кромѣ упомянутыхъ городовъ въ XVI в. считались важными пограничными крѣпостями Казань и Астрахань. По описанію Олеарія и Штрауса, Казань довольно большой городъ съ деревянными укрѣпленіями и домами; но крѣпость окружена толстыми каменными стѣнами и снабжена артиллеріей и значительнымъ гарнизономъ; русло рѣки Казанки служитъ для нея очень хорошимъ рвомъ. Въ городѣ живутъ Русскіе и Татары; послѣднимъ запрещено входить въ крѣпость подъ страхомъ смертной казни **). Тверь, Рязань, Владиміръ и Нижній принадлежали къ числу значительныхъ городовъ, но не считались важными укрѣпленными мѣстами, хотя и въ нихъ были крѣпости, а въ Нижнемъ была даже каменная крѣпость, построенная великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ противъ Черемисъ, какъ замѣчаетъ Герберштейнъ. Тверь, по описанію Поссевина, казалась издали очень большимъ городомъ; она имѣла довольно большое количество домовъ, но населеніемъ много уступала Пскову и Смоленску, т. е. въ ней далеко не было и 20.000 жителей. Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу Волги и, если вѣрить показанію Мѣховскаго, имѣлъ 160 деревянныхъ церквей; противъ него, на другомъ берегу рѣки стояла деревянная крѣпость, въ которой, по свидѣтельству того же иностранца, было 9 церквей, и изъ нихъ только соборная была каменная. Въ смутное время Тверь, подобно многимъ другимъ городамъ Московскаго государства, подверглась страшнымъ опустошеніямъ, отъ которыхъ не могла долго оправиться; отъ прежнихъ стѣнъ ея не осталось и слѣда. Въ половинѣ XVII вѣка она была маленькимъ городкомъ, окруженнымъ деревянными укрѣпленіями, и имѣла не болѣе 150 домовъ ***). Къ менѣе значительнымъ по величинѣ городамъ причисляются въ XVI в. Вологда и Ярославль; послѣдній Флетчеръ называетъ самымъ красивымъ

*) Possev. 17.

**) Olear. 287. Struys. 154.

***) Rer. Moscov. auct. varii, p. 207. Petr. 381. Mayerb. II, 74.

по мѣстоположенію. Вологда имѣла крѣпость; но оба эти города были гораздо важнѣе въ торговомъ отношеніи. Значеніе Вологды увеличилось особенно съ того времени, какъ открылась торговля съ Англичанами чрезъ Бѣлое море: выгодное положеніе на торговомъ пути между гаванью св. Николая и Москвой дѣлало ее важнымъ складочнымъ пунктомъ въ этой торговлѣ. По описанію Англичанъ, Вологда довольно большой городъ; посадъ его весь состоитъ изъ деревянныхъ зданій, не исключая и церквей; крѣпость окружена красивою и высокою каменною стѣною; въ ней много церквей, между которыми есть каменныя. Въ городѣ живетъ много богатыхъ купцовъ. Благодаря его торговому значенію, тамъ всегда бываетъ большое стеченіе народа, особенно осенью, когда происходитъ движеніе товаровъ между Москвой и гаванью св. Николая; купцы, направляющіеся отъ Бѣлаго моря къ Москвѣ, доплывъ до Вологды, ждутъ здѣсь открытія саннаго пути, чтобы двинуться къ столицѣ *).

Въ XVII в. на двухъ противоположныхъ окраинахъ Московскаго государства съ важнымъ торговымъ значеніемъ являются два города: одинъ новый — Архангельскъ, другой старый — Астрахань. Архангельскъ, по описанію Олеарія, построенъ при устьѣ Двины, тамъ, гдѣ она раздѣляется на два рукава и омываетъ островъ Подеземскій (Пудожерскій). Сперва корабли входили въ лѣвый рукавъ Двины, при монастырѣ св. Николая; въ этомъ мѣстѣ столь важномъ въ торговлѣ XVI в., было маленькое поселеніе, состоявшее, по описанію англійскаго посла Рандольфа, изъ четырехъ русскихъ домиковъ и одного, принадлежавшаго англійской компаніи; эти дома расположены были подлѣ деревянныхъ стѣнъ монастыря, въ которомъ было не болѣе 20 монаховъ. Но когда устье лѣваго рукава обмелѣло отъ наноснаго песку, а правый рукавъ сдѣлался глубже, то корабли стали входить въ послѣдній, и здѣсь въ 1584 г. основанъ былъ новый городъ. Горсей, проѣзжая здѣсь въ

*) Hakl. I, 348 и 349, 423. Carl. 107.

1584 г., видѣлъ только небольшую крѣпость *), которой управлялъ князь Василій Андреевичъ Звенигородскій; при немъ было нѣсколько стрѣльцовъ. Скоро около крѣпости образовался посадъ, благодаря торговому значенію этого мѣста. По описанію Олеарія, городъ не великъ, но знаменитъ обширною торговлей; ежегодно голландскіе, англійскіе и гамбургскіе корабли приходятъ туда съ разными товарами; къ этому времени съѣзжаются сюда купцы со всего государства, особенно Нѣмцы изъ Москвы съ русскими товарами **). Астрахань, по описанію того же Олеарія, расположена на песчаномъ островѣ Долгомъ, при главномъ рукавѣ Волги, въ 12 миляхъ отъ ея впаденія въ море. Іоаннъ IV, завоевавъ Астрахань, обнесъ ее толстою каменною стѣною; при Алексѣѣ Михайловичѣ городъ былъ распространенъ; въ немъ возникла новая часть, гдѣ поселены были стрѣльцы, отчего она и названа Стрѣлецкимъ городомъ. Штраусъ называетъ Астрахань однимъ изъ лучшихъ городовъ Московіи, какъ по величинѣ, такъ и по красотѣ. Она имѣла болѣе 1.000 саженей въ окружности. Издали, съ Волги городъ представлялъ очень красивый видъ, благодаря множеству каменныхъ башенъ и колоколенъ; но вблизи впечатлѣніе перемѣнялось, наблюдатель видѣлъ массу почти только деревянныхъ зданій, дурно построенныхъ. Крѣпость снабжена сильнымъ гарнизономъ и пушками, которыхъ было болѣе 500; гарнизонъ состоялъ изъ 9 стрѣлецкихъ приказовъ, по 500 человѣкъ въ каждомъ. Находясь на границѣ двухъ частей свѣта, Астрахань служила средоточіемъ обширной торговли; сюда стекались купцы изъ разныхъ странъ Европы и Азіи; на гостинномъ дворѣ въ Астрахани Авриль встрѣтилъ представителей почти всѣхъ націй міра. Армяне занимали въ Астрахани цѣлое предмѣстье; кромѣ того, сюда пріѣзжали Бухарцы, Персіяне, Черемисы, Крымскіе и Ногайскіе Татары, даже Индѣйцы ***).

---

*) The new castle called Archangel. Hakl. I, 530.

**) Hakl. I, 422. Olear. 114.

***) Olear 318 и слѣд. Struys 165. Avril, 96 и 103.

Большая часть крѣпостей Московскаго государства и въ XVII в. имѣла деревянныя укрѣпленія; каменныя укрѣпленія имѣли, кромѣ столицы, слѣдующіе города, какъ ихъ перечисляютъ Маржеретъ и Мейербергъ: Борисовъ, Смоленскъ, Можайскъ, Иваньгородъ, Новгородъ-Сѣверскій, Псковъ, Новгородъ-Великій, Нижній, Коломна, Казань, Астрахань, Порховъ, Вологда, Путивль и Тула *).

Чѣмъ болѣе поражалъ своею громадностью и многолюдствомъ главный городъ Московскаго государства, находившійся въ центральной его области, тѣмъ замѣтнѣе былъ недостатокъ большихъ городовъ въ другихъ областяхъ. Если и во внутреннихъ областяхъ было много городовъ, едва заслуживавшихъ это названіе, то еще менѣе заслуживала его бо́льшая часть городовъ, бывшихъ на окраинахъ государства. Мы имѣемъ нѣсколько указаній на то, каковы были эти города въ сѣверныхъ областяхъ. Пустозерскъ, по одному англійскому извѣстію, имѣлъ въ XVII в. отъ 80 до 100 домовъ; въ городкѣ Печорѣ было всего три церкви; другой городокъ Устьцильма состоялъ изъ 60 домовъ; въ Колѣ была всего одна улица, состоявшая изъ низкихъ деревянныхъ домиковъ, покрытыхъ рыбьими костями **).

Что касается вообще до характера городовъ въ Московскомъ государствѣ, то иностранцы замѣчали, что количество населенія въ нихъ гораздо меньше, нежели сколько можно было бы предполагать, судя по количеству зданій. Это происходило отъ того значенія, какое имѣлъ городъ въ Московскомъ государствѣ: онъ былъ прежде всего огороженнымъ мѣстомъ, въ которомъ окрестное населеніе искало убѣжища во время непріятельскаго нашествія. Чтобъ удовлетворить этой потребности, такъ часто возникавшей, благодаря обстоятельствамъ, среди которыхъ слагалось государство, города должны были имѣть бо́льшіе размѣры, нежели какіе нужны были для помѣщенія ихъ

*) Маржер. 34. Mayerb. II, 62 и 63.

**) Мильтонъ — Исторія Московіи (От. Зап. т. CXXXI, отд. I, стр. 106 и 107).

постояннаго населенія,— и мы знаемъ, что окрестные землевладѣльцы и монастыри имѣли въ городахъ „осадные“ дворы, куда они перебирались съ своими пожитками въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Поссевинъ, говоря о числѣ жителей въ нѣкоторыхъ городахъ, дѣлаетъ оговорку, что столько бываетъ въ нихъ жителей, когда нѣтъ войны. Эта оговорка была необходима: въ случаѣ нападенія непріятелей окрестное населеніе съ движимымъ имуществомъ сбѣгалось въ ближній городъ, который вслѣдствіе этого непомѣрно наполнялся. Сколько собиралось въ такихъ случаяхъ народа въ городахъ, видно изъ того, что однихъ погибшихъ отъ пожара въ Москвѣ во время крымскаго разгрома въ 1571 году полагали до 800,000 человѣкъ. Но мы напрасно стали бы искать въ русскомъ городѣ XVI или XVII вѣка тѣхъ основныхъ чертъ, которыя мы привыкли соединять съ понятіемъ европейскаго города какъ центра, въ которомъ сосредоточивается торговое и промышленное населеніе извѣстнаго округа. Въ Московскомъ государствѣ, какъ странѣ преимущественно земледѣльческой, гдѣ въ такой степени преобладала первоначальная промышленность и такъ слабо развито было ремесло, очень немногіе города подходили сколько-нибудь подъ понятіе города въ европейскомъ смыслѣ; остальные вообще только тѣмъ отличались отъ окрестныхъ селеній, что были огорожены и имѣли бо́льшіе размѣры; но большинство населенія ихъ промышляло тѣми же занятіями, какъ и окрестные сельскіе жители. Въ странѣ, гдѣ такъ еще слабо было раздѣленіе труда, гдѣ каждый старался по возможности самъ удовлетворить своимъ ограниченнымъ потребностямъ, ремесленный трудъ не могъ достигнуть значительнаго развитія и цѣниться дорого. Иностранцы говорятъ, что только въ Москвѣ можно было найдти нѣсколько опытныхъ мастеровъ по разнымъ ремесламъ, да и тѣ были бо́льшею частью Нѣмцы; въ другихъ городахъ почти не было никакихъ мастеровъ, кромѣ сапожниковъ и портныхъ. По свидѣтельству Герберштейна, промышлявшіе ручнымъ трудомъ по найму получали въ Москвѣ 1½ деньги за день работы, мастера по 2 деньги; о золотыхъ дѣлъ мастерахъ

онъ говоритъ, что трудъ ихъ вообще цѣнился очень дешево. Гваньини прибавляетъ къ этому, что когда жизненные припасы дорожали, трудъ мастеровъ еще болѣе падалъ въ цѣнѣ, такъ что усиленной работою они едва могли заработать себѣ хлѣба на день *). Наконецъ мы знаемъ, что большая часть новыхъ городовъ и городковъ Московскаго государства возникла не вслѣдствіе экономическихъ потребностей страны, но вслѣдствіе государственныхъ соображеній, по распоряженіямъ правительства. Эти причины и производили то любопытное явленіе, что даже въ XVII в. въ описяхъ многихъ городовъ перечисляются дворы служилыхъ людей, пашенныхъ людей, но о посадскихъ, торговыхъ и ремесленныхъ людяхъ говорится, что *ихъ нѣтъ*.

XI.

Торговля.

Изъ неразвитости искусствъ и ремеслъ и изъ преобладанія промышленности первоначальной можно уже заключать, какіе предметы торговли ставила на рынокъ страна и въ какихъ сама нуждалась: ставила продукты земледѣлія, мѣха и вообще сырыя произведенія, нуждалась преимущественно въ произведеніяхъ непервоначальной, мануфактурной промышленности, въ предметахъ роскоши и культуры. Главными торговыми городами на сѣверѣ и въ XVI в. оставались Новгородъ и Псковъ, имѣвшіе значеніе преимущественно какъ посредствующіе рынки, чрезъ которые страна отпускала на западъ свои товары и получала иностранные. Во второй половинѣ XVI в. важнымъ торговымъ пунктомъ сдѣлалась гавань Св. Николая при устьѣ Сѣверной Двины, благодаря открытію торговыхъ сношеній съ Англіей. За тѣмъ слѣдовали Вологда и Ярославль, имѣвшіе важное значеніе и во внутренней торговлѣ. На югѣ, во второй половинѣ XVI в., государство пріі-

*) Buchau 245. Herberst. 40 и 42. Gvagnin. 179.

обрѣло важный для восточной торговли городъ Астрахань. Въ XVII в. Астрахань и Архангельскъ были главными пунктами внѣшней торговли Московскаго государства. Москва имѣла значеніе преимущественно какъ центръ внутренняго торговаго движенія. Въ продолженіе всей зимы привозили сюда изъ окрестныхъ мѣстъ дрова, сѣно, хлѣбъ и другіе предметы; въ концѣ ноября окрестные жители убивали своихъ коровъ и свиней и во множествѣ свозили ихъ замороженными въ столицу. Рыбу также привозили замороженной и твердой какъ камень, что̀ очень дивило иностранцевъ *). Цѣны этихъ товаровъ, свозившихся въ Москву, казались иностранцамъ необыкновенно дешевыми. Барбаро говоритъ, что говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру; за одинъ маркъ (marchetto) можно было купить 4 фунта мяса; 70 куръ стоили червонецъ; по словамъ Іовія, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребыванія Контарини въ Москвѣ 10 венеціанскихъ старъ (30 четвериковъ) пшеницы стоили червонецъ; такъ же дешево продавался и прочій хлѣбъ; три фунта мяса стоили одинъ сольдъ, 100 куръ или 40 утокъ—одинъ червонецъ, а самый лучшій гусь не болѣе 3 сольдовъ **). Контарини видѣлъ на Московскихъ рынкахъ много зайцевъ, но другой дичи почти совсѣмъ не было видно. Герберштейнъ говоритъ, что мѣра хлѣба продавалась въ Москвѣ по 4 или по 6 денегъ. Можно вѣрить такому обилію припасовъ на Московскихъ рынкахъ и ихъ дешевизнѣ, зная, что Москва была главнымъ средоточіемъ внутренняго торговаго движенія страны. Англичане писали, что по дорогѣ отъ Ярославля къ Москвѣ они видѣли иногда до 700 или 800 возовъ съ хлѣбомъ и соленой рыбой, направлявшихся къ столицѣ; туда же ѣхали за хлѣбомъ жители отдаленнаго сѣвера и везли съ собой на продажу рыбу, мѣха и кожи ***). Съ другой стороны направлялись

---

*) Контарини 109. G. de Lannoy 22.

**) Сольдъ $^1/_{124}$ червонца или $^1/_{20}$ ливра.

***) Іовій 49. Herberst. 58. Clem. Adam. въ Rer. Mosc. auct. varii, p. 150.

къ Москвѣ товары съ юга по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ. До завоеванія Астрахани изъ Москвы ежегодно ходило сюда нѣсколько судовъ за солью и рыбой. Съ присоединеніемъ Астрахани къ Московскому государству, это движеніе по Волгѣ должно было оживиться и принять бо́льшіе размѣры. Въ 1636 году Олеарій видѣлъ на Москвѣ-рѣкѣ много большихъ судовъ, шедшихъ изъ Астрахани къ столицѣ съ медомъ, солью и соленой рыбою. Изъ внутреннихъ областей суда отправлялись къ Астрахани весной, въ полую воду, когда судоходство по рѣкамъ не встрѣчало такихъ затрудненій въ меляхъ какъ лѣтомъ. Около Саратова тотъ же путешественникъ встрѣтилъ двѣ большія барки, шедшія изъ Астрахани; на каждой было по 400 работниковъ. Одна принадлежала патріарху и везла разные жизненные припасы; другая была царская съ икрой *). По Волгѣ шло самое оживленное торговое движеніе; въ рѣчной области Волги указываются и важнѣйшіе пункты внутренней торговли. Въ двухъ миляхъ отъ города Мологи, вверхъ по рѣкѣ Мологѣ, по берегу ея, при церкви, которая вмѣстѣ съ развалинами крѣпости осталась отъ находившагося здѣсь прежде Холопьяго города, бывала самая многолюдная, по словамъ Герберштейна, ярмарка въ цѣломъ государствѣ, куда кромѣ Шведовъ, Ливонцевъ, Русскихъ съѣзжалось много Татаръ и другихъ иностранцевъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ и восточныхъ странъ. Торговля здѣсь была исключительно мѣновая: стрѣлы, ножи, ложки, топоры, готовыя одежды и другія подобныя вещи мѣняли преимущественно на мѣха. Ярославль славился своей торговлей, главными статьями которой были кожи, сало и хлѣбъ; тамъ продавался также воскъ кругами, хотя этотъ товаръ въ бо́льшемъ количествѣ являлся на другихъ рынкахъ. Герберштейнъ говоритъ, что Дмитровъ лежитъ на р. Яхромѣ, впадающей въ рѣку Сестру, а послѣдняя впадаетъ въ Дубну, притокъ Волги; вслѣдствіе этого въ Дмитровѣ жило много богатыхъ купцовъ, которые привозили товары съ востока Каспійскимъ

*) Olear. 272, 278 и 300.

моремъ и Волгой и разсылали ихъ по городамъ Московскаго государства. Агенты англійской компаніи писали, что изъ областей по верхней Волгѣ каждое лѣто ходило къ Астрахани до 500 большихъ и малыхъ судовъ за солью и рыбой. Нѣкоторыя изъ этихъ судовъ были въ 500 тоннъ *). По значенію въ торговлѣ первое мѣсто послѣ Волги занимала Сѣверная Двина, поддерживавшая торговыя связи отдаленнаго сѣвернаго края съ внутренними областями государства. Въ системѣ Сѣверной Двины также были пункты, важные во внутренней торговлѣ Россіи. Такова была Вологда, о которой одинъ агентъ англійской компаніи писалъ, что нѣтъ города въ Россіи, который не торговалъ бы съ ней. Преобладающими предметами на вологодскомъ рынкѣ были ленъ, пенька и сало. На значеніе Вологды, какъ средоточія торговаго движенія по Сѣверной Двинѣ, указываетъ и другое англійское извѣстіе, что вологодскимъ купцамъ принадлежала бо́льшая часть насадовъ и дощаниковъ, плававшихъ по Сѣверной Двинѣ, на которыхъ перевозилась соль отъ морскаго берега въ Вологду. Одной изъ главныхъ статей промышленности и торговли сѣвернаго края были мѣха; важнымъ рынкомъ мѣховой торговли былъ Устюгъ Великій. По свидѣтельству Іовія, сюда съѣзжались промышленники изъ Перми, Печоры, Угоріи и другихъ отдаленныхъ краевъ, привозя съ собою разные мѣха. Но первое мѣсто въ торговлѣ мѣхами и другими произведеніями сѣвера занимали Холмогоры: сюда на зимнюю никольскую ярмарку привозили на оленяхъ изъ Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска рѣдкіе и дорогіе мѣха собольи, куньи, лисьи бѣлые, черные и рыжіе, заячьи и горностаевые. Этотъ же городъ въ изобиліи снабжалъ сѣверный край солью и соленою рыбой. Изъ поволжскихъ городовъ значительную торговлю мѣхами производила Казань **). О мѣховой промышленности находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности у иностранцевъ XVI в., преимущественно у Герберштейна. Іовію объясняли прежнюю дешевизну мѣховъ тѣмъ, что жители отда-

*) Herberst. 50 и 57 Hakl. I, 408.

**) Rer Moscov. auct. varii, p. 151 Hakl. I, 264. Барбаро 60.

леннаго сѣвера по простотѣ своей прежде часто мѣняли ихъ на самыя дешевыя вещи московскимъ купцамъ; такъ жители Перми и Печоры, по его словамъ, еще недавно платили за желѣзный топоръ столько соболей, сколько московскіе купцы, связавъ вмѣстѣ, могли продѣть ихъ въ отверстіе топора, куда влагается топорище. Собольи мѣха цѣнились по густотѣ, чернотѣ и длинѣ волоса, также по времени, въ которое пойманъ былъ звѣрь. Герберштейнъ слышалъ, что въ Москвѣ бывали иногда собольи мѣха, продававшіеся по 20 и по 30 золотыхъ, или рублей, но ему самому не удалось видѣть такіе. Въ XVII в. нѣкоторые собольи мѣха продавались въ Москвѣ рублей по 100 и болѣе; самые маленькіе стоили 1 рубль. Горностаевые продавались по 3 и по 4 деньги за шкуру; лисьи, особенно черные, изъ которыхъ преимущественно дѣлали шапки, цѣнились очень дорого; иногда десятокъ продавали по 15 рублей. Бѣличьи мѣха привозили связками, по 10 шкурокъ въ каждой; изъ нихъ двѣ были самыя лучшія, три похуже, четыре еще хуже и одна послѣдняя самая дурная; каждая порознь продавалась по 1 или по 2 деньги. Бобровые мѣха были въ большой цѣнѣ; ими обшивали полы верхняго платья. Мѣха домашнихъ кошекъ носили женщины. Изъ теплаго песцоваго мѣха дѣлали преимущественно одежды для дальнихъ зимнихъ поѣздокъ. По извѣстіямъ XVII в., въ Москву привозили по Волгѣ много барашковыхъ шкурокъ, очень волнистыхъ, которыя цѣнились довольно дорого *).

Герберштейнъ въ географическомъ очеркѣ страны указываетъ и торговые пути отъ Москвы на сѣверъ. Изъ Москвы чрезъ Переяславль лежалъ путь къ Костромѣ, Ярославлю и Угличу. Уже здѣсь не знали точно разстояній, по причинѣ множества болотъ и лѣсовъ; тоже замѣчаніе постоянно повторяется при описаніи страны далѣе на сѣверъ. Отъ Ярославля шелъ прямой путь къ Вологдѣ, а оттуда къ Устюгу, отъ котораго по Двинѣ шелъ прямой водный путь на сѣверъ; но кратчайшій путь изъ Вологды въ Двинскую область былъ на рѣку Вагу. На Бѣлоозеро

*) Tanner 104.

изъ Москвы было два пути, — кратчайшій зимній чрезъ Переяславль на Угличъ и лѣтній на Ярославль, но и тотъ и другой были очень неудобны, особенно лѣтній, по причинѣ множества лѣсовъ, болотъ и рѣкъ, чрезъ которыя во многихъ мѣстахъ надо было дѣлать мосты и гати; трудность этихъ путей за Волгой увеличивалась еще тѣмъ, что они проходили бо́льшею частью по малолюдной странѣ, гдѣ земля почти не обработывались и рѣдко попадались жилыя мѣста. Въ Вятку было также два пути, — одинъ кратчайшій чрезъ Кострому и Галичъ, но болѣе трудный и опасный, по причинѣ болотъ и лѣсовъ между Галичемъ и Вяткой и разбойничества бродившихъ здѣсь Черемисъ; другой болѣе длинный, но и болѣе безопасный шелъ на Вологду и Устюгъ. Въ Пермь сухимъ путемъ ѣздили только зимой; лѣтомъ ѣхали туда на Вологду и Устюгъ, откуда плыли по Двинѣ въ Вычегду *). Ѣхавшіе изъ Перми въ Устюгъ плыли вверхъ по Вышерѣ и прошедши чрезъ нѣсколько рѣкъ, при чемъ иногда надо было перетаскивать лодки изъ одной рѣки въ другую сухимъ путемъ, приплывали наконецъ къ Устюгу. Огромность разстояній и характеръ поверхности земли дѣлали сообщенія въ сѣверныхъ странахъ крайне затруднительными и медленными. Лѣтомъ ѣздить сухимъ путемъ было бо́льшею частью невозможно, потому должно было плыть рѣками, хотя отъ этого путь иногда очень удлинялся. Понятно, какое значеніе для торговли имѣла въ этихъ странахъ зима съ своими снѣгами и льдами. Кромѣ оленей для перевозки тяжестей на сѣверѣ употребляли, по свидѣтельству Герберштейна, большихъ собакъ, запрягая ихъ въ сани. Зимой, говоритъ Контарини, на русскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, весьма легко перевозить всякія тяжести, тогда какъ лѣтомъ ѣзда почти невозможна отъ большой грязи и множества мошекъ. Сани, по описанію тогоже путешествен-

*) Въ житіи Стефана Пермскаго указывается послѣдній путь: «всякому хотящему шествовати въ Пермскую землю, удобственъ путь есть отъ града Уствыма рѣкою Вычегдою вверхъ, дондеже внидетъ въ самую Пермь». Истор. Россіи IV, 264.

ника, были очень похожи на домъ и запрягались обыкновенно въ одну лошадь, которая везла ихъ съ необыкновенною скоростью.

Торговое движеніе на югѣ едвали встрѣчало меньше затрудненій чѣмъ на сѣверѣ; путь по безводной и безлѣсной степи былъ часто такъ же труденъ и опасенъ какъ и путь по лѣснымъ и болотнымъ пространствамъ сѣвера. Раннія извѣстія говорятъ намъ о сильномъ развитіи торговли по широкому водному пути, который представляла Волга; но тѣ же извѣстія говорятъ и о развитіи разбойничества на ней. Со второй половины XVI в. юговосточныя степи начали населяться изъ Московскаго государства; при сынѣ Іоанна Грознаго явились на Волгѣ города Шанчуринъ, Саратовъ, Переволока, Царицынъ; такимъ образомъ путь къ главному торговому городу на югѣ болѣе и болѣе очищался; но какъ медленно совершалось это, можно видѣть изъ сравненія извѣстій очевидцевъ о путешествіи изъ Астрахани въ Москву въ концѣ XV и въ концѣ XVI в. Контарини, проѣхавшій въ 1476 г. по этому пути съ большимъ купеческимъ караваномъ, пишетъ, что ѣхали въ большомъ страхѣ, поминутно ожидая нападенія, особенно тамъ, гдѣ Донъ подходитъ на ближайшее разстояніе къ Волгѣ, черезъ которую переправлялись на плотахъ, наскоро сработанныхъ въ ближнемъ лѣску; въ степи почти не было видно слѣдовъ дороги; путники ограждались на ночь повозками въ видѣ крѣпости и ставили караульныхъ; ѣхали 47 дней. Очевидцы разсказывали Поссевину, что въ обширныхъ пустыняхъ между Астраханью и Москвой путешественники иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются безъ хлѣба, питаясь рыбой и дичью *). Отъ Астрахани до Казани плыли по Волгѣ 10 дней. Другой водный путь для торговли Москвы съ магометанскими странами шелъ по Дону. По словамъ Герберштейна, при Данковѣ, старомъ и разрушенномъ городѣ, нагружались суда, отправлявшіяся въ Азовъ, Кафу и Константинополь; эта нагрузка происходила обыкновенно осенью,

*) Контарини 91—104. Possev. 12.

въ дождливое время года, потому что лѣтомъ Донъ здѣсь мелководенъ и не подымаетъ значительныхъ судовъ съ грузомъ. До Азова плыли отсюда 20 дней. Въ Азовѣ собирались купцы изъ разныхъ странъ. По словамъ Ласскаго, здѣсь Турки и Татары производили торговлю съ московскими купцами, вымѣнивая у нихъ мѣха на шелковыя и шерстяныя матеріи и драгоцѣнные камни *). Отъ Азова въ 5-ти дняхъ пути находился Перекопъ; но сюда изъ Москвы ѣздили другимъ путемъ, чрезъ Путивль; путь этотъ былъ сопряженъ со многими неудобствами, затруднявшими торговое движеніе. По словамъ Герберштейна, въ здѣшнихъ пустыняхъ, при переправѣ чрезъ рѣки, на путниковъ часто нападали бродячіе Татары и уводили ихъ въ плѣнъ. Михалонъ также говоритъ, что когда купцы, для избѣжанія двойной переправы черезъ Днѣпръ и платы литовской пошлины, оставивъ старую дорогу чрезъ литовскія владѣнія, направляются изъ Тавриды прямо въ Московію чрезъ Путивль или возвращаются оттуда непроходимыми степями, то часто дѣлаются добычей бродящихъ въ тѣхъ мѣстахъ разбойниковъ **). Михалонъ называетъ путь изъ Тавриды чрезъ литовскія владѣнія старою дорогой торговли съ Крымомъ. Эта дорога шла на Кіевъ, который, по своему положенію на третьей главной рѣкѣ восточной Европы, текущей на югъ, имѣлъ важное значеніе въ восточной торговлѣ. По словамъ Михалона, Кіевъ изобиловалъ иноземными товарами, ибо для всего, что привозилось изъ Персіи, Индіи, Аравіи, Сиріи на сѣверъ въ Москву, Псковъ, Новгородъ, въ Швецію и Данію, не было, по его словамъ, другой болѣе вѣрной, прямой и извѣстной дороги, какъ отъ порта Эвксинскаго моря, т.-е. отъ Кафы чрезъ ворота Тавриды и Тованскій перевозъ на Днѣпрѣ и потомъ чрезъ Кіевъ. Этой дорогою часто ѣздили иноземные купцы, собираясь большими караванами человѣкъ по 1000, съ повозками и верблюдами. Какъ иногда была *вѣрна* и безопасна эта *прямая* дорога, какъ называетъ ее Михалонъ, можно ви-

*) Herberst. 48 и 49. Histor. Russ. Monum. I, № CXXIII.

**) Михалонъ 67.

дѣть изъ его же замѣчанія, что упомянутые караваны, приносившіе большія выгоды кіевскимъ воеводамъ, купцамъ, мѣняламъ, лодочникамъ и проч., были выгодны и тогда, когда проходили въ зимнее время по полямъ и ихъ заносило снѣгомъ; такимъ образомъ случалось, что грязныя кіевскія хижины наполнялись дорогими шелковыми тканями, мѣхами, ароматами и проч., такъ что, — добавляетъ Михалонъ, — я находилъ тамъ шелкъ, продававшійся дешевле льна въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли *).

На встрѣчу торговому движенію изъ Крыма на Кіевъ шло торговое движеніе изъ Московскаго государства по Днѣпру. Контарини говоритъ, что въ Кіевъ съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи съ мѣхами, которые они отправляли въ Кафу **). Герберштейнъ указываетъ сборные пункты этого движенія по Днѣпру: на верхнемъ теченіи Днѣпра, тамъ, гдѣ съ нимъ соединяется Днѣпрецъ, нагружались суда товарами изъ Москвы и Холопьяго городка и отправлялись въ Литву; недалеко оттуда находился монастырь св. Троицы, гдѣ купцы останавливались. Подъ Вязьмой течетъ рѣчка того же имени, которая въ двухъ верстахъ ниже впадаетъ въ Днѣпръ; по ней суда, нагруженныя товарами, одни отправлялись отъ этого города въ Днѣпръ, а другія приходили сюда изъ Днѣпра, поднявшись вверхъ по его теченію ***).

Иностранцы сообщаютъ нѣсколько извѣстій о состояніи средствъ сообщенія въ Московскомъ государствѣ. Сообщеніе между Москвой и пограничными городами производилось посредствомъ ямовъ. Это были мѣстечки съ однимъ или нѣсколькими дворами, которые поставлены были по большимъ дорогамъ отъ важнѣйшихъ пограничныхъ пунктовъ къ столицѣ. По словамъ Горсея, при Іоаннѣ Грозномъ построено было въ пустынныхъ и дикихъ краяхъ государства до 300 ямовъ. Каждому ямщику давался участокъ земли съ обязательствомъ держать извѣстное число

*) Тамъ же.

**) Контарини 21.

***) Herberst. 52.

ямскихъ лошадей; за то онъ былъ освобожденъ отъ прочихъ повинностей. Олеарій прибавляетъ, что ямщикамъ выдавалось еще денежное жалованье рублей по 30 въ годъ. Ямскіе дворы ставились на разстояніи 6, 10, даже 12 миль одинъ отъ другаго. Между Москвой и Вологдой, на разстояніи 500 верстъ, было 14 ямовъ. Ямскія лошади предназначались собственно для государевыхъ гонцовъ и вообще людей, ѣхавшихъ по казенной надобности; но изъ донесеній Англичанъ, торговавшихъ въ Россіи, видимъ, что этими лошадьми могли пользоваться и купцы, какъ русскіе, такъ и иностранные, имѣя при себѣ видъ изъ приказа и платя извѣстные прогоны. Рейтенфельсъ говоритъ, что почтовыхъ лошадей могъ брать всякій за небольшую плату. О почтовыхъ прогонахъ находимъ извѣстіе у Герберштейна: за 10 или 20 верстъ платили обыкновенно 6 денегъ. Спафари разсказывалъ Невилю, что при кн. В. В. Голицынѣ, для облегченія административныхъ и торговыхъ сношеній съ Сибирью, предпринято было провести кратчайшимъ путемъ отъ Москвы до Тобольска рядъ ямовъ на разстояніи 10 миль одинъ отъ другаго, назначивъ въ каждый ямъ на первый разъ по 3 лошади, такъ чтобы этими лошадьми могли пользоваться и частныя лица, проѣзжающія по своимъ дѣламъ въ Сибирь или изъ Сибири, платя по 3 коп. за 10 верстъ. Ямщикъ выѣзжалъ лѣтомъ на небольшой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, а зимой на небольшихъ саняхъ, также въ одну лошадь. Ѣздили очень быстро, особенно зимой: отъ Архангельска до Вологды ѣздили зимой на саняхъ 8 сутокъ, а отъ Вологды до Москвы не болѣе 5 сутокъ; изъ Новгорода въ Москву ѣздили на ямскихъ лошадяхъ лѣтомъ 6 или 7 сутокъ, зимой 4 или 5 сутокъ; слуга Герберштейна проѣхалъ этотъ путь верхомъ въ 72 часа; такая быстрота, добавляетъ Герберштейнъ, тѣмъ болѣе удивительна, что лошади здѣсь очень малы и содержатся гораздо хуже нежели у насъ. Особенно быстро производилось движеніе по казенной надобности; благодаря этому, государь, по словамъ Петрея, каждую недѣлю получалъ новыя извѣстія о томъ, что дѣлалось на отдаленныхъ границахъ его государства. Чтобы

не было остановки при смѣнѣ лошадей, ямщики, подъѣзжая къ яму, производили громкій свистъ, на который изъ двора тотчасъ выводили свѣжихъ лошадей. Когда Герберштейнъ, въ качествѣ иностраннаго посла, ѣхалъ изъ Новгорода въ Москву, на всѣхъ ямахъ ему выставляли по 30, 40, 50 лошадей, тогда какъ ему нужно было не болѣе 12; потому каждый изъ его свиты могъ выбирать себѣ любую лошадь. Если лошадь утомлялась или падала, не достигнувъ яма, можно было взять другую изъ ближайшаго селенія или у перваго встрѣтившагося проѣзжаго, исключая государева гонца; ямщикъ долженъ отыскать лошадь, оставленную на дорогѣ, также взятую у кого-нибудь лошадь возвратить хозяину, заплативъ ему при этомъ прогонныя деньги. Изъ словъ Олеарія видно, что кромѣ ямщиковъ извозомъ занимались и простые крестьяне; Олеарій говоритъ, что ѣзда на обывательскихъ лошадяхъ очень дешева, что каждый крестьянинъ согласится везти 50 миль за 1½ или по бо́льшей мѣрѣ за 2 рубл. *). По словамъ Дженкинсона, по русскимъ дорогамъ зимой легко было проѣхать 500 верстъ въ трое сутокъ; за то лѣтомъ ѣзда была чрезвычайно затруднительна и медленна. Движеніе затруднялось обширными лѣсами, въ которыхъ дорога часто не была хорошо проложена, шла по пнямъ недавно срубленныхъ деревьевъ; но болѣе всего затрудняли движеніе лѣтомъ многочисленныя топи и болота, на которыхъ, и то не вездѣ, дѣлались плохія гати и мосты. На пути отъ Москвы до Смоленска Таннеръ насчиталъ 533 моста; въ иныхъ мѣстахъ на протяженіи 4 миль попадалось больше 40 мостовъ. Эти мосты дѣлались изъ толстыхъ бревенъ, плохо связанныхъ между собою, и тянулись иногда на цѣлую милю; переѣздъ по нимъ на тяжеломъ экипажѣ былъ очень опасенъ. Невиль встрѣчалъ гати, тянувшіяся верстъ на 12, плохо поддерживавшіяся и чрезвычайно неудобныя для ѣзды. Нерѣдко встрѣчались на дорогѣ болота и рѣчки, на которыхъ не

*) Herberst. 41. Buchau 251. Hakl. I, 293,349 и 408. Горсей въ Биб. Чт. 1865 г., № 6, стр. 7. Petr. 316. Olear. 48,117 и 184. Рейтенф. 45. Tanner 33. Neuv. 222.

было и такихъ мостовъ и гатей; путешественники должны были сами рубить лѣсъ и кой-какъ настилать мостъ. На большимъ рѣкахъ бо́льшею частью дѣлались пловучіе мосты; при проѣздѣ польскаго посольства въ 1678 г. по такому мосту въ Дорогобужѣ тяжелые экипажи погружались въ воду до половины. Понятно, какъ медленно совершалось движеніе по такимъ дорогамъ: Невиль говоритъ, что лѣтомъ можно было проѣхать не болѣе 4 или 5 миль въ сутки *). При такомъ состояніи путей сообщенія лѣтомъ, понятно значеніе, какое имѣли большія рѣки, идущія во всѣ почти стороны изъ средины Московскаго государства и замѣнявшія для торговаго движенія тѣ удобства, какія доставляла ему зима. Торговое движеніе по большимъ воднымъ путямъ производилось посредствомъ большихъ судовъ съ двумя рулями, но съ однимъ парусомъ, который дѣйствовалъ только при попутномъ вѣтрѣ. На сѣверѣ, между Холмогорами и Вологдой товары перевозились лѣтомъ на стругахъ, дощаникахъ и насадахъ. По описанію Дженкинсона, насады были длинныя и широкія плоскодонныя суда, погружавшіяся въ воду фута на 4 и вмѣщавшія въ себѣ до 200 тоннъ груза. Эти суда строили только изъ дерева, вовсе безъ желѣза; при сильномъ попутномъ вѣтрѣ они плыли съ помощью паруса; въ противномъ случаѣ, плывя вверхъ по рѣкѣ, шли бичевой, которую тянули до 70 дюжихъ работниковъ, между тѣмъ какъ другіе стояли на самомъ насадѣ съ длинными баграми въ рукахъ и направляли его ходъ. По Сѣверной Двинѣ и Сухонѣ ходило много такихъ судовъ; большая часть ихъ принадлежала вологодскимъ купцамъ. Подобныя же суда ходили по Волгѣ и ея большимъ притокамъ. По небольшимъ рѣкамъ, наприм. Москвѣ, ходили обыкновенно струги тоннъ въ 30. По словамъ Рандольфа, англійская компанія построила для плаванія по Волгѣ барку въ 27 тоннъ; ея постройка и снаряженіе стоило компаніи не больше 100 марокъ. Во время Олеарія по Волгѣ ходили струги тоннъ въ 800

*) Lys. 29. Tanner 38, 108 и 113. Ср. Дневникъ польскихъ пословъ въ Сказ. совр. о Дим. Самозв., ч. IV, стр. 116. Carl, 31. Neuv. 35.

и даже въ 1.000. Англійскіе купцы ѣздили отъ гавани св. Николая въ Вологду водой въ 14 сутокъ; отъ Вологды до Ярославля ѣхали сухимъ путемъ двое сутокъ; отъ Ярославля до Астрахани по Волгѣ 30 сутокъ; такимъ образомъ весь путь отъ Николаевской пристани при устьѣ Сѣверной Двины до Астрахани совершали лѣтомъ въ 46 сутокъ. Движеніе по Москвѣ рѣкѣ Герберштейнъ называетъ не совсѣмъ удобнымъ; Олеарій проѣхалъ по ней къ Коломнѣ 120 верстъ въ 24 часа, плывя безостановочно. Гораздо тяжелѣе и медленнѣе было плаваніе вверхъ по рѣкамъ; это происходило отъ того способа, которымъ двигали суда вверхъ по большимъ рѣкамъ, наприм. по Волгѣ: бросали якорь на четверь мили впереди; люди, помѣщавшіеся на баркѣ, которыхъ на большихъ судахъ было человѣкъ по 200 и болѣе, тянули за веревку, къ которой былъ привязанъ якорь; такимъ образомъ имъ удавалось въ день подвинуть барку не далѣе 2 миль впередъ *).

Иностранные путешественники сильно жалуются на безчисленныя затрудненія, съ которыми соединено было путешествіе по Московскому государству. Многія изъ этихъ затрудненій происходили отъ рѣдкаго населенія страны: постоялые дворы попадались рѣдко; въ селахъ не всегда можно было достать хлѣба за деньги. На пути отъ Холмогоръ до Вологды по Двинѣ Дженкинсону не пришлось побывать ни въ одной избѣ; путешественники останавливались на берегу рѣки, подъ открытымъ небомъ, и здѣсь готовили пищу изъ запасовъ, взятыхъ съ собою. Дженкинсонъ совѣтуетъ всякому, предпринимающему поѣздку по Россіи, непремѣнно имѣть при себѣ топоръ, огниво съ трутомъ, котелъ и пищу на всю дорогу, потому что всего этого обыкновенно нельзя достать на дорогѣ. Путешественнику грозила опасность отъ хищныхъ звѣрей, а еще болѣе отъ лихихъ людей, которые промышляли по большимъ дорогамъ. Въ лѣсахъ по дорогѣ нерѣдко встрѣчались кресты на могилахъ путниковъ, убитыхъ разбойниками. Корбъ видѣлъ такой крестъ въ лѣсу между Москвой

*) Hakl, I, 348, 408 и 423 Struys 146. Olear. 272 и 281. Neuv. 215.

и Можайскомъ; подъ нимъ схоронено было 30 человѣкъ, погибшихъ въ одно время отъ разбойниковъ. Тоже было и по рѣкамъ, особенно Волгѣ; путешественнику указывали на Волгѣ множество мѣстностей, прославленныхъ разсказами о разбояхъ степныхъ кочевниковъ и казаковъ; ему нерѣдко приходилось испытывать на себѣ справедливость этихъ разсказовъ. На англійскую барку, плывшую въ 1568 году по Волгѣ въ Персію, напало недалеко отъ Астрахани до 300 Ногаевъ, на 18 лодкахъ, и только послѣ двухчасоваго боя удалось Англичанамъ, при помощи огнестрѣльнаго оружія, прогнать разбойниковъ. На возвратномъ пути изъ Персіи въ 1573 году, близъ устья Волги тѣхъ же Англичанъ встрѣтили русскіе казаки въ числѣ 150 человѣкъ, вооруженныхъ топорами и пищалями; они прикинулись мирными людьми, обманомъ взошли на корабль и начали рѣзню, которая окончилась тѣмъ, что Англичане сдали имъ свой корабль со всѣми товарами, взявъ съ разбойниковъ клятву, что они отпустятъ ихъ живыми *).

Стараясь завязать политическія сношенія съ западноевропейскими государствами, Московское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ старалось завести съ ними и дѣятельныя торговыя сношенія. Въ половинѣ XVI в. открылась торговля съ Англичанами; шведскимъ купцамъ, которые во время Герберштейна могли торговать только въ Новгородѣ, дано было право ѣздить не только въ Москву, Казань и Астрахань, но чрезъ Россію въ Индію и Китай, съ условіемъ, чтобъ и русскимъ купцамъ позволено было изъ Швеціи отправляться въ Любекъ, Антверпенъ и Испанію. Іоаннъ IV долго и упорно добивался гавани на Балтійскомъ морѣ и потратилъ огромныя средства для достиженія этой цѣли. Но если въ Москвѣ сознавали важность торговыхъ связей съ западомъ и для упроченія ихъ добивались приморской гавани, то также ясно понимали выгоды отъ этого для Москвы и ея сосѣди, стараясь всѣми мѣрами помѣшать ей въ достиженіи ея цѣлей. Московскій государь, — писалъ Сигизмундъ Августъ Польскій Елизаветѣ

*) Korb 37. Hakl. I, 443—446.

Англійской, — ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву; ибо сюда привозятъ нетолько товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся нетолько произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и самые художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ; Вашему Величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными; до сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности и не зналъ искусствъ; но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что ему будетъ неизвѣстно" *).

Въ одно время съ расширеніемъ западной торговли Московскаго государства усиливалась его торговля и на востокѣ; главнымъ пунктомъ этой торговли была Астрахань. Въ 1395 г. Астрахань была разрушена Тамерланомъ, что нанесло сильный ударъ ея торговлѣ. Еще въ концѣ XV вѣка, когда чрезъ Астрахань проѣзжалъ Контарини, она состояла изъ нѣсколькихъ небольшихъ мазанокъ и была окружена низкими стѣнами, хотя кое-гдѣ видны были еще слѣды гораздо большихъ зданій **). Открытіе морскаго пути въ восточную Индію, грозившее торговымъ городамъ южной Европы большими потерями, заставило ихъ искать новаго пути въ Индію съ другой стороны, болѣе удобной для нихъ, и при этомъ обратить вниманіе на забытую Астрахань. Примѣромъ того, какіе планы строились по этому предмету, можетъ служить разсказъ Іовія объ одномъ антрепренерѣ, искателѣ восточнаго пути, генуезскомъ капитанѣ Павлѣ. Негодуя на Португальцевъ за то, что они одни скупали всѣ благовонія востока и по непомѣрнымъ цѣнамъ продавали ихъ въ Европѣ и что благодаря имъ почти вовсе прекратилась выгодная для городовъ по Средиземному морю торговля съ востокомъ чрезъ Евфратъ и Персидскій заливъ, онъ построилъ планъ новаго пути для торговли съ Индіей. Въ XV в. Европа по-

*) Hakl. I, 378.

**) Контарини 91.

теряла устье Танаиса, гдѣ былъ ея давній складочный пунктъ въ торговлѣ съ востокомъ *), а потому Павелъ велъ свой новый восточный путь отъ Риги на Москву, оттуда рѣками Москвой, Окой и Волгой въ Астрахань, далѣе Каспійскимъ моремъ къ Стравѣ (Астрабаду), оттуда рѣкою Оксомъ и черезъ Паропамизъ къ рѣкѣ Инду. Чтобы привести въ исполненіе свой планъ, предприниматель два раза ѣздилъ въ Москву, просилъ у великаго князя Василія поддержки, обѣщалъ его казнѣ и подданнымъ огромныя выгоды, если этимъ путемъ удастся подорвать торговлю ненавистныхъ Португальцевъ; но въ Москвѣ его не поддержали и широкій замыселъ остался безъ исполненія, послуживъ только поводомъ къ отправленію въ Римъ московскаго посла Димитрія Герасимова въ 1525 году **). Но если событія на востокѣ повредили торговымъ сношеніямъ южныхъ городовъ Европы съ восточными странами чрезъ Азовъ и Астрахань, то восточная торговля Московскаго государства, вмѣстѣ съ утвержденіемъ и распространеніемъ его вліянія на востокѣ, пріобрѣтала бо́льшую твердость и бо́льшіе размѣры. Во второй половинѣ XV в. изъ Москвы ежегодно ходили по Волгѣ въ Астрахань суда за солью ***). По словамъ Контарини, ханъ астраханскій ежегодно отправлялъ къ великому князю Московскому посла за подарками; съ этимъ посломъ обыкновенно отправлялся цѣлый караванъ татарскихъ купцовъ съ дже́здскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они мѣняли на мѣха, сѣдла, мечи и другія нужныя имъ вещи ****). Вообще Астрахань и въ XV в. была для Москвы важнымъ посредствующимъ рынкомъ въ торговлѣ ея съ востокомъ. Изъ Дербента ѣздили въ Астрахань купцы съ сарачинскимъ пшеномъ, шелковыми тканями и другими товарами востока, и мѣняли ихъ тамъ русскимъ купцамъ на мѣха и

*) Вслѣдъ за Астраханью, въ 1395 г. до основанія разрушенъ былъ Тамерланомъ и Азовъ, а въ 1471 г. онъ былъ завоеванъ Турками.

**) Іов. 14—18.

***) Барбаро 57.

****) Контарини 91.

другіе предметы, требовавшіеся въ Дербентѣ *). Въ княженіе Василія относительно восточной торговли принята была Московскимъ правительствомъ мѣра, имѣвшая важное значеніе какъ для московскихъ, такъ и для восточныхъ купцовъ: желая подорвать торговлю враждебной Казани, великій князь велѣлъ быть ярмаркѣ въ Нижнемъ и подъ страхомъ тяжелаго наказанія запретилъ московскимъ купцамъ ѣздить на казанскую ярмарку, которая собиралась на Купеческомъ островѣ, не далеко отъ города. Казанцы, конечно, много потеряли отъ этой мѣры, но не менѣе ихъ потеряла въ первое время и Москва, потому что во всѣхъ товарахъ, доставлявшихся Каспійскимъ моремъ и Волгой изъ Персіи и Арменіи, оказался на московскихъ рынкахъ большой недостатокъ и они очень вздорожали; особенно поднялась въ цѣнѣ волжская рыба **). Восточная торговля Московскаго государства по Волгѣ должна была значительно усилиться, когда все теченіе этой рѣки вошло въ предѣлы государства. Поссевинъ говоритъ, что восточные купцы стали меньше посѣщать Астрахань послѣ ея присоединенія къ Московскому государству: это событіе могло подвергнуть астраханскую торговлю нѣкоторымъ колебаніямъ, но нельзя принять, чтобъ явленіе, указываемое Поссевиномъ, дѣйствовало долго, какъ нельзя принять во всей силѣ англійское извѣстіе, что Астрахань вовсе не такой значительный торговый городъ, какъ думаютъ, что Русскіе привозятъ туда одни бездѣлицы, какъ-то: кожи, деревянную посуду, узды, сѣдла и проч. Магометанскіе владѣльцы еще въ царствованіе Іоанна IV, стараясь побудить султана къ отнятію Астрахани у царя Московскаго, указывали на огромный доходъ, который получалъ этотъ царь въ Астрахани отъ таможенныхъ пошлинъ ***). Кромѣ ука-

*) Тамъ же 83.

**) Herberst. 73.

***) Ханы Хивинскій и Бухарскій доносили султану: «въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходитъ ему (царю Московскому) въ Астрахани тамги въ день по тысячѣ

занныхъ товаровъ, Русскіе купцы отправляли въ Астрахань хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, также шерстяныя и полотняныя одежды, ножи, топоры, стрѣлы, зеркала, кошельки; оружіе и желѣзо можно было вывозить только тайкомъ или по особенному разрѣшенію начальства. Въ обмѣнъ на эти товары, въ началѣ XVI в. купцы джагатайскіе (изъ-за Аральскаго моря) снабжали Русскихъ въ Астрахани множествомъ шелковыхъ тканей, а татарскіе доставляли имъ лошадей и превосходныя бѣлыя матеріи, не тканыя, а сваленыя изъ шерсти, изъ которыхъ дѣлались красивыя и хорошо защищавшія отъ дождя епанчи. Лошадей они пригоняли въ Москву и другіе города табунами отъ 30,000 до 40,000. По англійскимъ извѣстіямъ XVI в., изъ Бухаріи привозили въ Астрахань и Москву пряные коренья, мускусъ, сѣрую амбру, ревень, хлопчатобумажныя матеріи, шелкъ, краски, также мѣха, которые они скупали въ Сибири. По извѣстіямъ XVII в., съ востока шли въ Московское государство, кромѣ шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ матерій, ковры, парча, шелкъ сученый разныхъ цвѣтовъ, драгоцѣнные камни и широкія сабли изъ Бактріи; драгоцѣнные камни привозились въ Москву съ востока въ такомъ количествѣ, что иностранцы изъ западной Европы дивились низкимъ цѣнамъ, по которымъ они продавались въ Москвѣ: мелкіе рубины, по словамъ Таннера, продавали фунтами, по 6 нѣмецкихъ флориновъ фунтъ. Изъ товаровъ, шедшихъ въ Москву изъ Крыма чрезъ Кіевъ, Михалонъ упоминаетъ драгоцѣнные камни, шелковыя и золотомъ шитыя ткани, ладанъ, ѳиміанъ, шафранъ, перецъ и проч. Съ Турками въ XVII в. шла сухопутная торговля чрезъ Бессарабію: турецкіе купцы привозили въ Москву драгоцѣнные камни и разныя ткани и вывозили отсюда кожи, мѣха и бѣлый моржевой зубъ, изъ котораго въ Турціи искусно дѣлали рукоятки кинжаловъ. По англійскимъ извѣстіямъ XVI в., купцы турецкіе и армянскіе платили въ Москвѣ десятую деньгу со всѣхъ привозимыхъ ими товаровъ, кромѣ

золотыхъ» (Истор. Россіи, VI, 293): извѣстіе, безъ сомнѣнія, очень преувеличенное, но показывающее, что было что̀ преувеличивать.

того за вѣсъ по двѣ деньги съ рубля. Въ Астрахани, по свидѣтельству Олеарія, торговыя пошлины были очень умѣренны; однакожь ихъ ежегодно собиралось тамъ болѣе 12,000 рублей. Въ заключеніе о восточной торговлѣ укажемъ на извѣстіе о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Китаемъ во второй половинѣ XVII в.: по словамъ Коллинса, Русскіе привозили изъ Китая чрезъ Сибирь чай и бадьянъ (anisum indicum stellatum), который пили съ сахаромъ отъ стѣсненій въ груди и желудкѣ; эти растенія привозили въ бумажныхъ пакетахъ, по 1 фунту въ каждомъ *).

Въ западной торговлѣ Московскаго государства во второй половинѣ XVI в. произошли важныя перемѣны. Возникавшее стремленіе Московскаго государства къ сближенію съ западной Европой, выразившееся въ усиліяхъ добиться береговъ Балтійскаго моря, встрѣтилось съ стремленіемъ морскихъ западно-европейскихъ государствъ въ противоположную сторону—въ богатыя восточныя страны; вслѣдствіе этого въ западной торговлѣ Московскаго государства образовались новыя связи, явились новые дѣятели и новые рынки, давшіе другое направленіе торговому движенію. Въ концѣ XVI в. ревельскій совѣтъ жаловался, что торговля Ревеля съ Русскими падаетъ, потому что ею завладѣли, ко вреду его и всѣхъ ганзейскихъ городовъ, чужія націи. Кромѣ Шведовъ и Датчанъ, получившихъ право торговли въ Россіи, въ Новгородѣ утвердились Голландцы съ правомъ безпошлинной торговли. Но безъ сомнѣнія всего болѣе тревожили ревельскихъ купцовъ Англичане. Извѣстно, какъ начались торговыя сношенія съ ними; средоточіемъ этого торговаго движенія стала пристань въ пустынномъ сѣверномъ краѣ при устьѣ Сѣверной Двины. Компанія лондонскихъ купцовъ, составившаяся для торговли съ Россіей и утвержденная королемъ Филиппомъ и королевою Маріею въ 1555 году, дѣятельно повела завязавшіяся сношенія съ отдаленной Московіей и старалась надежными средствами

*) Іовій 26. Herberst. 43. Флетч. гл. 19-я. Михалонъ 67. Hakl. I, 372, 352, 286. Oler. 319. Mayerb. I, 88 и 89; II, 152. Коллинсъ 574; сравн. Neuv. 228.

обезпечить успѣхъ своего дѣла. Инструкціи, которыми она снабжала своихъ агентовъ въ Россіи, всего лучше показываютъ, въ какомъ духѣ и съ какими цѣлями она дѣйствовала. Въ инструкціяхъ 1555 года агентамъ предписывалось изучить характеръ русскаго народа во всѣхъ его классахъ *), его нравы, обычаи, подати, монету, вѣсъ, мѣру, счетъ, товары, какіе нужны этому народу и какіе нѣтъ, чтобы вслѣдствіе незнанія всего этого компанія не потерпѣла какого-нибудь вреда или убытка; агенты обязаны были также остерегаться, чтобы никакой законъ русскій, ни религіозный, ни гражданскій, не былъ нарушенъ ни ими, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ Англичанъ; смотрѣть, чтобы всѣ пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискаціи товаровъ, чтобы все происходило покойно, безъ нарушенія порядка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Англичане будутъ торговать; агенты должны въ Москвѣ или другомъ какомъ-нибудь городѣ, или въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ будетъ выгоднѣе торговать, построить одинъ или нѣсколько домовъ для себя и всѣхъ своихъ людей, съ магазинами, погребами и другими службами, и смотрѣть, чтобъ никто изъ низшихъ служителей не смѣлъ ночевать внѣ агентскаго дома безъ позволенія. Агенты и факторы будутъ ежедневно собираться и совѣтоваться вмѣстѣ о томъ, что было бы всего приличнѣе и выгоднѣе для компаніи. Агенты должны подробно замѣтить всѣ роды товаровъ, которые могутъ быть съ выгодой проданы въ Россіи, должны имѣть постоянно въ умѣ, какъ бы всѣми возможными средствами узнать дорогу въ Китай, моремъ или сухимъ путемъ **). Въ 1555 г. суда компаніи совершили второе плаваніе сѣвернымъ путемъ въ Россію, и съ тѣхъ поръ компанія ежегодно посылала къ устью Сѣ-

*) Hakl. I, 289: that all the saide agents do well consider, ponder and weigh such articles as bee delivered to them to know the natures, dispotions, lawes, customes, maners and behaviours of the people of the countreis where they shall traffike, as well of the nobilitie as of the lawyers, marchants, mariners and common people.

**) Ibid. 288—292. Конiи льготъ см. на стр. 295—298.

верной Двины обыкновенно три корабля съ англійскими товарами въ концѣ мая или въ началѣ іюня, чтобы къ осени корабли могли возвратиться въ Англію съ русскими товарами. Въ 1582 г. отправлено было даже 9 кораблей. Одинъ изъ агентовъ Берроу *) совѣтовалъ компаніи отправлять корабли изъ Англіи въ началѣ мая, потому что къ концу этого мѣсяца, когда корабли могли достигнуть гавани св. Николая, русскіе товары уже свозились туда по весеннему рѣчному пути, а для тѣхъ товаровъ, которые появлялись на рынкѣ позже этого времени, онъ совѣтовалъ оставлять въ Николаевской пристани одинъ или два корабля. Пріѣхавъ въ гавань св. Николая, Англичане помѣщали свои товары на англійскомъ дворѣ подлѣ монастыря **). Изъ записокъ агентовъ компаніи видно, что торговое движеніе, открывшееся между Лондономъ и гаванью св. Николая, произвело неблагопріятное дѣйствіе на страны западной Европы, прежде торговавшія съ Россіей, и онѣ старались помѣшать этимъ новымъ сношеніямъ. Отправляя въ 1582 г. 9 кораблей къ гавани св. Николая, компанія снабдила ихъ сильной артиллеріей и военными людьми подъ управленіемъ адмирала и вице-адмирала, которымъ дала подробныя инструкціи, какъ дѣйствовать въ случаѣ встрѣчи на пути съ непріятелемъ ***); къ этому присоединялись неудобства и опасности сѣвернаго морскаго пути: по словамъ агента Лена, со времени открытія торговыхъ сношеній Англичанъ съ Россіей сѣвернымъ путемъ, въ 1560 г. корабли компаніи впервые возвратились въ Англію благополучно, безъ всякихъ потерь и поврежденій, изъ своей ежегодной поѣздки къ гавани св. Николая ****). Враговъ компанія встрѣчала и въ самой Россіи: когда Ченслеръ пріѣхалъ въ Москву и вступилъ въ переговоры о торговлѣ Англичанъ съ Россіей, голландская компанія въ Новгородѣ обратилась къ царю съ письмомъ, взводя

*) См. его записку у Гакл. I, 513.
**) Ibid. 517.
***) Ibid. 511 и 512.
****) Ibid. 525.

на Англичанъ разныя клеветы и между прочимъ стараясь увѣрить царя, что это—морскіе разбойники, которыхъ слѣдуетъ задержать и посадить въ тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Англичане отчаялись даже возвратиться въ отечество; но царь не повѣрилъ доносу и дѣло уладилось *). Предъ пріѣздомъ Боуса въ Москву таже голландская компанія хлопотала объ уничтоженіи торговыхъ льготъ, данныхъ Англичанамъ Московскимъ правительствомъ, и пріобрѣла себѣ въ Москвѣ друзей — Никиту Романовича, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова, ибо, кромѣ ежедневныхъ подарковъ этимъ совѣтникамъ царскимъ, Голландцы заняли у нихъ столько денегъ по 25 процентовъ, что платили одному изъ нихъ ежегодно по 5.000 рублей; англійскіе же купцы не имѣли въ это время при дворѣ ни одного доброжелателя **). Съ своей стороны, и Англичане старались иногда не совсѣмъ чистыми средствами помѣшать утвержденію въ Москвѣ посторонняго вліянія, которое находили для себя невыгоднымъ. Въ 1582 г. Поссевинъ писалъ, что въ бытность его въ Москвѣ, англійскіе купцы, здѣсь жившіе ***), подали царю записку, въ которой „какой-то еретикъ“ старался доказать, что римскій первосвященникъ—антихристъ; это заставило и Поссевина подать царю записку съ цѣлію оправдать папу отъ еритическаго обвиненія. Агенты посылали компаніи донесенія о ходѣ ея дѣлъ въ Россіи; письма, посылавшіяся съ нарочными чрезъ континентъ и содержавшія въ себѣ секретныя извѣщенія о мѣрахъ, которыя могли бы дать компаніи въ торговлѣ съ Россіей перевѣсъ надъ купцами другихъ странъ, агенты должны были писать цифирью ****). Компанія прежде всего хлопотала о томъ, чтобы привлечь къ себѣ русскихъ торговыхъ людей и захватить въ свои руки всѣ важнѣйшіе

*) Rer. Mosc. auct. varii, p. 150.

**) Hakl. I, 517.

***) Possev. Moscovia, p. 194. Suppl. ad hist. Russ. Mon. № CLXII: qui (Angli) in ea civitate commercia continenter exercent, a vectigalibus ea lege immunes (?), ut semper eorum XII in Moscovia vivant.

****) Hakl. I, 336.

товары Россіи. Компанія писала агентамъ, чтобы они предлагали русскимъ купцамъ по возможности выгодную цѣну за ихъ товары, чтобы эти купцы охотнѣе везли свои товары въ Вологду къ Англичанамъ чѣмъ въ Новгородъ къ купцамъ ганзейскимъ. Компанія не даромъ хлопотала объ этомъ: во время мира между Москвой и ея западными сосѣдями оживлялись и торговыя сношенія между ними, конкурренція для Англичанъ усиливалась, вслѣдствіе чего цѣны на русскіе товары, особенно на воскъ, поднимались; на это именно жаловалась компанія, указывая агентамъ своимъ, что всѣ эти обстоятельстоа поведутъ къ пониженію цѣнъ на англійскіе товары. Потому компанія находила нужнымъ обратиться къ Московскому царю съ просьбой запретить движеніе русскихъ товаровъ къ Ревелю и Ригѣ и направить его къ Вологдѣ и Холмогорамъ, за что компанія готова была обязаться брать русскіе товары и продавать свои по выгодной для русскихъ купцовъ цѣнѣ; иначе, заключаетъ компанія въ письмѣ отъ 1560 года, намъ не остается надежды на выгодное веденіе дѣлъ въ Россіи *). Компанія уговорила въ Лондонѣ русскаго посла согласиться на ея просьбу о дозволеніи агентамъ ея покупать въ Россіи товары въ долгъ, и приказывала послѣднимъ закупать этимъ или другимъ способомъ какъ можно болѣе воску, не заставляя его долго лежать на рукахъ продавцовъ, чтобъ, съ одной стороны, захватить весь этотъ товаръ въ свои руки и снабжать имъ не только свою страну, но и чужія, а съ другой — привлечь къ себѣ русскихъ купцовъ, облегчая имъ сбытъ ихъ товаровъ; слыша, что наибольшее количество воска, получавшагося въ Данцигѣ Любекѣ и Гамбургѣ, идетъ изъ Россіи чрезъ Новгородъ, Ригу и Ревель, компанія надѣялась такимъ образомъ отвлечь этотъ товаръ отъ помянутыхъ рынковъ и направить его къ Николаевской пристани и другимъ пунктамъ, гдѣ господствовали Англичане **). Съ тою же цѣлію компанія предписывала агентамъ дать ей знать, какого рода

*) Ibid. 342.

**) Ibid. 335.

шерстяныя ткани привозятся въ Россію изъ Риги, Ревеля, Польши и Литвы, съ подробнымъ описаніемъ ихъ ширины и длины, цвѣта и цѣны, и какое количество ихъ можно сбыть въ годъ, чтобъ такое же могла заготовлять компанія; также выслать всякаго рода кожи, ибо компанія слышала, что Нѣмцы и Голландцы закупаютъ ихъ въ Россіи большое количество *). Таковы были цѣли и пріемы, съ которыми англійская компанія вела свои дѣла въ Россіи.

Англія снабжала Россію чрезъ компанію не только своими, но и чужими произведеніями. Изъ счета, представленнаго Іоанну IV агентами компаніи, видно, какіе товары поставляли они ко двору: въ 1574 году взято было у англійскихъ купцовъ для царя 12 пуд. сахару, по 8 рубл. пудъ, и 200 стопъ бумаги, по 20 алт. стопа; въ 1576 г. взято мѣди на 1082 рубл., въ слѣдующ. году взято сукна разныхъ сортовъ нѣсколько кусковъ, въ 1580 г. взято свинцу на 267 рубл. и 15 кусковъ толстаго сукна на 210 рубл. **). Въ 1557 г. компанія отправила въ Россію 4 корабля съ товарами, между которыми было 25 тюковъ толстаго сукна, одинъ тюкъ фіолетоваго и одинъ алаго, 40 тюковъ бумажной матеріи, 518 кусковъ гемпширской каразеи, именно 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочекъ олова. Компанія обозначаетъ и цѣны этихъ товаровъ: кусокъ толстаго сукна 5 фунт. стерл. 9 шил., тонкаго фіолетоваго 18 фунт. 6 шил. 6 пенс., алаго 17 фунт. 13 шил. 6 пенс., тюкъ бумажной матеріи по 7 кусковъ въ каждомъ, 9 фунт. 10 шил., кусокъ каразеи 4 фунт. 6 шил. ***). Изъ письма компаніи къ агентамъ отъ 1560 г. узнаемъ, что она посылала въ Россію бастръ, изюмъ, черносливъ и миндаль ****). Англичане привозили въ Россію

*) Hakl. 333 и 336. We must procure to utter good quantitie of wares, especially the commodities of our realme, although we afford a good penyworth, to the intent to make other that have traded thither, wearie, and so to bring our selves and our commodities in estimation etc,

**) Ibid. 522 и 523.

***) Ibid. 332.

****) Ibid. 344.

оружіе и лошадиную сбрую *). Горсей пишетъ, что онъ закупалъ въ Англіи для царя львовъ, позолоченныя алебарды, пистоли, ружья и другое оружіе, разныя аптекарскія снадобья, органы, клавикодры и другіе музыкальные инструменты, карминъ, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; въ 1585 г. онъ накупилъ такихъ вещей на 4.000 ливровъ **). Агентъ Гассъ писалъ въ 1554 г., чтобы компанія доставляла Русскимъ такіе товары, которыми снабжали ихъ Голландцы, именно голландскія и фландрскія сукна, указывая на то, что англійская компанія можетъ доставлять ихъ чрезъ гавань Св. Николая съ меньшими расходами нежели купцы голландскіе чрезъ Ригу, Ревель или Дерптъ ***).

Согласно съ инструкціями компаніи, агенты ея скоро указали въ Россіи города, которые могли служить главными складочными пунктами для ея товаровъ и вмѣстѣ лучшими рынками для покупки русскихъ товаровъ. Джонъ Гассъ доносилъ въ 1554 г., что лучшимъ мѣстомъ для склада англійскихъ товаровъ онъ считаетъ Вологду, потому что это городъ большой, находящійся на удобномъ водномъ пути, въ сердцѣ Россіи, окруженъ многими большими и хорошими городами, изобилуетъ хлѣбомъ, вообще жизненными припасами и всѣми русскими товарами, особенно льномъ, пенькой, воскомъ и саломъ, всѣ вещи здѣсь вдвое дешевле чѣмъ въ Москвѣ или Новгородѣ; нѣтъ города въ Россіи, который не торговалъ бы съ Вологдой; даже Москва не такъ удобна для компаніи въ этомъ отношеніи, ибо тамъ, благодаря пребыванію двора, компаніи придется тратить половину своихъ барышей на подарки царскимъ чиновникамъ и другіе расходы ****). На основаніи этого донесенія Гасса, компанія устроила въ Вологдѣ контору. Другой важный пунктъ сѣверной торговли находился почти на концѣ воднаго сѣверо-двинскаго пути: это были

*) Ibid. 340.

**) Записки Горсея въ Библ для Чт. 1865 г. № 6, стр. 19.

***) Hacl. I, 287.

****) Ibid. 286.

Холмогоры. Здѣсь сосредоточивалось торговое движеніе сѣвернаго поморскаго края. Сюда, по словамъ Гасса, на большую ярмарку въ зимній Николинъ день свозились всѣ роды товаровъ, какіе производилъ сѣверный край Россіи, какъ-то: тюленій жиръ, соль, рыба (семга и треска), ворвань, мѣха; ворвани, замѣчаетъ Ченслеръ, въ Двинскомъ краѣ добывалось больше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Рыбу привозили сюда изъ Мурманскаго моря *), а мѣха съ Пинеги, изъ Лампаса и Пустозерска; промышленники этихъ мѣстъ скупали ихъ у Самоѣдовъ и мѣняли холмогорскимъ купцамъ на сукно, олово, мѣдь и другіе товары. Изъ Холмогоръ мѣха отвозили въ Новгородъ, Вологду или Москву; въ Новгородъ возили также съ Холмогорской ярмарки въ большомъ количествѣ тюленій жиръ и вяленую рыбу и сбывали тамъ эти товары голландскимъ и ливонскимъ купцамъ **). Холмогоры, по словамъ Ченслера, снабжали Новгородъ, Вологду, Москву и всѣ окрестныя страны солью, добываемою изъ морской воды, и соленою рыбой. Жители Пустозерска и другихъ приморскихъ мѣстностей промышляли ловлей моржей, изъ которыхъ добывали цѣнный моржевой зубъ; его вмѣстѣ съ другими произведеніями сѣвера возили на оленяхъ въ Лампасъ, а изъ Лампаса въ Холмогоры ***). Холмогоры, такъ же какъ и Вологда, скоро сдѣлались важнымъ складочнымъ пунктомъ англійской торговли; въ концѣ XVI в. здѣсь жило много англійскихъ купцовъ, имѣя свою землю и прекрасные дома ****). Кромѣ дворовъ въ Вологдѣ, Холмогорахъ и у пристани Св. Николая, у Англичанъ былъ еще дворъ въ Ярославлѣ; этотъ городъ былъ важнымъ торговымъ пунктомъ на пути между Москвой и Вологдой; главные товары его были хлѣбъ, кожи, сало и воскъ *****). Въ Лампасѣ, откуда привозилось много

*) Hakl. I, 286: their stockefish and salmon commeth from a place called Mallums, not farre from Wardhouse.

**) Ibid. 286.

***) Ibid. 264.

****) Мильтонъ, Исторія Московіи (въ От. Зап. т. CXXXI, отд. I, стр. 107.).

*****) Hakl. I, 264.

товаровъ въ Холмогоры, два раза въ годъ бывала большая ярмарка, на которую съѣзжалось множество разноплеменнаго народа—Русскихъ, Татаръ, Самоѣдовъ и проч. *).

Приведенныя извѣстія о сѣверной торговлѣ уже опредѣляютъ отчасти, какіе товары могла компанія вывозить изъ Россіи съ наибольшими удобствами: это были преимущественно произведенія сѣвернаго края Россіи, преобладавшія на упомянутыхъ рынкахъ Вологды и Холмогоръ. Компанія скоро обозначила своимъ агентамъ, какіе изъ этихъ товаровъ имѣли наибольшій сбытъ въ Англіи: это были воскъ, сало, ворвань, ленъ и пенька. Послѣдняго товара компанія предписывала не посылать въ Англію въ необработанномъ видѣ, потому что перевозка его обходилась компаніи слишкомъ дорого, по 6 фунт. стерл. за тонну; но компаніи послала въ Россію 7 канатныхъ мастеровъ, которыхъ агенты должны были тотчасъ посадить за работу въ Вологдѣ или Холмогорахъ, снабдивъ ихъ работниками и матеріаловъ; компанія предписывала заготовлять какъ можно больше канатовъ, потому что, добавляла она, это главный русскій товаръ, и приготовленіе канатовъ такимъ образомъ обойдется компаніи дешевле нежели выписыванье ихъ изъ Данцига. Согласно съ этими предписаніями построенъ былъ домъ въ Холмогорахъ для конатнаго производства, и 8 мастеровъ ежегодно передѣлывали въ канаты болѣе 90.000 фунтовъ пеньки **). Изъ мѣховъ наибольшій сбытъ имѣли въ Англіи бѣличьи, лисьи и куньи; компанія предписывала высылать изъ Россіи больше дешевыхъ мѣховъ и меньше дорогихъ, потому что послѣдніе трудно сбывались въ Англіи. Вообще мѣха далеко не составляли главной статьи въ торговлѣ компаніи съ Россіей; какъ на причину малаго сбыта мѣховъ въ Англіи, компанія указывала въ 1560 г. на распоряженіе правительства не носить иноземныхъ мѣховъ. Напротивъ увеличивался спросъ на сало, и компанія въ томъ же году предписывала увеличить присылку этого товара, хотя бы пришлось возвысить нѣ-

*) Ibid. 338.

**) Ibid. 332 и 338.

сколько покупную цѣну его; она требовала, чтобъ агенты ежегодно отправляли въ Англію по 3.000 пудовъ сала *) Второстепенными статьями вывоза были мачты, смола и нѣкоторые другіе товары, перевозка которыхъ обходилась компаніи слишкомъ дорого. Но кромѣ товаровъ, появлявшихся въ изобиліи на русскихъ рынкахъ, компанія старалась отыскать и захватить въ свои руки такіе товары, которые дотолѣ не имѣли важнаго значенія во внѣшней торговлѣ Россіи, но о которыхъ компанія слышала, что ихъ можно добывать тамъ въ изобиліи; такъ компанія предписывала агентамъ выслать образцы мѣди и желѣза, ибо она слышала, будто въ Россіи и Татаріи добывается большое количество этихъ металловъ; также прислать на пробу извѣстное количество земель или травъ или чего бы-то ни было, чѣмъ Русскіе красятъ свои льняныя и шерстяныя матеріи, кожи и т. п., а равно выслать и тѣ красильныя вещества, которыя Турки и Татары привозятъ въ Россію, съ описаніемъ, какъ употреблять ихъ при крашеніи; наконецъ она посылала знающаго человѣка для отысканія тиса въ Пермской и Печорской областяхъ, указывая на то, что эта статья хорошо пошла бы въ Англіи **). Соли компанія не вывозила изъ Россіи: предписывая агентамъ высылать изъ Россіи значительное количество соленаго мяса, компанія посылала для этого соль изъ Англіи, находя ее лучше русской ***).

Мы видѣли, какія цѣны назначала компанія нѣкоторымъ англійскимъ товарамъ, которые она отправляла въ Россію. О томъ, какія выгоды получала она отъ продажи здѣсь этихъ товаровъ, можно отчасти составить себѣ понятіе по доносенію агента Гудсона, который продавалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ сукно, стоившее на мѣстѣ 6 фунт. стерл., по 17 рубл. за кусокъ, что, по его словамъ, составляло почти

*) Ibid. 333 и 342.

**) Ibid. 333 и 335.

***) Ibid. 345 Ср. жалобу вологодскихъ и бѣлозерскихъ купцовъ въ Ист. Россіи VII, 63.

тройную цѣну *); въ Москвѣ товары, стоившіе 6608 фунт., проданы были за 13,644. Другой агентъ не согласился продать русскому купцу сукно, стоившее компаніи около 5½ фунт. за кусокъ, по 12 рубл., надѣясь получить больше **). Въ донесеніяхъ агентовъ компаніи находимъ нѣсколько указаній на цѣны, по которымъ она покупала русскіе товары. Агентъ Киллингуортъ покупалъ воскъ по 7 пенс. за фунтъ; пенька продавалась въ Вологдѣ въ 1557 г. по 2½ рубл. за берковецъ, но въ то же время другіе агенты купили въ Новгородѣ пеньки на 700 рубл. по 1½ рубл. за берковецъ; бѣлый новгородскій ленъ продавался по 3 руб. за берковецъ. Въ томъ же году Англичане купили въ Вологдѣ 400 пудовъ сала за 77 рубл., 17 берк. 6 пуд. 6 фунт. небѣленаго льна и пеньки за 28 рубл. 11 алт. 2 деньги; въ Холмогорахъ куплено въ 1558 г. 13 пуд. 7 фунт. пеньки за 2 рубл. 28 алт. 4 деньги. На цѣну ворвани въ Россіи нѣтъ указаній въ донесеніяхъ агентовъ; но въ 1560 г. компанія жаловалась въ письмѣ къ агентамъ, что въ Англіи цѣна на ворвань была не такъ хороша какъ прежде, именно бочка продавалась по 9 фунт. стерл. ***)

Утвердившись въ гавани св. Николая, Англичане простерли отсюда свои торговыя предпріятія въ страны, лежащія на востокъ и западъ отъ Бѣлаго моря, и оставили намъ любопытныя извѣстія о промышленности и торговлѣ на отдаленныхъ сѣверныхъ окраинахъ Московскаго государства. Выше мы привели извѣстія агентовъ о торговомъ движеніи въ странѣ на востокъ отъ устья Сѣверной Двины; другіе агенты сообщаютъ извѣстія о торговлѣ на Мурманскомъ берегу. Начало сношеній компаніи съ жителями этого края сдѣлано было въ 1557 году: агентъ ея Стефанъ Бёрроу, отыскивая пропавшіе англійскіе корабли, приплылъ

---

*) Компанія принимала русскій рубль за 16 шиллинг. 8 пенс., хотя и замѣчала, что онъ стоитъ не больше 13 шиллинг. Hakl. I. 337.

**) Ibid. 293.

***) Ibid. 295, 337, 338 и 344. См. цѣны привозныхъ и вывозныхъ товаровъ въ Архангельскѣ, по отпискамъ 1604 и 1605 года, у Карамзина т. X, стр. 234 и 235, примѣч. 435.

лѣтомъ этого года въ заливъ, недалеко отъ мѣстечка Кегора, къ сѣверу отъ устья р. Колы, и встрѣтилъ здѣсь нѣсколько норвежскихъ и голландскихъ судовъ, пришедшихъ сюда для мѣноваго торга съ Русскими и туземцами, Лопарями и Корельцами. Голландцы привезли сюда серебряную посуду, ложки, позолоченныя кольца, украшенія для поясовъ, ожерелья съ серебряными цѣпочками, сукна разныхъ цвѣтовъ, и очень выгодно обмѣнивали на эти товары или покупали у туземцевъ треску и семгу. Голландцы не хотѣли сказать англійскому агенту, по какой цѣнѣ покупали они здѣсь эту рыбу, но онъ узналъ, что они брали по 100 штукъ трески за 1 долларъ. Голландскіе купцы сказывали англійскому агенту, что они ежегодно пріѣзжали къ Кегору, гдѣ добывалась лучшая треска, и съ большою выгодой нагружали здѣсь свои суда этою рыбой. Корельцы и Лопари предлагали и Англичанину купить у нихъ рыбы, и когда послѣдній сказалъ имъ, что онъ не за тѣмъ прибылъ сюда, они просили его побывать у нихъ на слѣдующее лѣто. Бёрроу замѣтилъ имъ, что тогда у нихъ не достанетъ рыбы, чтобы удовлетворить запросамъ голландскихъ и англійскихъ купцовъ; но туземцы отвѣчали, что если больше будетъ приходить къ нимъ кораблей, то и у нихъ больше народа будетъ заниматься рыболовствомъ, что и теперь для этого нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ сюда на оленяхъ издалека, но жалѣютъ, что некому сбывать рыбу, и потому должны отдавать ее Голландцамъ по цѣнѣ, какую назначатъ послѣдніе. Русскимъ они продавали 24 рыбы (семги или трески) за 4 алтына. То же сказалъ агенту и московскій чиновникъ, который собиралъ подать съ Лопарей и пригласилъ Бёрроу въ свою палатку. Онъ совѣтовалъ Англичанамъ начать торговыя сношенія съ туземцами, и на вопросъ агента, какіе товары всего лучше привозить сюда, отвѣчалъ: серебро, жемчугъ, сукно, муку, крѣпкое пиво, вино, олово и золото. Агентъ обѣщалъ, что въ будущемъ году сюда прибудетъ англійскій корабль,—и сношенія завязались. Тотъ же агентъ въ другомъ донесеніи писалъ, что въ Кегоръ къ 29-му іюня сбиралось множество Русскихъ, Норвежцевъ, Корельцевъ и Лопарей, и

происходилъ большой мѣновый торгъ; туземцы вымѣнивали на рыбу, рыбій жиръ и мѣха товары пріѣзжихъ купцовъ. Главный надзоръ и сборъ пошлины на этомъ торгу принадлежалъ московскому чиновнику; но кромѣ того здѣсь присутствовали съ тою же цѣлью чиновники датскій и шведскій. Прежде чѣмъ открывался торгъ, московскій чиновникъ осматривалъ товары у Лопарей и Корельцевъ, подвластныхъ московскому государю, и давалъ имъ разрѣшеніе на продажу; то же дѣлали и другіе чиновники. Бёрроу добавляетъ, что за право рыболовства у Лапландскихъ береговъ, отъ монастыря на Печенгѣ до монастыря Св. Николая, подданные Московскаго царя платили значительныя суммы въ казну. Добываніемъ рыбы и рыбьяго жира у Лапландскаго берега занимались и Англичане: въ 1577 г. рыболовы компаніи, имѣя при себѣ одну рыболовную лодку, поймали около 10.000 штукъ трески, что̀ вмѣстѣ съ добытымъ изъ нея жиромъ доставило компанія 320 фунт. стерл.; кромѣ того англійскій корабль вымѣнялъ у туземцевъ рыбьяго жира и другихъ товаровъ на 100 кусковъ сукна. Однакожъ агенты жаловались компаніи, что она не обращаетъ достаточно вниманія на торговлю съ Лапландіей и этимъ уступаетъ преобладающее значеніе въ той странѣ другимъ европейскимъ промышленникамъ; одинъ агентъ писалъ, что въ 1574 году два англійскіе корабля вывезли изъ Лапландіи только 300 бочекъ рыбьяго жира, тогда какъ другіе купцы, премущественно голландскіе, купили тамъ у Русскихъ, Корельцевъ и Лопарей 1183 бочки *).

Въ концѣ царствованія Іоанна IV льготы англійской компаніи были ограничены, но въ царствованіе Ѳеодора, благодаря пріязни Бориса Годунова къ Англичанамъ, послѣдніе опять добились позволенія торговать въ Россіи вольною торговлей, освободившись отъ платежа пошлинъ, простиравшихся со времени ограниченія льготъ болѣе чѣмъ на 2.000 фунт. стерл. въ годъ **). Но Англичане добивались не одной свободы отъ пошлинъ: они добивались права

*) Hakl. I, 329, 467, 469, 464. Флетчеръ гл. 20-я.

**) Hakl. I, 521.

исключительной торговли въ Россіи. На предложенія объ этомъ со стороны королевы Елизаветы изъ Москвы отвѣчали, что дѣло несхожее указывать царю въ его государствахъ тому торговать, а иному не торговать. За старанія компаніи вытѣснить изъ Россіи другихъ иноземныхъ купцовъ, даже Англичанъ, не принадлежавшихъ къ компаніи, послѣдніе преслѣдовали ея суда и агентовъ, на что она сильно жалуется въ своихъ инструкціяхъ и письмахъ къ агентамъ; но она и сама прибѣгала къ подобнымъ же средствамъ съ цѣлію избавиться отъ соперниковъ. Въ Москву приходили жалобы другихъ иностранныхъ купповъ, что Англичане не пропускаютъ ихъ кораблей къ Московскому государству *). Вытѣснить соперниковъ не удалось компаніи: Горсей пишетъ, что лѣтомъ въ гавани Св. Николая всегда можно было найти кромѣ англійскихъ суда нѣмецкія, голландскія и французскія **). Но во внутреннихъ областяхъ государства Англичане не встрѣчали такихъ сильныхъ соперниковъ какъ на пограничныхъ рынкахъ Россіи. Агенты компаніи доносили, что Англичане пользуются большимъ довѣріемъ русскихъ купцовъ, что послѣдніе съ особенною охотой предлагаютъ имъ свои товары, зная ихъ какъ хорошихъ покупателей и исправныхъ плательщиковъ; но изъ инструкцій компаніи видно, какими соображеніями руководилась она, стараясь привлечь къ себѣ русскихъ торговыхъ людей: ей хотѣлось вытѣснить иноземныхъ конкурентовъ и господствовать на русскихъ рынкахъ, потому что конкурренція возвышала цѣны русскихъ товаровъ и понижала цѣны англійскихъ. Дѣйствуя такимъ образомъ

---

*) По поводу этихъ жалобъ царь писалъ Елизаветѣ: «Если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ отгоняютъ? Божію дорогу, Океанъ-море какъ можно перенять, унять и затворить». Истор. Росс. VII, 335.

**) Изъ переговоровъ съ Боусомъ узнаемъ, что къ Николаевской пристани приходилъ извѣстный антверпенскій купецъ Иванъ Бѣлобородъ (Iohn de Wale), а Кольскую пристань посѣщали купцы французскіе. Ист. Россіи VI, 400.

съ помощью льготъ, испрошенныхъ у московскаго правительства, компанія давила русскихъ торговыхъ людей; послѣдніе чувствовали свое безсиліе предъ богатыми и ловкими англійскими купцами, которые дѣйствовали соединенными силами, систематически; русскіе торговые люди не могли стянуть съ ними и ненавидѣли ихъ за ихъ привилегированное положеніе въ Россіи. Горсей разсказываетъ, что когда Боусъ ѣхалъ на аудіенцію во дворецъ, народъ въ Москвѣ, догадываясь о цѣли его пріѣзда въ Россію, поносилъ его обидными прозвищами *). Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича Англичане получили грамоту на свободную и безпошлинную торговлю въ Россіи; русскіе торговые люди жаловались на стѣсненія и потери, которымъ они подвергаются отъ иноземныхъ купцовъ, преимущественно Англичанъ, желали удаленія этихъ купцовъ изъ внутреннихъ областей государства **); но Спафари сказывалъ Невилю, что Англичане сохраняли преобладающее значеніе въ русской торговлѣ до смерти короля Карла I ***). Въ 1649 году наконецъ исполнено было давнее желаніе русскихъ торговыхъ людей: Англичане, по царскому указу, высланы были изъ внутреннихъ областей государства, и имъ позволено было торговать только у Архангельскаго города. Въ объясненіе этой мѣры Карлилю говорили въ Москвѣ, что Англичане продавали въ Россіи табакъ вопреки царскому запрещенію и не доставляли въ царскую казну англійскихъ товаровъ, сукна, олова, свинцу по цѣнѣ, по какой продавались они въ Англіи, о чемъ постановлено было условіе въ царствованіе Михаила ****). По высылкѣ изъ внутреннихъ областей и уничтоженіи льготъ Англичане платили въ казну пошлины 6.000 р. ежегодно *****). Послѣ этого преобладающее значеніе въ торговлѣ

---

*) Горсей въ указан. мѣстѣ, № 4, стр. 62.

**) См. объ этихъ жалобахъ Ист. Росс. IX, 416 и слѣд.

***) Neuville 210.

****) О другомъ побужденіи, которымъ правительство объясняло высылку Англичанъ, см. Ист. Россіи X, 161.

*****) Carl, 189, 200 и 257.

на сѣверѣ Московскаго государства получили купцы голландскіе, несмотря на то, что платили царю 15% пошлины съ привоза и вывоза; по словамъ Невиля, они держали въ Архангельскѣ болѣе 200 агентовъ, которые зимой ѣздили въ Москву и другіе города для закупки русскихъ товаровъ. Къ Архангельску приходили также суда изъ Гамбурга и другихъ ганзейскихъ городовъ. Въ XVII в. Архангельскъ былъ главнымъ мѣстомъ сбыта хлѣба за границу, который покупали преимущественно Голландцы *). По извѣстіямъ XVII в., по Сѣверной Двинѣ ходило вверхъ и внизъ множество судовъ; русскіе купцы свозили по ней къ Архангельску воловьи и лосинныя кожи, пеньку, смолу, льняное сѣмя, золу, разные мѣха, мѣняя все это на товары, привозившіеся голландскими и англійскими купцами изъ Испаніи, Италіи, Франціи, Голландіи и Англіи, какъ-то: пряные коренья, сахаръ, шафранъ, соленые сельди, вина, разныя ткани, голландскія сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкеты, мѣдь, свинецъ, олово, серебро и золото, тафту, атласъ, бархатъ, парчу, шерстяные и бумажные чулки, волоченое золото, жемчугъ, алмазъ и другіе драгоцѣнные камни, наконецъ большое количество серебряной и золотой монеты **). Купцы фламандскіе и гамбургскіе, по свидѣтельству Невиля, вывозили изъ Россіи чрезъ Архангельскъ преимущественно воскъ и желѣзо. Иноземные корабли приходили къ Архангельску въ іюлѣ и уѣзжали въ сентябрѣ. Ежегодно приходило сюда до 30 иностранныхъ кораблей ***). Сѣверная иностранная торговля чрезъ пристань св. Николая и потомъ Архангельскъ имѣла важное вліяніе на сѣверо-двинскій край: ей приписывали увеличеніе народонаселенія и развитіе промысловъ въ

*) Ibid. 72. Продажа хлѣба за границу была монополіей казны. См. грамоту объ этомъ въ Ист. Росс. IX, 419.

**) Mayerb. II, 56 и 57. Иногда на одномъ кораблѣ привозилось до 80.000 ефимковъ, съ которыхъ платили пошлину какъ съ товаровъ Карамз. X, 235.

***) Neuville 213.

этомъ краѣ *). Кромѣ западныхъ купцовъ, сюда пріѣзжали и восточные Татары, Бухарцы, Персіяне **). О значительности архангельской торговли въ XVII в. можно судить по величинѣ таможенной пошлины, которой, по свидѣтельству Олеарія, въ иные годы собиралось въ Архангельскѣ больше 300.000 рублей ***).

Перемѣна, начавшая обнаруживаться въ торговлѣ Московскаго государства съ западною Европой съ половины XVI в., состояла въ томъ, что движеніе этой торговли стало болѣе и болѣе отклоняться отъ прежнихъ своихъ средоточій и направляться въ другую сторону — на сѣверъ, къ устью Сѣверной Двины. Но прежнія средоточія западной торговли и послѣ открытія сѣверной торговли не потеряли своего значенія. Мы упоминали о торговомъ движеніи по Днѣпру, передававшемъ въ Литву русскіе товары изъ Москвы и Холопьяго города. Ланноа встрѣчалъ въ Литвѣ вещи съ названіемъ русскихъ, именно шубы, постели, перчатки и чашки ****); по извѣстію Герберштейна, въ Калугѣ искусно вырѣзывали изъ дерева чарки и другую домашнюю посуду, которую отправляли на продажу въ Литву [a]). Въ торговлѣ Московскаго государства съ Польшей важное значеніе имѣла Люблинская ярмарка, куда вмѣстѣ съ купцами изъ Пруссіи, Ливоніи, Германіи, Венгріи, Литвы, Татаріи пріѣзжало много и московскихъ купцовъ [b]). Но главное мѣсто въ торговлѣ съ западомъ занимали города, находившіеся въ сторонѣ отъ большихъ рѣчныхъ системъ, на рѣкахъ сравнительно менѣе значительныхъ, но за то имѣвшихъ прямую и близкую связь съ Балтійскимъ моремъ: это были Новгородъ и Псковъ. Въ началѣ XVI в. купцы московскіе, особенно изъ Новгорода и Пскова, складывали свои товары на правомъ берегу рѣки Нарвы, въ

*) Mayerb. II, 55.
**) Рейтенфельсъ 43.
***) Olear. 221.
****) G. de Lannoy 35 и 37.
a) Herberst. 50.
b) Ibid. 102.

въ деревянномъ городкѣ того же имени близь Ивань-города, и потомъ отправляли ихъ рѣкой къ морю *). Во второй половинѣ XVI в. Нарвская пристань была нѣкоторое время во власти московскаго царя; но и послѣ того, какъ она отошла къ Шведамъ, торговое движеніе къ ней изъ Россіи не прекращалось. Изъ Пскова и Новгорода отправляли туда ленъ, пеньку, сало, воскъ и кожи; въ торговлѣ этими товарами Новгородъ и Псковъ занимали первое мѣсто въ Россіи. Особенно славился между иностранными купцами новгородскій ленъ; по словамъ одного англійскаго агента, въ Новгородъ привозили лучшій русскій ленъ и продавали связками; было два сорта льна: 100 связокъ высшаго сорта продавались 4-мя рублями дороже такого же количества низшаго сорта. Ленъ высшаго сорта былъ длиннѣе и чище; пудъ его выходилъ изъ 22—24 связокъ, тогда какъ пудъ низшаго сорта выходилъ изъ 27 или 28 связокъ **). Англичане отдавали Новгороду рѣшительное преимущество предъ Москвой въ торговомъ отношеніи. Въ первой половинѣ XVI в. Голландцы имѣли въ немъ свой дворъ и торговали безпошлинно; не задолго до открытія сношеній Россіи съ Англіей они потеряли свои льготы за какіе-то противозаконные поступки, и снова возвратили ихъ, заплативши 30.000 рублей ***). Псковъ и въ концѣ XVI в. былъ наполненъ иностранными купцами, по выраженію Вундерера. О значеніи Пскова для прибалтійскихъ городовъ можно составить себѣ понятіе изъ того, что̀ писалъ въ Любекъ въ 1593 г. ревельскій совѣтъ; онъ писалъ, что торговля съ Русскими чрезъ Псковъ всегда составляла для жителей Ревеля и другихъ ганзейскихъ городовъ одинъ

*) О положеніи Русской Нарвы Олеарій пишетъ: Au pied de ce château (Ивань-города) se voit un bourg que l'on nomme la Nerva Moscovite, pour la distinguer d'avec la Nerva Teutonique ou Allemande. Ce bourg est habité par des Moscovites naturels (pag. 86). Слѣдовательно Русскою, или Московскою Нарвой назывался посадъ Ивань-города.

**) Hakl. I, 468, 287.

***) Ibid. 286. Rer. Moscov. auct. varii, p. 150.

изъ главныхъ источниковъ пропитанія и благосостоянія. Расширеніе западной торговли Московскаго государства во второй половинѣ XVI в. чрезъ Нарву, появленіе въ Нарвской пристани кораблей изъ отдаленныхъ морскихъ государствъ западной Европы грозило ганзейскимъ городамъ большими потерями, и совѣтъ города Ревеля, жалуясь въ упомянутомъ письмѣ на эти перемѣны, указываетъ на необходимость перевести торговый портъ изъ Нарвы въ Ревель, чтобъ удалить чужихъ купцовъ изъ Россіи или по крайней мѣрѣ заставить ихъ дѣйствовать въ интересахъ Ревеля и другихъ ганзейскихъ городовъ *). Соображенія, высказанныя въ письмѣ ревельскаго совѣта, объясняютъ намъ извѣстіе агента англійской компаніи Лена, который пишетъ, что Англичане давно имѣли торговыя сношенія съ Ригой и Ревелемъ, но до 1560 года ничего не знали о нарвской торговлѣ, которую тщательно скрывали отъ нихъ купцы Данцига и Любека **). Въ 1560 г. корабли англійской компаніи въ первый разъ посѣтили нарвскій портъ, и съ тѣхъ поръ начались постоянныя сношенія Англичанъ чрезъ этотъ портъ съ важнѣйшими торговыми городами Московскаго государства, которые ссужали приходившіе къ Нарвѣ корабли своими товарами. Какія выгоды получала компанія отъ этой торговли, можно заключать по извѣстію о торговой поѣздкѣ агента ея Гудсона, который въ 1567 г. приплылъ въ Нарву съ товарами на 11,000 фунт. стерл.; товары эти состояли изъ сукна, каразеи и соли; при продажѣ ихъ компанія получила 40% прибыли. Но и нарвская торговля Англичанъ соединена была съ такими же затрудненіями какъ и бѣломорская. Въ

*) Wir aber nun mit höchsten Schmerzen vernehmen, wie zu dieser Zeit derselbe Handel zur Pleskow der erbaren Stetters Inwohner unndt Bürgers je lenger je mehr durch die frembde Nationen zu Schaden, Verderb unndt Untergang getrieben werden etc. Въ 1596 г. совѣтъ опять жалуется, что торговля Ревеля съ Россіей падаетъ и торговый портъ попрежнему въ Нарвѣ. Suppl. ad histor. Russ. Monum. №№ LXXXVII — XCIV.

**) Hakl. I, 525.

1569 г. тотъ же агентъ Гудсонъ приплылъ изъ Лондона въ Нарву на трехъ корабляхъ и писалъ компаніи, чтобы на слѣдующую весну она прислала 13 кораблей, которые всѣ онъ надѣется нагрузить товарами; но при этомъ онъ писалъ, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрѣльнымъ оружіемъ на случай встрѣчи съ корсарами. Дѣйствительно, англійскіе корабли встрѣтили 6 кораблей польскихъ корсаровъ; бой былъ неравный: одинъ корсарскій корабль ушелъ, другой былъ сожженъ, остальные 4 были приведены въ Нарву и 82 человѣка плѣнныхъ выданы были Московскому воеводѣ *). Несмотря однакожь ни на жалобы ревельцевъ, ни на разбои польскихъ корсаровъ, Нарва и въ XVII в. продолжала быть важнымъ посредствующимъ рынкомъ въ торговлѣ ближайшихъ къ ней городовъ Ливоніи и Московскаго государства съ приморскими странами западной Европы. По извѣстію, сообщаемому Олеаріемъ, туда привозили воднымъ путемъ товары изъ Дерпта и Пскова; въ 1654 году къ Нарвѣ пріѣзжало болѣе 60 судовъ, которыя нагрузили здѣсь товаровъ болѣе чѣмъ на 500,000 экю **).—Кромѣ Нарвы, товары изъ Россіи шли по Западной Двинѣ къ Ригѣ; это были: мыло, кожи, хлѣбъ, смола, ленъ, пенька, медъ, воскъ, сало и мѣха; эти товары шли чрезъ Ригу въ Пруссію, Швецію, Данію и Германію ***). По словамъ Рейтенфельса, русскіе купцы имѣли складочные дворы въ Ригѣ, Ревелѣ и Вильнѣ; если имъ нужно было везти товары за море, они нанимали суда у иностранцевъ за высокую плату ****).

Сличая изложенныя извѣстія о восточной и западной торговлѣ Московскаго государства, мы находимъ любопытную разницу между той и другой относительно предметовъ вывоза: въ товарахъ, отпускавшихся на востокъ, преобладали произведенія непервоначальной промышленности, продукты болѣе или менѣе обработанные; на западъ,

*) Hakl. I, 451.
**) Olear. 85.
***) Mayerb. I, 50.
****) Рейтенф. 43.

напротивъ, Московская земля отпускала почти исключительно сырыя произведенія,—медъ, воскъ, сало, мѣха, кожи, ленъ, пеньку, лѣсъ. Во время Іовія мѣха, по значительному спросу на нихъ, до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ для шубы стоилъ не менѣе 1,000 золотыхъ; западные купцы вывозили изъ Россіи въ большомъ количествѣ дубъ и кленъ, высоко цѣнившіеся въ западной Европѣ; Кампензе, соображая обиліе меда и лѣса въ Московскомъ государствѣ, думаетъ, что все количество воска и смолы, а также мѣховъ, потребляемое Европой, вывозится изъ Московскихъ владѣній *). Медъ и воскъ Олеарій называетъ лучшими вывозными статьями внѣшней торговли Россіи; за внутреннимъ потребленіемъ, весьма значительнымъ, воску, по свидѣтельству Флетчера, вывозилось за границу въ его время до 10,000 пуд., но прежде гораздо больше—до 50,000 пуд.; по показанію Олеарія, воску вывозилось въ XVII в. ежегодно болѣе 20,000 центнеровъ **). За указанными статьями вывоза слѣдовали мѣха; московскіе купцы сказывали Флетчеру, что за нѣсколько лѣтъ до его пріѣзда въ Москву купцы турецкіе, персидскіе, бухарскіе, грузинскіе, армянскіе и изъ разныхъ христіанскихъ странъ вывозили мѣховъ на 400,000 или 500,000 рублей. Въ XVII в. вывозъ мѣховъ усилился: Олеарій пишетъ, что въ иные года русскіе купцы продавали за границу мѣховъ болѣе чѣмъ на милліонъ рублей ***). Относительно другихъ статей вывоза Флетчеръ оставилъ намъ цифры, показывающія, насколько уменьшился вывозъ разныхъ товаровъ въ его время, въ сравненіи съ прежнимъ; при этомъ Флетчеръ ссылается на свидѣтельство людей знающихъ, говоря, что отъ нихъ такъ слышалъ. Сала вывози-

---

*) Іовій 40. Относительно смолы и воска это извѣстіе не совсѣмъ точно, ибо воскъ и смола шли въ Европу и изъ Литовскихъ владѣній; но оно указываетъ, откуда привозилось наибольшее количество этихъ товаровъ.

**) Флетчеръ гл. 3-я. Olear. 120.

***) Флетч. тамъ же. Olear. 121.

лось прежде до 100,000 пуд., а теперь, во время Флетчера, не болѣе 30,000; кожъ прежде вывозили до 100,000 штукъ, а теперь около 30,000; льномъ и пенькой ежегодно нагружалось въ Нарвской пристани до 100 большихъ и малыхъ судовъ, а теперь не болѣе 5. Здѣсь Флетчеръ не опредѣляетъ ясно, что разумѣетъ онъ подъ словомъ *прежде;* изъ приводимыхъ имъ причинъ уменьшенія вывоза, именно отнятія Нарвской пристани у Москвы и закрытія сухопутнаго сообщенія чрезъ Смоленскъ и Полоцкъ по случаю войны съ Польшей (которой въ царствованіе Ѳедора не было) можно заключать, что онъ разумѣлъ время до царствованія Іоанна IV или по крайней мѣрѣ всю первую половину XVI-го вѣка *).

Между тѣмъ, съ половины XVI в. торговыя связи Московскаго государства расширяются; видимъ со стороны Московскаго правительства попытки завести дѣятельную торговлю съ западными европейскими государствами, открыть русскіе рынки бо́льшему числу иностранныхъ купцовъ, съ условіемъ, чтобъ и русскимъ торговымъ людямъ открыто было больше заграничныхъ рынковъ. Въ первой половинѣ XVI в. въ Москву могли пріѣзжать для торговли купцы польскіе, литовскіе и изъ нѣкоторыхъ восточныхъ странъ; во второй половинѣ XVI в. туда допущены были еще купцы шведскіе и англійскіе; но купцамъ изъ Ливоніи и Германіи открыты были только рынки въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ первой половинѣ XVII в. по всему государству вели дѣятельную торговлю купцы голландскіе, ганзейскіе, англійскіе, датскіе, шведскіе, нѣмецкіе, татарскіе, польскіе, персидскіе, армянскіе и другіе. По словамъ Невиля, въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ жило въ его время больше 1000 купцовъ голландскихъ, гамбургскихъ, англійскихъ и итальянскихъ **). Впрочемъ, и въ XVI в. бывали случаи когда всякій иностранный купецъ могъ попасть въ Москву съ товарами: когда, говоритъ Герберштейнъ, отправляются въ Москву послы изъ какого-нибудь государства, къ нимъ

*) Флетч. тамъ же. Ср. Carl. 72.

**) Neuville 211.

обыкновенно пристаютъ купцы изъ разныхъ странъ, потому что подъ покровительствомъ пословъ всякіе купцы могли свободно пріѣзжать въ Москву и торговать здѣсь безпошлинно; иногда они получали въ Москвѣ даже содержаніе отъ государя какъ члены посольства, съ которымъ они пріѣхали *). Привезенные въ Москву заграничные товары тотчасъ предъявлялись таможеннымъ приставамъ, которые осматривали и оцѣнивали ихъ; но и послѣ того нельзя было еще продавать эти товары, пока ихъ не показывали государю или назначеннымъ для этого сановникамъ; при этомъ осмотрѣ лучшее покупалось въ государеву казну. Отсутствіе прямыхъ и правильныхъ торговыхъ сношеній производило иногда странныя явленія въ торговлѣ съ иностранцами. Своевременный привозъ даже дешевыхъ товаровъ непомѣрно обогащалъ продавцовъ; но не легко было разсчитать эту своевременность. Часто случается, пишетъ Герберштейнъ, что является сильный спросъ на какой-нибудь товаръ, и кому первому удавалось привезти его, тотъ получалъ непомѣрные барыши; но потомъ, когда другіе купцы навозили много этого товара, онъ такъ падалъ въ цѣнѣ, что первые купцы, которые продали свой товаръ по высокой цѣнѣ, опять скупали его по гораздо-меньшей цѣнѣ и возвращались на родину съ большими барышами. Мы видѣли, какъ выгодно отозвался Герберштейнъ о торговыхъ обычаяхъ жителей Пскова. Совсѣмъ иначе отзывается тотъ же иностранецъ о торговыхъ людяхъ другихъ городовъ, особенно Москвы. Они,—говоритъ Герберштейнъ,—ведутъ торговлю съ величайшимъ лукавствомъ и обманомъ. Покупая иностранные товары, они всегда понижаютъ цѣну ихъ на половину, и этимъ поставляютъ иностранныхъ купцовъ въ затрудненіе и недоумѣніе, а нѣкоторыхъ доводятъ до отчаянія; но кто, зная ихъ обычаи и любовь къ проволочкѣ, не теряетъ присутствія духа и умѣетъ выждать время, тотъ сбываетъ свой товаръ безъ убытка. Иностранцамъ они все продаютъ дороже,

*) Possev. 26: nec aliquid pendunt et aluntur a Principe. Ср. Rer. Moscov. auct. varii, p. 156.

такъ что иная вещь стóитъ имъ самимъ 1 дукатъ, а они продаютъ ее за 5, 10, даже за 20 дукатовъ, хотя случается, что и сами покупаютъ у иностранцевъ за 10 или 15 флориновъ какую-нибудь рѣдкую вещь, которая не стоитъ и одного флорина. Если при сдѣлкѣ неосторожно обмолвишься, обѣщаешь что-нибудь, они въ точности припомнятъ это и настойчиво будутъ требовать исполненія обѣщанія, а сами очень рѣдко исполняютъ то, что̀ обѣщаютъ. Если они начнутъ клясться и божиться,— знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлью обмануть. Я просилъ одного боярина, разсказываетъ Герберштейнъ, помочь мнѣ при покупкѣ мѣховъ, чтобы купцы не обманули меня; тотъ сейчасъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, но потомъ поставилъ меня въ большое затрудненіе: онъ хотѣлъ навязать мнѣ свои собственные мѣха, а тутъ еще начали приставать къ нему другіе продавцы, обѣщая заплатить за трудъ, если онъ спуститъ мнѣ ихъ товаръ по хорошей цѣнѣ. Есть у нихъ обычай ставить себя посредниками между продавцомъ и покупателемъ, и взявъ подарки особо и съ той и съ другой стороны, обѣимъ обѣщать свое вѣрное содѣйствіе. Есть у нихъ обширный дворъ не далеко отъ Кремля, называемый Гостинымъ дворомъ (Curia dominorum mercatorum), въ которомъ купцы складываютъ свои товары; здѣсь перецъ, шафранъ, шелковыя матеріи и т. п. товары продаются гораздо дешевле чѣмъ въ Германіи. Причину этого надобно полагать въ преобладаніи мѣновой торговли. Если московскіе купцы назначаютъ очень высокія цѣны своимъ мѣхамъ, пріобрѣтеннымъ ими очень дешево, то и иностранные купцы, чтобы не быть въ убыткѣ, даютъ имъ въ обмѣнъ на эти мѣха дешевые товары, назначая имъ высокія цѣны; но въ этой мѣнѣ московскій купецъ выигрываетъ столько, что можетъ продавать иностранные товары, вымѣненные на мѣха, по такой низкой цѣнѣ, по какой не могъ бы продавать ихъ иностранный купецъ, привезшій ихъ въ Москву. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что торговля московскихъ купцовъ съ иностранцами носила на себѣ въ сильной степени характеръ игры. Олеарій указываетъ на другія операціи московскихъ

купцовъ, которыя еще лучше характеризуютъ дѣло: я изумлялся,— пишетъ онъ,— видя, что московскіе купцы продавали по 3½ экю аршинъ сукна, которое они сами покупали у Англичанъ по 4 экю; но мнѣ сказывали, что это имъ очень выгодно, потому что, купивъ у Англичанъ сукно въ долгъ и продавая его за наличныя деньги, хотя и дешевле своей цѣны, они обращаютъ вырученныя деньги на другія предпріятія, которыя не только покрываютъ потери, понесенныя ими при продажѣ сукна, но и доставляютъ сверхъ того значительные барыши. Московскіе купцы, по словамъ Олеарія, высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотливость, говоря, что это — даръ Божій, безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, самымъ грубымъ образомъ обманувшій многихъ изъ московскихъ торговыхъ людей, пріобрѣлъ между ними такое уваженіе за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять ихъ къ себѣ въ товарищи, въ надеждѣ поучиться его искусству *). Одинъ Герберштейнъ оставилъ намъ извѣстіе о ростѣ; онъ называетъ его невыносимо-большимъ, именно брали, по его словамъ, обыкновенно не менѣе 20 процентовъ, и только церкви соглашались давать ссуды по 10 процентовъ **).

XII.

Монета.

Оканчивая изложеніе извѣстій иностранцевъ о промышленности и торговлѣ Московскаго государства, изложимъ нѣкоторыя сообщаемыя ими свѣдѣнія о монетѣ. Рубруквисъ, проѣхавшій по южной Россіи въ половинѣ XIII в., говоритъ, что обыкновенная русская монета состоитъ изъ кожаныхъ пестрыхъ лоскутковъ ***). Эти кожаныя деньги еще ходили на Руси въ началѣ XV в., и ихъ видѣлъ Ланноа,

*) Herberst. 42 и 43. Olear. 145.

**) Herberst. 44.

***) Карамз. IV, 60.

бывшій въ Новгородѣ въ 1412 году. Этотъ путешественникъ пишетъ, что монетой въ Новгородѣ служатъ куски серебра *) около 6 унцій вѣсомъ, безъ всякаго изображенія; золотой монеты нѣтъ, а мелкою монетой служатъ головки бѣлокъ и куницъ **). Съ этимъ извѣстіемъ согласно и свидѣтельство Герберштейна, который говоритъ, что за сто лѣтъ до него въ Россіи отливали продолговатые кусочки серебра цѣною въ рубль, безъ надписи и изображенія; онъ прибавляетъ, что въ его время такихъ рублей уже не было въ обращеніи ***). Въ то же время, продолжаетъ Горберштейнъ, оставили мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей, употреблявшіяся до того времени вмѣсто денегъ ****). Въ первой половинѣ XVI в. въ Московскомъ государствѣ ходила монета 4-хъ родовъ: московская, новгородская, тверская и псковская. Высшею монетною единицей была деньга. Московская деньга имѣла овальную форму съ различными изображеніями. Герберштейнъ различаетъ въ этомъ отношеніи древнія и новѣйшія деньги; древнія имѣли на одной сторонѣ изображеніе розы, а на другой надпись; на новѣйшихъ по одну сторону изображался человѣкъ на конѣ, а по другую была надпись. Изъ сложенія денегъ составлялись высшія счетныя единицы: 6 денегъ московскихъ составляли алтынъ, 20—гривну, 100—полтину, 200—рубль; во время Герберштейна чеканились новыя монеты (полденьги), съ надписями по обѣ

---

*) Рубли, или прежнія гривны серебра. Счетъ гривнами замѣнился счетомъ рублями въ первой половинѣ XIV вѣка.

**) G. de Lannoy 20: Et est leur monnoye de keucelles d'argent, pesans environ six onces, sans empreinte; et est leur menue monnoye de testes de gris et de martres.

***) Герберштейнъ говоритъ, что до этого времени на Руси вовсе не было серебряной монеты: vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa. Но существованіе серебряной монеты до XV вѣка доказывается неоспоримыми свидѣтельствами. Исторія Россіи, т. III, стр. 53.

****) Объ отмѣнѣ кожаныхъ денегъ и перемѣнахъ въ звонкой монетѣ въ Псковѣ и Новгородѣ въ первой половинѣ XV вѣка см. Полн. Соб. Р. Лѣт. V, 21 и 24, Истор. Россіи IV, 262 и 263.

стороны; въ рублѣ ихъ было 400. Тверская деньга имѣла надписи по обѣ стороны и по цѣнѣ равнялась московской. Новгородская деньга по цѣнѣ была вдвое больше московской; на одной сторонѣ ея изображался государь на престолѣ и преклоняющійся передъ нимъ человѣкъ, а на другой была надпись; въ Новгородской гривнѣ считалось 14 денегъ, а въ рублѣ 222. Псковская деньга имѣла на одной сторонѣ изображеніе увѣнчанной головы быка, а на другой надпись. Золотой монеты въ Московскомъ государствѣ не дѣлали; но въ обращеніи было много золотыхъ венгерскихъ и рейнскихъ. Ходили еще рижскіе рубли, изъ которыхъ каждый равнялся двумъ московскимъ. Московская монета дѣлалась изъ хорошаго чистаго серебра. Почти всѣ золотыхъ дѣлъ мастера въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери, по свидѣтельству Герберштейна и Гваньини, чеканили монету. Желавшій обмѣнять кусокъ серебра на деньги приносилъ его къ мастеру и получалъ равное по вѣсу количество серебряной монеты, платя мастеру указную, очень незначительную сумму за трудъ. Въ правленіе Елены (въ 1535 году) произошли перемѣны въ монетной системѣ: счетная единица рубль понизилась въ значеніи, стала обозначать меньшее количество металла. При Герберштейнѣ въ рублѣ считалось 200 московокъ, или московскихъ денегъ; во второй половинѣ XVI вѣка, по словамъ Гваньини и другихъ иностранцевъ, въ рублѣ считалось 100 денегъ. На степень пониженія рубля указываютъ извѣстія о цѣнѣ венгерскаго золотаго въ Москвѣ: при Герберштейнѣ обыкновенная цѣна его была 100 денегъ московскихъ, т. е. полрубля; во время Гваньини венгерскій золотой стоилъ 60 денегъ, т. е. больше новаго полурубля. Монетная единица также уменьшилась въ достоинствѣ: при Герберштейнѣ за московку давали 60 мѣдныхъ пулъ, а во время Гваньини только 40 *). Герберштейнъ, Гваньини и Англичане XVI

*) Эти извѣстія о перемѣнѣ въ денежной системѣ объясняются словами лѣтописи: «Повелѣ Великій Князь дѣлати новые деньги на свое имя безъ всякаго примѣса изъ гривенки изъ каловые 300 де-

вѣка пишутъ, что въ Московскомъ государствѣ не чеканили золотой монеты; въ обращеніи были только иностранные золотые; но Бухау говоритъ, что попадались, хотя очень рѣдко, и золотыя монеты, дѣланныя въ Московскомъ государствѣ, съ такимъ же изображеніемъ и надписью, какъ на серебряныхъ деньгахъ; эти золотыя монеты были нѣсколько меньше венгерскихъ золотыхъ. Всѣ упомянутые иностранцы XVI в. указываютъ на употребленіе въ Московскомъ государствѣ маленькихъ мѣдныхъ монетъ, называвшихся пулами; при Герберштейнѣ ихъ ходило за московскую деньгу 60, а при Гваньини 40; но такихъ монетъ было немного въ обращеніи; по свидѣтельству Гваньини и Бухау, они дѣлались преимущественно для бѣдныхъ и употреблялись на мелкія покупки и на милостыню нищимъ *). Такимъ образомъ ходячей серебряною монетой были полденьги, или полушки, деньги, или прежнія московки, и копѣйки, или прежнія новгородки; изъ сложенія копѣекъ составлялись высшія счетныя единицы — алтынъ, гривна, полтина,

---

негъ новгородскихъ, а въ московское число три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки дѣлали 250 денегъ новгородскихъ, а въ московское число полтретья рубли съ гривною. А при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ бысть знамя на деньгахъ князь великій на конѣ, а имѣя мечь въ руцѣ; а князь великій Іоаннъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ князь великій на конѣ, а имѣя копіе въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги *копейные*. Карамз. VIII, примѣч. 67. Изъ этого видно, что названіе копѣйки перешло на новгородскую деньгу, только уменьшенную въ количествѣ металла, названіе же деньги, какъ половины копѣйки, удержалось за московской деньгой. Этимъ объясняется, какія деньги разумѣлъ Гваньини, говоря, что въ новомъ рублѣ 100 московскихъ денегъ Московки и въ XVII в. имѣли прежнее изображеніе человѣка на конѣ съ саблею. Котоших. гл. VII, ст. 9.

*) Herberst. 41 и 42. Guagn. 157 и 158. Printz á Buchau 243—245. Агентъ англійской компаніи Гассъ прибавляетъ: there is a coine of copper, which serveth for the reliefe of the poore in Mosco and no where else. Hakl. I, 285. Такихъ мѣдныхъ монетъ, или пулъ, ходило 18 за полденьгу, т. е. почти столько же, сколько показываетъ Гваньини. Въ торговлѣ мѣдныя монеты, по словамъ Гасса, не обращались: it is no currant money among merchants.

рубль, которыя не имѣли соотвѣтствующихъ имъ металлическихъ знаковъ *).

Въ первой половинѣ XVII в. въ достоинствѣ монеты не произошло перемѣны, по крайней мѣрѣ значительной. По словамъ Петрея, 36 денегъ (т. е. новгородскихъ, или копѣекъ) вѣсили немного менѣе 2 лотовъ; слѣдовательно, въ рублѣ было немного менѣе 16 золотниковъ серебра; по указу 1535 года, изъ полуфунта серебра велѣно чеканить ровно три рубля **). Ходячей серебряной монетой въ первой половинѣ XVII вѣка продолжали быть копѣйки, цѣною около 16 денаріевъ, по Маржерету и Олеарію, московки и полушки; послѣдніе были такъ мелки, что, по словамъ Петрея и Олеарія, Русскіе на рынкѣ горстями клали ихъ въ ротъ, чтобъ не потерять, и это нисколько не мѣшало имъ говорить. Чеканили монету по прежнему въ 4-хъ городахъ, — Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери (гдѣ право на это, по Петрею и Олеарію, иногда отдавалось на откупъ богатымъ купцамъ). Серебряная монета чеканилась изъ привознаго серебра, особенно „ефимочнаго“, т. е. изъ перелитыхъ рейхсталеровъ, привозившихся въ Россію, какъ мы видѣли, во множествѣ чрезъ Архангельскъ въ видѣ товара ***); на то же употреблялись, по свидѣтельству Олеарія, и испанскіе

*) Мелкій денежный счетъ былъ такой: въ рублѣ 400 полушекъ, 800 полуполушекъ, 1.600 пироговъ, 3.200 полупироговъ, 6.400 четв. пироговъ. Карамз. X, прим. 435.

**) Маржеретъ говоритъ, что московскій рубль его времени равнялся 6-ти ливрамъ и 12-ти су; на этомъ основаніи Карамзинъ цѣнитъ рубль второй половины XVI в. въ 5 серебр. рублей своего времени. И. Г. Р. т. X, прим. 404. Но г. Устряловъ, на основаніи извѣстія Петрея, считаетъ рубль начала XVII в. почти равнымъ 3 рубл. 30 коп. серебромъ по курсу 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Сказ. Современник. ч. 3-я, примѣч. 63.

***) Ефимками, по Олеарію, назывались въ Москвѣ рейхсталеры потому, что нѣкогда на нихъ дѣлалось изображеніе св. Іоахима и эту монету сперва чеканили въ Богеміи, въ городѣ Ioachimsthal. См. Олеар. 183.

реалы. Ефимки, по свидѣтельству того же иностранца, были по вѣсу немного болѣе полурубля *), но въ Москвѣ принимали ихъ отъ иностранныхъ купцовъ по гораздо — низшей цѣнѣ. По словамъ Маржерета, цѣна ихъ иногда падала до 12 алтынъ, или 36 денегъ **); какъ видно изъ иностранныхъ извѣстій, мѣна иностранныхъ монетъ была для московскихъ торговыхъ людей предметомъ настоящей биржевой игры, въ которой большею частью проигрывали иностранцы. Герберштейнъ говоритъ, что какъ скоро иностранецъ покупалъ что-нибудь на свою монету, московскіе купцы понижали ея цѣну; но если иностранецъ продавалъ свой товаръ московскимъ купцамъ или, уѣзжая изъ Москвы, искалъ иностранной монеты, ему предлагали ее по возвышенной цѣнѣ. Особенно сильно колебалась цѣна иностранной золотой монеты, даже во внутреннемъ обращеніи; по словамъ Маржерета, Русскіе покупали и продавали золотую монету какъ и прочіе товары; иногда за червонецъ платили 24 алтына, а ногда 16; обыкновенная же цѣна имъ была 18—21 алт. Но бывали случаи, когда цѣна червонцевъ возвышалась до 2 рублей, и тогда сильно наживались купцы, успѣвшіе во время запастись ими: такая дороговизна случалась во время царскаго коронованія или брака, также при крестинахъ, ибо тогда много червонцевъ шло на подарки царю и царицѣ. То же было и за нѣсколько дней до Пасхи, ибо на Пасху Русскіе, христосуясь съ боярами и другими вліятельными людьми, подносили имъ вмѣстѣ съ красными яйцами и червонцы ***). Вслѣдствіе этихъ колебаній цѣнъ на иностранную монету заграничные купцы въ Москвѣ предпочитали мѣновую торговлю, платя за русскіе товары своими товарами, а не деньгами. Во время Петрея мѣдныхъ денегъ въ Московскомъ госу-

*) Именно рубль вѣсилъ на $^1/_2$ лота менѣе 2-хъ ефимковъ: mais d'autant qu'il s'en faut deux gros que les cent copecs ne pesent deux rixdalers, les Moscovites etc. Olear. 182.

**) Царская казна принимала отъ иностранцевъ ефимки въ уплату за свои товары по 40 или по 42 коп. Котоших. гл. VII, ст. 9

***) Маржеретъ 50 и 51. Petr. 309. Olear. 182.

дарствѣ уже не было въ обращеніи. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича выпускъ мѣдныхъ денегъ по одинаковой цѣнѣ съ серебряными не удался, и только въ царствованіе Петра мѣдная монета вмѣстѣ съ другими нововведеніями въ денежной системѣ вошла въ обращеніе *).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
8	1 снизу	описать,	оцѣнить
12	13 сверху	chancelour,	Chancelour
14	20 —	jean	Jean
	въ прим.	ferretur	ferrentur
23	10 снизу	мракомъ, въ которомъ.	мракомъ неизвѣстности, но и дѣйствительнымъ мракомъ, въ которомъ
29	9 сверху	на востокъ Волги	на востокъ отъ Волги
31	1 сверху	извѣстны были по ту сторону	извѣстны были въ первой половинѣ XVI-в. по ту сторону
32	8 сверху	носа	шеи
44	4 снизу	отверстіе двери	отверстіе въ двери
50	16 сверху	согласились	соглашались
»	6 снизу	назначаютъ	назначатъ
58	5 снизу	государь его	государь жалуетъ его
62	7 сверху	на бумагѣ	по бумагѣ
73	16 сверху	сильной	личной
74	21 сверху	въ отечественныхъ — извѣстіяхъ	въ отечественныхъ, какъ и иностранныхъ извѣстіяхъ
»	27 сверху	увеличенными	преувеличенными
80	13 сверху	пѣхоту	посоху
83	36 —	война число	война, число
»	30 —	вступленіемъ	выступленіемъ
86	36 —	идутъ	идетъ
96	20 —	вносило бы	вносило
101	прим. 2	au dix mille	ou dix mille
107	25 —	таковы были	таковы же были
111	1 —	нужно назначить	нужно было назначить
»	23 —	патріарховъ	патріарха
120	9 —	одному часу	по одному часу
122	прим. 2	Butte	Büttel
»	» »	mit dem Jtaken ult nit	mit dem Staken nit
124	21 —	должна пробыть	должна была пробыть
136	31 —	въ Московію	въ Московіи

*) Petr. 310. Korb 187.

Оглавленіе.

— Стр.

I. Предѣлы русскаго племени и Московской Государственной Области . . . . . 21.

II. Пріемъ иностранныхъ пословъ . . . . . 36.

III. Государь и его Дворъ . . . . . 64.

IV. Войско 75

V. Управленіе и судопроизводство . . . . 106.

VI. Доходы Казны . . . . . 137.

VII. Видъ страны и ея Климатъ . . . . . 150.

VIII. Почва и произведенія 153

IX. Народонаселеніе 165

X. Города 183

XI. Торговля . . . . . 216.

XII. Монета . . . . . 258.

2011109910